

ISSN 2414-4452

PHILOLOGY

International scientific journal

№ 5 (23), 2019

Founder and publisher:
Publishing House «Scientific survey»

The journal is founded in 2016 (January)

Volgograd, 2019

UDC 8
LBC 72

PHILOLOGY

International scientific journal, № 5 (23), 2019

The journal is founded in 2016 (January)
ISSN 2414-4452

The journal is issued 6 times a year

The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Registration Certificate: III № ФС 77 – 62764, 18 August 2015

EDITORIAL STAFF:

Head editor: Musienko Sergey Aleksandrovich

Executive editor: Malysheva Zhanna Alexandrovna

Dmitrieva Elizaveta Igorevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department “Foreign languages - 5”

Ansimova Olga Konstantinovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of Russian language

Atamanova Natalia Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department

Authors have responsibility for credibility of information set out in the articles.
Editorial opinion can be out of phase with opinion of the authors.

Address: Russia, Volgograd, Angarskaya St., 17 "G"
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Founder and publisher: Publishing House «Scientific survey»

УДК 8
ББК 72

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал, № 5 (23), 2019

Журнал основан в 2016 г. (январь)
ISSN 2414-4452

Журнал выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 - 62764 от 18 августа 2015**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Малышева Жанна Александровна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры "Ино-
странные языки - 5"

Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка, Новосибирский государственный технический университет

Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г»
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: Издательство «Научное обозрение»

CONTENTS

Philological Sciences

- Gasanova V.T.*
LANGUAGE AND SPEECH AS IMPORTANT COMPONENTS OF WORK
CULTURE AND BUSINESS RELATIONS OF LAWYERS IN RUSSIA 6
- Kuzmina M.I.*
THE IMPLEMENTATION OF M. GORKY’S FAIRY-TALE
“THE SAMOVAR” FOR RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE CLASSES 9
- Chernikova L.F.*
PROFESSIONAL SPEECH OF A LAWYER
AS THE BASIS OF SUCCESSFUL COMMUNICATION..... 17

Literature of Peoples of the Russian Federation

- Syryseva D.Yu.*
THE IMAGE OF “ANOTHER REALITY” IN MODERN TATAR PROSE
(BASED ON THE STORIES OF R. SABIROV “WINDOW” AND S. YUZEEV “THE SAME MONEY”) 22

Literature of Peoples of the Foreign Countries

- Mikulashkek A.*
“THE FATEFUL ADVENTURES OF THE GOOD SOLDIER ŠVEJK
DURING THE WORLD WAR” IN A COMPARATIVE PERSPECTIVE
(NOTES ON THE LANGUAGE AND STYLE OF THE NOVEL NARRATIVE)..... 26

Linguistics

- Loseva-Bakhtiyarova T.V.*
NAMES OF CUTTING AND STABBING WEAPONS IN TURKIC LANGUAGES 67

The Russian Language

- Agashina Ye.N.*
THE PROBLEM OF STATUS DETERMINATION OF COMBINATIONS
«В ЗАВИСИМОСТИ ОТ» AND «ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ» IN THE SYSTEM OF FUNCTION WORDS 75

СОДЕРЖАНИЕ

Филологические науки

- Гасанова В.Т.*
ЯЗЫК И РЕЧЬ КАК ВАЖНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ КУЛЬТУРЫ
ТРУДА И ДЕЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ЮРИСТОВ В РОССИИ 6
- Кузьмина М.И.*
СКАЗКА М. ГОРЬКОГО «САМОВАР» НА ЗАНЯТИЯХ
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ 9
- Черникова Л.Ф.*
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РЕЧЬ ЮРИСТА КАК ОСНОВА УСПЕШНОЙ КОММУНИКАЦИИ 17

Литература народов Российской Федерации

- Сырысева Д.Ю.*
ОБРАЗ «ДРУГОЙ РЕАЛЬНОСТИ» В СОВРЕМЕННОЙ
ТАТАРСКОЙ ПРОЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ
Р. САБИРОВА «ОКНО» И С. ЮЗЕЕВА «ТЕ САМЫЕ ДЕНЬГИ») 22

Литература народов стран зарубежья

- Микулашек А.*
ЯЗЫК РОМАНА ПОХОЖДЕНИЯ БРАВОГО СОЛДАТА ШВЕЙКА
ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ
(ПРИМЕЧАНИЯ К ЯЗЫКУ И СТИЛЮ НАРРАТИВА РОМАНА) 26

Языкознание

- Лосева-Бахтиярова Т.В.*
НАЗВАНИЯ РЕЖУЩЕ-КОЛЮЩЕГО ОРУЖИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ 67

Русский язык

- Агашина Е.Н.*
ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА СОЧЕТАНИЙ
«В ЗАВИСИМОСТИ ОТ» И «ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ» В СИСТЕМЕ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ 75

УДК 81

ЯЗЫК И РЕЧЬ КАК ВАЖНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ КУЛЬТУРЫ ТРУДА И ДЕЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ЮРИСТОВ В РОССИИ

В.Т. Гасанова, кандидат филологических наук, доцент
Крымский филиал Российского государственного
университета правосудия (Симферополь), Россия

***Аннотация.** В настоящей статье рассмотрены проблемы функционирования русского языка в профессиональной деятельности юристов, затронуты определения понятий «язык» и «речь», выделяется перечень основных элементов культуры речи, которые, должны присутствовать в речи грамотного юриста в современной культуре труда и деловых отношений.*

***Ключевые слова:** русский язык, речь, культура речи, юрист, ораторское искусство.*

Культура речи понимается как умение использовать в конкретной ситуации такие языковые средства, которые позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении коммуникативных задач. Это употребление единственно нужных слов и грамматических конструкций в каждом конкретном случае.

Культура речи в значительной степени обусловлена культурой мышления, сознательной любовью к языку и уважением к себе как к личности.

Основной критерий культуры речи – нормативность, которая понимается как точность, правильность, чистота речи. Это умение точно, в соответствии с нормами литературного языка выражать мысли, без употребления жаргонных, диалектных и просторечных слов. Для юриста умение правильно и красиво говорить – это прямая профессиональная необходимость. Тем не менее, на сегодняшний день одной из актуальных проблем в профессии юриста, является недостаточность или вовсе отсутствие речевых навыков, которые коренным образом влияют на общение юриста с людьми. Человек, который искусно владеет речью, умеет логично и убедительно говорить, – несомненно, чувствует себя уверенным во всех повседневных ситуациях, ему с лёгкостью даётся устанавливать контакты с людьми, он добивается успехов во всех своих начинаниях. Таким образом, одним из самых главных элементов юридической профессии является уровень культуры речи юриста [5, с. 84].

Для начала следует выяснить, что означает понятие «речь» и чем оно отличается от понятия «язык». Язык – универсальный код, склад языковых средств. При помощи языка обрывается речь, именно с помощью неё осуществляется общение между людьми. То есть, речь является в данном случае воплощением языка. В научной литературе речь определяется как форма реализации языка; способ общения, осуществляющийся в звуковой и письменной форме; последовательное расположение языковых единиц, организованное по определённым литературным законам и в соответствии с содержанием выражаемой информации. В научной литературе под культурой речи подразумевается целенаправленное использование языкового материала, а также использование подходящих языковых средств, для достижения коммуникативных задач в определенной ситуации [3, с. 155].

Неправильное употребление юристом языковых норм может отрицательно сказаться на отношении слушателей. Нередко происходят случаи, когда вследствие недостаточно грамотной речи и неточно сформулированного вопроса, клиент, недопонимая, переспрашивает вопрос [2]. А ведь именно от того, насколько точно понимает собеседник речь юриста, зависит содержание их рассказа и показаний, а также исход дела. Следовательно, юристу необходимо стремиться к качественному улучшению своей речи, уделяя этому достаточно большое количество своего времени и усилий.

Исходя из вышеизложенного, целесообразно выделить перечень основных элементов культуры речи, которые, на наш взгляд, должны присутствовать в речи каждого юриста: ясность, точность, логичность, лаконичность, уместность. Рассмотрим каждый из них подробнее:

1. *Ясность*. выступает первым и основным элементом. В речи юриста ясность достигается глубоким познанием материала, убедительностью излагаемых аргументов, а также чёткостью композиции речи. В случае отсутствия перечисленных элементов, речь становится неясной и плохо усваиваемой, что в дальнейшем сыграет негативную роль в деятельности юриста. Нередко речь юриста становится неясной вследствие использования иноязычных слов и узкоспециальных терминов, например, «моему подзащитному инкриминируется» [1, с. 116]. А также в связи с речевой избыточностью, которая проявляется в употреблении слов, ничего не добавляющих к содержанию высказанного предложения, например, незаконное расхищение государственного имущества (может ли расхищение быть законным?); обмен имеющимся опытом и т.п.

2. *Точность*. В речи юриста данный элемент имеет большое значение, которое проявляется при выражении норм права, при обозначении действий обвиняемого или подсудимого, при обосновании квалификации преступления. Точность влияет на правильное понимание содержания речи. Одно неудачное выражение способно исказить мысль, сделать её непригодной для восприятия. Точность слов создаётся при использовании юридических терминов, например, мотивы преступления, а не побуждения; возбудить уголовное дело, а не начать; дело выделено в отдельное производство, а не в самостоятельное и пр. [2].

3. *Логичность*. В лингвистике она определяется как выражение в смысловых связях компонентов речи, связей и отношений между частями и компонентами мысли. Например, когда употребляются такие дефиниции, как «прокурор» и «адвокат» в человеческом сознании эти слова разграничиваются по основным признакам: прокурор – лицо, поддерживающее государственное обвинение в суде; адвокат – лицо, которое защищает права подсудимого. При этом люди представляют их обобщённо, без индивидуальных характеристик. Понятие «преступление», наоборот, вызывает чёткое представление о негативном, противоправном явлении, без конкретного указания на его виды [2].

4. *Лаконичность*. В культуре речи она достигается путём чёткого выражения мыслей, а также отсутствием многословия, т.е. лишних слов, не имеющих значимой информации и лишних, неуместных мыслей. Например, «Петров не отрицает факта кражи дорогих вещей личного имущества Смирновой, которые до кражи принадлежали бывшему его другу Петухову».

5. *Уместность*. Немаловажное качество речи юриста. Уместность проявляется, во-первых, в соразмерности языковых средств и содержания. Например, определяя степень тяжести причинённого телесного повреждения, следует использовать юридический термин «тяжкие телесные повреждения», а не выражать мысль приблизительно – «очень тяжёлые повреждения». Во-вторых, уместность выражается в соответствии языковых средств обстановке и служебному положению [4, с. 37].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что грамотно поставленная речь является необходимым качеством юриста в его профессиональной деятельности. При наличии всех перечисленных элементов, речь юриста обогащается мощным и приоритетным орудием, способным влиять на настроение, мнения, интересы, поведение как личности, так и коллектива.

Оратору для достижения своих целей при устном выступлении необходимо обладать грамотной речевой культурой. Речь по содержанию должна придерживаться литературных стилей, а также соответствовать правовым формам. Работнику юридического труда необходимо умело совмещать содержание своего выступления с жизнью, учитывать сложившуюся ситуацию, а также запросы и состояние слушающих его людей. При этом, юрист должен пользоваться различными литературными средствами языка – ударения, паузы, интонации и т.п. Данное исследование свидетельствует о том, что для построения успешной карьеры современным юристам необходимо уделять внимание развитию культуры юридического языка и мастерству ораторского искусства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боровков, А.В. Значение нравственных норм в деятельности прокурорского работника в РФ // Административный, арбитражный, гражданский процесс и конституционное судопроизводство: история развития и современность, 2015. – С. 116–118.
2. Елисеев, А.М. Необходимые элементы культуры речи юриста [Электронный ресурс] / А.М. Елисеев // Общественные науки. – № 7 (43). – Режим доступа: [https://sibac.info/archive/social/7\(43\).pdf](https://sibac.info/archive/social/7(43).pdf) (Дата обращения: 10.08.2019).
3. Канафина, М.А. Профессиональная речь юриста / М.А. Канафина // Наука и современность. – 2015. – № 36. – С. 155–156.
4. Куликова, И.С. Теория языка: введение в языкознание: Методическое сопровождение учебно-методического комплекса / И.С. Куликова. – М.: САГА, Форум, 2011. – 64 с.
5. Мечковская, Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. 8-е изд / Н.Б. Мечковская. – М.: Флинта, 2011. – 312 с.

Материал поступил в редакцию 01.09.19

LANGUAGE AND SPEECH AS IMPORTANT COMPONENTS OF WORK CULTURE AND BUSINESS RELATIONS OF LAWYERS IN RUSSIA

V.T. Gasanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
The Crimean branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution
of Higher Education “The Russian State University of Justice” (Simferopol), Russia

Abstract. *This article discusses the problems of the functioning of the Russian language in the professional activities of lawyers, the definitions of the concepts of “language” and “speech” are touched upon, a list of the main elements of the speech culture that should be present in the speech of a competent lawyer is highlighted in the modern culture of work and business relations.*

Keywords: *Russian language, speech, culture of speech, lawyer, oratory.*

УДК 378.147: 811.161.1 '243

СКАЗКА М. ГОРЬКОГО «САМОВАР» НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

М.И. Кузьмина, кандидат филологических наук, доцент
Кафедра преподавания русского языка как родного и иностранного
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
Россия

***Аннотация.** Статья посвящена практике использования аутентичного текста на занятиях по русскому языку с иностранными студентами и адресована иностранным студентам, которые изучают русский язык на подготовительном факультете (уровни А2 и В1). В статье предлагается разработка занятия по русскому языку как иностранному: система дотекстовых, притекстовых, послетекстовых упражнений на основе художественного текста. Языковым материалом служит литературная сказка М. Горького «Самовар». Изучение данного текста актуализирует страноведческие знания (устройство русского самовара, культура чаепития); позволяет повторить и закрепить лексику разных речевых ситуаций (в частности, «Посуда» и «Характер человека»), материал по грамматике русского языка (прежде всего темы «Имя прилагательное», «Глагол и глагольные формы» и др.); развивать и совершенствовать речевые навыки в чтении, говорении, письме. Работа над содержанием текста позволяет формировать коммуникативную и лингвокультурологическую компетенции.*

***Ключевые слова:** аутентичный текст, литературная сказка, чтение, русский как иностранный, М. Горький.*

В методике и практике преподавания русского языка как иностранного бесспорно признанием получил текстоцентрический подход, ориентированный на обучение иностранному языку в процессе чтения. Чтение текстов позволяет формировать у студентов коммуникативную компетенцию. Работа написана в рамках социокультурного подхода в преподавании русского как иностранного, результатом которого является формирование социокультурных и коммуникативных компетенций у иностранных студентов [20]. Теоретической основой настоящего исследования служат работы по теории и методике обучения чтению в практике преподавания РКИ [15, 20, 12, 2]; работы по изучению художественного текста на занятиях по РКИ [4, 7, 10, 17]; работы о лингвострановедческой направленности обучения чтению художественной литературы [3, 9, 11 и др.].

В современной практике обучения русскому как иностранному используются два типа текстов: учебные как специально подготовленные авторами учебника, методистом или преподавателем, и аутентичные как тексты, созданные в процессе реального общения носителей языка [10, 17 и др.]. «Аутентичным можно назвать текст, который существует в естественном культурном пространстве носителей языка. Именно такие тексты отражают культурные аспекты жизни россиян, образцы их речевого поведения» [17, с. 3]. При чтении аутентичного художественного текста положительно зарекомендовала себя работа с художественными текстами, написанными специально для детей. К характерным чертам данных текстов относятся «динамический сюжет и юмор; особая структура текста, диалогичность» [2, с. 24].

Цель настоящего исследования – обосновать возможность изучения в современной практике преподавания РКИ литературной сказки М. Горького «Самовар» и предложить методическую разработку комплексного занятия на основе текста сказки.

В практическом курсе русского языка как иностранного предлагается использовать русскую литературную сказку М. Горького «Самовар» как аутентичный текст. Эта сказка написана для детской аудитории, поэтому её отличает с одной стороны относительно небольшой объём, содержательная доступность и занимательность, с другой стороны она носит воспитательный характер (прежде всего осмеяние самохвальства). Данный текст отвечает таким требованиям, как сюжетность, динамичность сюжета, его драматичность, занимательность и доступность, проблемность содержания, диалоговая форма, наличие языковых трудностей и лексико-грамматического материала, отвечающего требованиям учебной программы, а также возможности обратиться к ценностному лингвострановедческому материалу: устройство русского самовара, отношение русских к самовару, культура чаепития. Сочетание эпоса и лирики в рамках одного текста может вызвать дополнительный интерес у иностранных студентов.

Данная сказка соответствует известным общедидактическим принципам отбора художественных произведений для работы в иностранной аудитории: коммуникативная природа, информационная насыщенность, эстетические достоинства произведения, его познавательная ценность, воспитательное значение, языковая доступность и национально-культурная значимость [9, 20 и др.]. Сказка М. Горького «Самовар» соответствует всем этим требованиям.

Актуальность исследования определяется вниманием современной лингвистики к изучению языковой картины мира М. Горького и необходимостью совершенствования методики анализа аутентичного художественного текста на занятиях по РКИ. Внимание к сказке М. Горького обусловлено недостаточной изученностью данного текста. В современной практике преподавания РКИ в вузе к литературной сказке данного писателя обращаются нечасто (единичные работы, например, работа Ф.А. Аутлевой) [1]. Новизна исследования состоит в том, что впервые обсуждается потенциал текста сказки М. Горького, сочетающей в себе ценный страноведческий и языковой материал.

В вузе преобладают аспектно-комплексные уроки по РКИ, предусматривающие выделение разных аспектов (фонетика, грамматика, говорение, чтение, развитие речи и др.) В статье предложен комплекс упражнений, разработанных на материале литературной сказки М. Горького. Традиционно работа с художественным текстом состоит из дотекстового, притекстового и послетекстового этапа [7, 15 и др.]. Изучение данной сказки актуализирует страноведческие знания (знакомство с автором и его творчеством, устройство русского самовара, культура чаепития, слова и словосочетания с национально-культурной семантикой). Нельзя не согласиться с точкой зрения Л.С. Журавлевой и М.Д. Зиновьевой о «необходимости снятия трудностей лингвострановедческого характера для правильного восприятия идейно-эстетического создания иноязычного художественного текста», связанных как с планом содержания произведения, так и с его языковой формой [7, с. 19]. Поэтому в системе упражнений особое внимание уделяется заданиям, направленным на формирование страноведческих знаний у иностранных студентов (упр. 1, 2, 3, 4).

Комплекс упражнений позволяет снять лексические трудности при чтении текста (семантика лексических единиц и выражений, упр.16-18, 19), повторить и закрепить лексику отдельных речевых ситуаций (в частности, «Посуда» и «Характер человека»); вспомнить синонимию и антонимию русского языка, тематические группы прилагательных (упр. 10-11). Отдельные упражнения направлены на освоение словообразовательных моделей, повторение способов словообразования отдельных частей речи (существительное, прилагательное, глагол) и закрепление суффиксов эмоциональной оценки (упр. 7, 13, 16). Упражнения направлены на повторение, закрепление и обобщение отдельных грамматических тем: русский глагол и деепричастие как глагольная форма, прошедшее время глагола, императив глагола, степени сравнения прилагательных, краткие и полные формы прилагательных, имя существительное (упр. 8, 9, 13-15). Послетекстовый блок содержит упражнения, направленные на понимание содержания сказки, ее сюжета и главной идеи; на умение оценивать и умение выразить

собственную точку зрения (упр. 23–24). Содержит упражнение, направленное на развитие навыка письма (упр. 24). В структуру занятия входят упражнения, направленные на формирование навыков различных видов чтения: ознакомительного чтения, поискового чтения и изучающего чтения.

Материал предназначен для работы с иностранными студентами подготовительного факультета, владеющими русским языком в объёме базового (A2) и достигающими I сертификационного уровня (B1), а также иностранным студентам профиля «Филология». В связи с тем, что объём текста не позволяет выполнить все упражнения на одном занятии, целесообразнее провести два занятия (или больше в зависимости от уровня студентов), посвящённых изучению тексту сказки. Можно разбить предлагаемый учебный материал следующим образом: на первом занятии выполнить дотекстовые упражнения и начать читать текст, в качестве домашнего задания – прочитать текст сказки полностью, на втором занятии работать с послетекстовым блоком упражнений.

В качестве **дотекстовых заданий** к сказке М. Горького «Самовар» предлагается следующее:

1. Знакомы ли вы с творчеством писателя М. Горького? Какие его произведения вы читали? Если вам незнаком этот автор, прочитайте краткие сведения о нём. Что вы запомнили о писателе? Небольшие учебные тексты библиографического содержания о М. Горьком можно найти в пособиях по изучению художественного текста в практике преподавания РКИ, в частности в пособие Е.Н. Мохань [13].

2. Самовар – это часть жизни русского народа, отражённая в его пословицах, поговорках и литературных произведениях. Про самовар русские люди придумали много пословиц и поговорок. Как вы понимаете пословицу *Самовар кипит – уходить не велит?* О чём она?

3. Одним из возможных вариантов дотекстовых заданий может быть работа с иллюстративным материалом. Например, рассмотрите картинку (изображение русского самовара). Опишите, как выглядит русский самовар.

4. Внимательно прочитайте текст и ответьте на вопросы: что нового вы узнали о русском самоваре, как устроен русский самовар?

Самовар стал символом России <...>. Чаепитие породило и особую систему сервировки, которая складывалась из многочисленных чайных принадлежностей: сам самовар, заварной чайник; чашки с блюдцами, как правило, фарфоровые <...>; сахарница; щипчики для колки сахара; ложечки, одна из них для насыпки чая <...>. Даже скатерти для стола должны были отвечать нормам чайного этикета. Поэтому столы покрывались только тонкой накрахмаленной, <...> белой или голубой материей [16].

Что же такое самовар? Это тонкостенный металлический сосуд, внутри которого вертикально установлена труба, от топки до конфорки. Топка крепится к нижней части самовара. Через решётку в трубе создаётся тяга в топке. В деревенских домах трубу самовара соединяли с дымоходом. Если тяги не хватало или погода была сырая, то дополнительно ее создавали при помощи сапога, который одевали на трубу. При закипании воды, на конфорку самовара устанавливался заварочный чайник. Тяга замедлялась, вода закипала медленнее, а чай заваривался и настаивался [8].

Ставили самовар на древесном угле или на сосновых шишках, реже на древесных щепках. Шишки и щепки быстро сгорали и не держали жара. Поэтому уголёк был предпочтительней: на нём самовар быстрее закипал и жар в самоваре держался дольше. От того, что жар долго держался, самовар не остывал, от того и шумел [16].

5. У самовара есть свои верные спутники, помощники. Назовите их? Прочтите загадки о спутниках самовара. Отгадайте их. 1. *Сама не ест, а людей кормит.* 2. *Две сестры: одна большая, / Кашу манную мешает, / Ну а меньшая сестрёнка / Чай помешивает звонко.* 3. *Неприступная на вид, / Подбоченившись стоит, / А внутри-то, посмотри / Угощение внутри!* 4. *На огне ворчу – бурчу, / А потом чихаю: / Пар я выпускаю.* 5. *Она всем очень нравится, / На блюдечке красавица, / С одной рукой милашка, / Фарфоровая ...* [6]. Слова-подсказки:

ложка, столовая ложка и чайная ложка, сахарница, чайник, чашка.

6. Найдите соответствия для слов *Чашка. Сахарница. Чайник. Кастрюля*. Составьте предложения по образцу. Запишите их. *Образец. Сливочник сливки В сливочник кладут сливки. Сливочник нужен для сливок.*

Следует обратить внимание студентов на то, что в русском языке есть суффиксы со значением «ёмкость,местилище чего-либо»; «содержание – содержимое»: - НИК и - НИЦ. Имена существительные с суффиксом – *ник* относятся к существительным мужского рода, а существительные с суффиксом – *ниц* – к женскому роду. 1. – НИК: *кофейник, чайник, сливочник, молочник*. 2. – НИЦ: *Сахарница, Конфетница, Селедочница, Перечница*. 3. *Салатник – салатница. Супник – супница. Соусник – соусница.*

7. В следующих словах выделите суффиксы эмоциональной оценки: *старенький, сладенький, горбатенький, хвастунишка, лунишка*. От каких слов образованы данные слова? Если трудно, используйте слова для справок. Слова: *луна, хвостун, горбатый, сладкий, старый*.

8-9. Повторим грамматику. Работа с прилагательными. Образуйте сравнительную степень от данных прилагательных: *ясный, жаркий, молодой*. Образуйте краткую форму прилагательных *горячий, могучий, смешливый*. Составьте с ними словосочетания или предложения.

10. Найдите соответствие. Прочитайте и распределите прилагательные по группам, в зависимости от их значения. Знаете ли вы значение всех прилагательных? При необходимости обращайтесь к словарю. Подберите к прилагательным существительные, составьте словосочетания. Прилагательные: *Маленький, пузатый, пылкий, медный, старенький, тусклый, рыжий, горячий, могучий, круглый, синий, пустой, сладенький, толстый, широкий, смешливый, унылый, печальный, стеклянный, чумазый, скромный*. Названия групп: *Цвет, Форма, Материал, Размер, Черты характера, Внешность, Состояние, Настроение*.

11. Прочтите следующие прилагательные. Вспомните их значения. Как вы считаете, что объединяет все прилагательные? Найдите антонимы. Запишите эти пары. Есть ли среди этих прилагательных синонимы? Назовите положительные и отрицательные черты человеческого характера. *Добрый, радостный, молодой, злой, печальный, грустный, большой, весёлый, старый, маленький, унылый, скучный, равнодушный, пылкий, храбрый, болтливый, смелый, молчаливый, трусливый, разговорчивый, красивый, умный, страшный, глупый, сильный, уродливый, скромный, слабый, хвастливый, тихий, хороший, шумный, плохой, эмоциональный*.

12. Прочтите прилагательные: *хвастливый, самовлюблённый, самоуверенный*. Можно ли назвать их положительными чертами характера? Почему? Каких людей можно охарактеризовать такими словами? От данных прилагательных образуйте существительные.

13. Прочтите глаголы. Обратите внимание на глаголы с приставками. Объясните значение приставок глагола. Как они меняют значение исходного глагола? Можно ли продолжить ряд глаголов.

1. *Кипеть – закипать, вскипеть, покипеть, выкипеть.*

Образуйте от глагола *кипеть* слова другой части речи.

2. *Лить – вылить, перелить, пролить, отлить.*

3. *Кричать – закричать, перекричать.*

4. *Смотреть – рассмотреть – осмотреть.*

5. *Лезть – перелезть, вылезть, залезть.*

14. Прочитайте глаголы. Объясните их лексическое значение. Что объединяет эти глаголы? Образуйте форму прошедшего времени и императив. 1. *Шипит, фыркает, звенит, дребезжит, гудит, ворчит*. 2. *Дразнить, раздражать, надоедать*. 3. *Обрадоваться, испугаться*. 4. *Сказать, выговаривать, бормотать, ворчать, отвечать*. 5. *Уходить, шляться, прыгать*.

15. Назовите глаголы, от которых образованы следующие деепричастия. *Поёжившись,*

хвастаясь, подзадоривая, скучая, распевая, оставив, фыркая, выпуская, боясь, отколов, испугавшись, глядя.

16. Прочитайте слова, обозначающие оценку поведения и отдельных качеств человека. Объясните их лексическое значение. Продолжите этот ряд существительных. Придумайте ситуации, где можно употребить данные имена существительные. Как образованы данные существительные? Смотри образец. Какие слова не образованы по этой модели? Образец: умница – умный, гордец – гордый. *Чудак, умница, красавец, хвастун, глупец, замарашка, гордец, самохвал, зазнайка.*

17. В каком значении употребляются выделенные слова? Приведите примеры, в которых данные слова будут иметь другое значение. Если потребуется, проверьте себя по толковому словарю. Сравни: *золотые серьги – золотые руки – золотое сердце*. 1. Это будет странно – /Слышать смех стеклянный... 2. Всё пустое, всё пустое! / Надоели эти двое! 3. Да, их болтовня / Раздражает и меня, – ответила сахарница сладеньким голосом [5].

18. Как вы понимаете выражения «*почесать затылки*», «*туда ему и дорога*», «*нам ни холодно ни жарко*», «*жаловаться на судьбу*», «*так себе*»? В каких ситуациях так говорят?

Выражения	Значение выражения
Туда ему и дорога	восклицание в значении: кто-нибудь получил по заслугам (разг.)
Нам ни холодно, ни жарко	безразлично, всё равно. О равнодушном отношении к кому-либо или чему-либо. (разг.)
Так себе	оценка кого-либо, чего-либо, как ничем не выделяющихся, не отличающихся какими-либо достоинствами. (разг.)
Жаловаться на судьбу	выражать неудовольствие по поводу каких-то неприятностей, несправедливости, неудач в жизни.
Почесать затылки	быть озадаченным, обескураженным чем-либо (и при этом почёсывать кожу на затылке) [14].

19. Познакомьтесь со словами, которые вы встретите в тексте. Обратите внимание на значение следующих слов. Поскольку в тексте сказки много стилистически маркированной лексики (чаще разговорной), необходимо до чтения объяснить их значения, используя разные способы толкования семантики слов, существующие в практике преподавания РКИ. Прежде всего, это *болтовня, хвастун, чумазая, замашки, шляться, рожса, клюкнуться*. Отдельно следует остановиться на устаревшем слове *рыльце* – носик сосуда; *носик кувшина, носик чайника* [14].

20. Прочитайте сказку М. Горького «Самовар». Подготовьтесь ответить на вопросы и выполнить задания. В качестве **послетекстовых заданий** к тексту могут быть использованы следующие. Например, задание, проверяющее понимание текста. **21.** Опираясь на текст, выберите верные утверждения. 1. *Люди забыли о самоваре*. 2. *Маленький самовар очень любил похвастаться*. 3. *У сливочника был веселый характер*. 4. *Самовар был медный*. 5. *Чайник и самовар были друзьями*. 6. *Сахарница была деревянная*. 7. *Чашки уважали самовар*. 8. *Распаялся самовар*. 9. *Погиб только самовар*. 10. *Жалела самовар только тушилка*.

22. Закончите предложения, выбрав вариант, соответствующий содержанию рассказа.

1. Эта история произошла...

а) зимой в лесу; б) ранним утром в саду; в) летней ночью на даче.

2. Люди забыли прикрыть трубу самовара тушилкой и ушли...

а) в гости; б) в магазин; в) оставив чайник на конфорке.

3. Чайник был старенький, с трещиной на боку, и очень любил...

а) свой самовар; б) дразнить самовар; в) помогать самовару.

4. Самовар фыркает паром и ворчит: *Вовсе нет. Мы с ней – соседи, даже несколько...*

а) родня; б) семья; в) друзья.

5. Этот маленький самовар очень любил ...

а) петь; б) ругаться; в) хвастаться.

6. Так самовар и чайник всё кипели и кипели...

а) радуя всех, кто был на даче; б) мешая спать всем, кто был на столе;

в) веселя луну в небе.

7. Загорчал чайник: Ф-фу, как горячо, жарко мне отчаянно, это не случайно. Это чрезвычайное! И ...

а) упал с самовара и рассмеялся; б) укатился со стола; в) лопнул!

8. Луна жила б со мной (самоваром), не скучая, и шел бы дождь всегда...

а) из конфет; б) из чая; в) из молока.

9. Люди вечно жалуются на судьбу, а тушилку позабыли надеть на ...

а) трубу самовара; б) чайник; в) куклу.

10. Жил-был самовар, маленький и пылкий, и однажды не прикрыли самовар тушилкой! Был в нем сильный жар, а воды немного, распаялся самовар, – ... а) немного его жалко; б) это очень грустно; в) туда ему и дорога.

23. В качестве послетекстовых заданий могут быть заданы следующие вопросы: Где происходит действие сказки? В какое время года и время суток? Почему так называется сказка? Согласны ли вы с этим? Как бы озаглавили текст вы? Первоначальное название текста – «*О самоваре, который зазнался*». Какое название вам нравится больше? Почему? Как вы думаете, почему автор изменил название сказки? Почему? Как вы считаете, можно назвать данную сказку «Жил-был самовар»? Почему? Какое название кажется вам удачнее? Объясните?

Кто персонажи сказки? Сколько их? Кто является главным героем сказки? Опишите, как выглядит самовар. Найдите и прочитайте еще раз в тексте. Самовар, какой он? Продолжите ряд: самовар – *пузатый*... Как выглядят другие персонажи сказки. Похожи ли самовар и чайник? Какие слова помогают автору показать характеры героев? Как автор относится к главному герою? Выпишите глаголы, характеризующие *самовар* и *чайник*. Какими качествами характера обладают персонажи сказки? Как относятся к другим самовар? Подтвердите это словами из текста. Как относятся к самовару другие персонажи сказки? Подтвердите это словами из текста. Все относятся к самовару плохо? Кто беспокоиться о самоваре? Почему? Почему тушилка испугалась? Как вы думаете, *самовар* и *тушилка* друзья? Почему вы так думаете? Почему чашки хохотали и смеялись?

Чем закончилась сказка? А вы поняли, почему самовар распаялся? Кто виноват в том, что случилось с самоваром? Понравилась ли вам эта сказка? Чем? Если нет, почему?

24. Поразмышляйте: в каких ситуациях русские говорят «*туда ему и дорога*»? Когда? Какое отношение к лицу, о котором так говорят? Хорошо ли это? Согласны ли с финалом сказки и ее последними словами «*туда ему и дорога*». Напишите об этом. Используйте следующие конструкции: *Фраза «туда ему и дорога» имеет значение... / Если так говорят про конкретного человека, то относятся к нему .../Я согласен с финалом сказки «Самовар», потому что...* или *Я не согласен с финалом сказки «Самовар», потому что...*

Таким образом, настоящая методическая разработка основана на чтении аутентичного текста русской литературы и охватывает все виды речевой деятельности. Комплексная работа над текстом литературной сказки М. Горького «Самовар» на уроке РКИ помогает не только закрепить полученные грамматические и лексические знания, но и отработать необходимые языковые и речевые умения. Работа над содержанием текста позволяет формировать коммуникативную и лингво-культурологическую компетенции: позволяет обратиться к разным частям речи русского языка и особенностям русского словообразования; осознать процесс лексической сочетаемости русских слов; понимать общность и различия лексических значений разных слов; предопределяет готовность использовать языковые единицы при самостоятельном конструировании высказываний и собственных текстов; служит развитию связной речи. Привлечённый к анализу языковой и дидактический материал может быть

использован в специальных вузовских курсах с иностранными студентами в рамках дисциплин: «Чтение» и «История русской литературы» на подготовительном факультете и «Чтение художественной литературы» в рамках курса практического русского языка для филологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аутлева Ф.А. Методические разработки художественных текстов на уроке русского языка как иностранного (на материале рассказов И.С. Тургенева «Воробей» и М. Горького «Воробьишко») / Ф.А. Аутлева // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2017. – Вып. 1. – С. 27–32.
2. Березовская, Я.Л. Русский язык как иностранный: Чтение: учебное пособие / Я.Л. Березовская, О.И. Шарафутдинова. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. – 135 с.
3. Верещагин, Е.М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Рус. яз., 1990. – С. 246.
4. Воробьева, С.Н. Художественный текст как образец национально-культурного дискурса: подходы к изучению произведений русской литературы на занятиях по русскому языку как иностранному / С.Н. Воробьева, О.М. Крижовецкая // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». – 2015. – Т. 7. – № 2. – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/78PVN215>.
5. Горький М. Самовар // Сказки русских писателей. Том 2 // Аникин В.П. Сказки народов мира. – М.: Детская литература, 1994. – С. 6–7.
6. Детские загадки про посуду/ Загадки/ Ах! Детки // Электронный ресурс: <http://ahdetki.ru/zagadki/2013/08/07/detskie-zagadki-pro-posudu>. (Дата обращения: 22.06.2018).
7. Журавлева, Л.С. Обучение чтению (на материале художественных текстов) / Л.С. Журавлева, М.Д. Зиновьева. – М.: Рус. яз., 1984. – С. 98.
8. Как самовар стал символом России // Электронный ресурс: <http://slavyanskaya-kultura.ru/slavic/slavyanskii-byt/kak-samovar-stal-simvolom-rossii> (Дата обращения: 22.06.2018)
9. Кузнецова, Е.О. Художественный текст как единица формирования страноведческих знаний / Е.О. Кузнецова // Вестник СПбГУ. – 2011. – Сер. 9. – Вып. 3. – С. 118–126.
10. Кулибина, Н.В. Зачем, что и как читать на уроке. Художественный текст при изучении русского языка как иностранного / Н.В. Кулибина. – СПб.: Златоуст, 2001. – 264 с.
11. Кулибина, Н.В. Методика лингвострановедческой работы над художественным текстом / Н.В. Кулибина. – М.: Рус. яз., 1987. – 143 с.
12. Лебединский, С.И. Методика преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие / С.И. Лебединский, Л.Ф. Гербик. – Мн., 2011. – С. 309.
13. Мохань, Е.Н. Русский язык как иностранный. Работа с художественным текстом: учебное пособие / Е.Н. Мохань, И.Ю. Самойлова. – Минск: РИВШ, 2015. – 168 с.
14. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений/ Российский фонд культуры; - 2-е изд., испр. и доп. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: АЗЪ, 1995. – 928 с.
15. Пассов, Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению / Е.И. Пассов. – М.: Рус. яз., 1989. С. 276.
16. Прохоркин, В. Гимн самовару [Электронный ресурс] / В. Прохоркин. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2011/09/11/1046> (Дата обращения: 20.06.2018).
17. Тумакова Е.В. Аутентичный текст на занятиях по русскому языку как иностранному / Е.В. Тумакова, С.О. Драчева // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2016. – Том 2. – № 1. – С. 228–238.
18. Федотова, Н.Л. Методика преподавания русского языка как иностранного (практический курс) / Н.Л. Федотова. – СПб.: Златоуст, 2013. – 192 с.
19. Чернявская, Т.Н. Лингвострановедческий критерий отбора художественных текстов для работы в иностранной аудитории // Художественный текст как объект лингвострановедческого анализа и материал учебной работы: метод. пособие / Т.Н. Чернявская. – М.: Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 1997. – С. 65–72.
20. Щукин, А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие для вузов / А.Н. Щукин. – М., Изд-во «Высшая школа», 2003. – 334 с.

Материал поступил в редакцию 01.09.19

THE IMPLEMENTATION OF M. GORKY'S FAIRY-TALE "THE SAMOVAR" FOR RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE CLASSES

M.I. Kuzmina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
The Department of Teaching Russian as a Native and Foreign Language
Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University, Russia

***Abstract.** The article aims to resume and analyze the experience of using authentic texts at Russian as a foreign language classes. The article refers to foreign students of pre-university department, who demonstrate A2 and B1 Russian as a foreign language level. The article contains author's manual materials that can be used in class (the complex of pre-text and after-text exercises created on the basis of literary text). Language material was extracted from M. Gorky's fairy-tale «The samovar». The study of the text brings up to date cross-cultural knowledge (the system of Russian samovar, traditions of Russian tea party) as well as lets to revise and set the vocabulary for different communicative situations («Kitchen utensils», «Character»), revise and set acquisition of grammar material («Adjectives», «Verbs and verbal forms» and etc.), evolve and improve reading, writing and speaking skills.*

***Keywords:** authentic text, literary fairy-tale, reading, Russian as a foreign language, M. Gorky.*

УДК 81

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РЕЧЬ ЮРИСТА КАК ОСНОВА УСПЕШНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Л.Ф. Черникова, доктор филологических наук, профессор
Крымский филиал Российского государственного
университета правосудия (Симферополь), Россия

***Аннотация.** Профессиональная речь юриста является основой его деловой компетенции. Юридическая практика способствует возникновению условий, требующих соответствующего решения в процессе межличностного взаимодействия, поэтому развитие речи у юристов является необходимым условием развития профессиональных навыков. В своей деятельности юристу необходимо не только профессионально-грамотно относиться к работе, но и прекрасно владеть нормами современного русского литературного языка, поскольку ему, по роду занятий, приходится быть в роли оратора и пропагандиста законов и правовых знаний, грамотно оформлять деловые процессуальные документы, а также уметь применять свои опыт и знания на благо конкретного клиента. Однако часто возникает необходимость в рекомендациях по усовершенствованию речи юриста, редактированию диалога, проведению беседы. В данной статье рассмотрены особенности профессиональной речи юриста с правовой и лингвистической точки зрения.*

***Ключевые слова:** речь, разговор, беседа, квалификация, профессионализм, грамотность.*

Надо справедливо заметить, что в процессе юридической деятельности наблюдается недостаточно внимания к языку. В наши дни уважительное отношение к строению слова, его значению значительно ослабело. Если обратиться на некоторые уголовно-процессуальные документы, то можно встретить и речевые, и стилистические ошибки. Как повысить сегодня профессиональную речь юриста? Возможно, в данном случае необходима помощь специалистов-филологов. Надо помнить, что слова заслуживают уважения, а язык – это искусство. А.А. Ушаков – советский правовед, основатель советской правовой лингвистики писал, что «...Язык советских законов...почти не изучается в юридических учебных заведениях. О нем весьма бегло говорится в общей теории права и в некоторых отраслевых учебных дисциплинах. Студенты-юристы не получают необходимых знаний о языке права». Речь юриста, как какая-либо другая специализированная речь должна обладать и обладает на практике рядом особенностей, позволяющих узнать в ораторе именно юриста. Но при этом стоит отметить, что качественно распоряжаться юридической речью может только опытный и квалифицированный юрист, обладающий достаточным запасом знаний как в сфере юриспруденции, так и в других сферах общественной жизни.

На наш взгляд, основными особенностями юридической речи являются следующие постулаты:

1. Речь юриста в большинстве передает слушателям определённые знания полезные для него и содействует плавному переходу их в убеждения.
2. Юридическая речь учит, воспитывает, произносится с целью влияния на слушателя и аудиторию, на их мнения, интересы, настроение, чувства и поведение.
3. Чтобы достичь цели своего выступления юрист должен обладать высокой речевой и умственной культурой. Юридическая речь должна иметь научное содержание, соответствовать правовым нормам.

4. Идеальная речь юриста по форме – логична, ярка, образна.

5. Юрист, произносящий речь, должен обладать умением связывать умело содержание произносимого с жизнью, принимать во внимание запросы и состояние аудитории, эффективно пользоваться языковыми средствами выразительности (интонации, ударения, паузы и т. д.).

Конечный успех вступления юриста и его речи будет зависеть от его профессионального опыта, знаний, владения материалом, искренности, выдержки, самообладания, умения правильно внешне выразить свои чувства.

На наш взгляд, юрист должен быть человеком, безусловно владеющий нормами литературного языка и как говорил известный русский оратор-юрист А.Ф. Кони, «что общее образование должно идти впереди специального». И это справедливо! Юристу доверяют, «посколькy он ежедневно имеет дело с самыми разнообразными явлениями жизни, и эти явления он должен правильно оценить, принять по ним нужное решение и убедить в правильности своей точки зрения обращающихся к нему людей». Нарушение юристом языковых норм может вызвать отрицательную реакцию со стороны собеседников. Значит, язык – это профессиональное оружие юриста. И вопросы культуры речи юриста поднимаются самой жизнью, практической необходимостью [1, с. 45].

Обязанность юриста выражать свои мысли профессионально и грамотно в соответствии с нормами литературного языка подчёркивается высоким и ответственным статусом права. На наш взгляд, для юристов необходимо широкое фундаментальное общее образование. Юридическое образование рассматривается как составляющая гуманитарного образования, целью и результатом которого является всесторонне развитая личность. Культура речи является одной из составных частей правовой культуры. Юрист, безусловно, должен обладать способностью логически верно, грамотно, аргументированно и ясно строить устную речь. Многие юристы признаются в том, что они вникают в суть проблемы, забывая о грамотности текста. Поэтому можно встретить в их делах различного рода ошибки. Проведённый анализ судебных актов и стенограмм позволяет нам прийти к выводу, что в судебных актах и стенограммах зачастую допускаются не только юридические, но и речевые, грамматические, орфографические, пунктуационные ошибки. [2, с. 27]

Были выявлены следующие типичные языковые ошибки:

1. Нарушение лексической сочетаемости. В качестве примеров можно привести следующие сочетания: «сделка заключена» (правильно: сделка совершена), «договор совершён» (правильно сказать: договор заключён), «оплатить задолженность» (правильно: погасить задолженность), «нарушение законных прав и интересов» (правильно: нарушение прав и законных интересов»; незаконных прав не бывает) и др.

Допускаются также лексико-фразеологические ошибки. Например: «Их собралось где-то человек пять, решивших ограбить магазин». В данном предложении наречие «где-то» неуместно. Правильно будет: «Их собралось **примерно (приблизительно)** человек пять...». Или еще в текстах можно встретить вместо «где-то» – «порядка», что также является ошибкой.

2. Многословие. Например, употребляются следующие словосочетания: «несовершеннолетние граждане» (правильно: несовершеннолетние), «правопреемником общества после его реорганизации путем преобразования является...» (правильно: правопреемником общества после его преобразования является...).

3. Тавтологические конструкции. Так, в судебных актах встречаются фразы: «Федеральный закон Российской Федерации» (правильно: «Федеральный закон», если он принят после 12.12.1993 г., или «Закон Российской Федерации», если он принят до 12.12.1993 г.), «федеральные органы Российской Федерации» (правильно: федеральные органы).

4. Употребление разговорно-просторечных слов: «проплатил», «закуп товара», «пролив квартиры» и т.д.

5. Акцентологические ошибки. Юристы почему-то постоянно в речи говорят

«осу/жденный», вместо «осуждѐнный», «обле/гчить», вместо литературного «облегчи/ть», «обеспече/ние», вместо «обеспе/чение» и т.д. Ведь правильность-главный признак нормированной речи.

б. Синтаксические ошибки. В предложении: «Ряд вопросов **осталось** нерешѐнным (надо: **остался**), ведь речь идёт о ряде (ряд- муж. род).

«На вопросы судьи отвечал **более-менее** спокойно».

Правильно: «На вопросы судьи отвечал **более или менее** спокойно».

7. Морфологические нормы часто нарушаются неправильной падежной формой числительных. Например, в предложении: «Около **пятьсот пятьдесят** тысяч тонн было вывезено... Правильнее было бы сказать: «Около **пятисот пятидесяти** тонн было вывезено...».

В речи юристов встречаются и просторечные слова и выражения, типа «**В данный период времени** он находится в СИЗО». Ведь «период» – это промежуток времени, в который что-нибудь совершается. В слове «период» уже включено понятие времени. Поэтому правильно будет сказать: **в данный период** или **в данное время**.

Мало кому известно о речевых алогизмах. А это и противоречивость высказывания, отсутствие логической связи между частями высказывания (непоследовательность), нелогичность речи и др. логические погрешности. Например, такое предложение. «После обследования, больные направляются на лечение по месту жительства». Данное предложение имеет двойной смысл, двоякое значение, поэтому трудно понять, сами ли больные решают продолжить лечение или их кто-то направляет.

В предложении «Практически все сотрудники кампании работают, не зная, кто добивается лучших результатов, кто худших...» наблюдается неточный выбор слова, отсутствие смысла в сочетании «добиваться худших результатов» (интересно, какие усилия надо для этого прилагать?) искажают мысль.

Также, необходимо отметить, что речь в деятельности юриста выступает как носитель информации и как средство воздействия. Воздействие при помощи речи можно классифицировать на различные типы. Так, существует воздействие человека на человека, а также человека на группу лиц и т.д. На мой взгляд, профессиональная речь юриста является, главным образом, воздействием человека на человека и человека на группу.

Достижению профессиональной ясности в речи юриста могут способствовать глубокие знания в материале, чёткость композиции речи, а также логичность изложения. Кроме того, профессиональная речь юриста должна изобиловать убедительностью приводимых аргументов. В основном, неясность речи приходится на низкую культуру мышления и нечёткое знание материалов дела. Зачастую речь становится неясной из-за использования заимствованных иностранных слов, словосочетаний и специализированных терминов, например, «мо-ему подзащитному инкриминируется...» и т.д. Также в профессиональной речи юриста избыточность может проявляться при употреблении слов, которые ничего не прибавляют к содержанию высказывания, даже в узком контексте. Примеров использования в речи юриста может быть известная фраза: «незаконное растаскивание государственного имущества (может ли быть растаскивание государственного имущества законным?)» и т.д. [3, с. 46]

Следовательно, юрист должен быть крайне точен в своих словах, а также при выражении норм права, обозначения действий обвиняемого, а также при обосновании квалификации преступления. Как считает Канафина М.А., важнейшим качеством речи, определяющим ее эффективность, является правильность, предполагающая соблюдение общепринятых норм русского литературного языка. Зачастую юристами нарушаются синтаксические нормы, например, «вопреки устава», «согласно объяснения», «согласно закона» и т.д. Также повышению эффективности профессиональной речи юриста мешает и нарушение синтаксических норм русского языка, например, «Уже находясь в местах лишения свободы ему исполнилось 18 лет...». [4, с. 17]

Лаконичность речи достигается точным выражением мыслей, наличием чётких формулировок, отсутствием лишних слов, не несущих информации, отсутствием многословия и

лишних, неуместных мыслей. Ошибкой является многословие: Подсудимый был в совершенно нетрезвом состоянии или Иванов всякий отзывается только положительно на просьбы своих соседей, где они живут вместе.

При разговоре юрист и собеседник ждут друг от друга определённых действий. Именно это и оказывает влияние на их речь. Стоит отметить, что при общении с юристом у собеседника зачастую первоначально возникает психологический барьер, поэтому развитие речи юриста является необходимым условием успешной коммуникации. Ведь от того насколько правильная речь у юриста будет зависеть преодоление этого барьера. Можно сказать, что лучшим методом здесь является высказывание своего одобрения собеседнику и образование положительной реакции с его стороны. Ведь согласие-это желанное явление, которое не содержит элементы конфликта. Именно поэтому напряжение должно быть снято посредством грамотной культуры речи юриста. [5, с. 12]

Для позитивной беседы речь юриста должна соответствовать двум принципам первого этапа – снятие психологических барьеров и уменьшение напряжения, которые объединяются в одну функцию, которую можно назвать как подготовка основы для последующего контакта. Основные факторы первого этапа можно поделить на отрицательные и положительные. Положительные – факторы, которые вызывают одобрение у клиента. Выделяются:

- а) частота согласий;
- б) их взаимность и совпадение;
- в) очерёдность согласий обеих стороны.

Отрицательный фактор – это непосредственно настороженность, которая определяет возникновение барьеров.

Когда собеседник услышит, что вы согласны с ним, с его точкой зрения, он воспримет это как успех. Частота согласий такого рода закрепляет стиль общения. Постоянство согласий создаст у собеседника состояние удовлетворённости действиями – как своими, так и вашими. Одним из принципов общения должен быть выбор нейтральной темы для разговора, например, погода. При этом в правильной речи юриста должна присутствовать оценка таких проблем, с которыми нельзя не согласиться. Как правило, это общие для определенной группы суждения. Речь юриста, обладающая всеми перечисленными в статье качествами, воспринимается как воздействующая. Только при этом условии она может выполнять свою высокую общественную функцию. [6, с. 28]

Таким образом, речь, слово, язык занимают особое место в профессиональной деятельности юриста. Главная задача грамотной профессиональной речи юриста – доступно и ясно сформулировать свою мысль, уметь осуществлять основные речевые функции, избегать монотонности в речи, изъясняться выразительно, а это и правильный тон разговора, интонация. Необходимо уметь достигать смысловой целостности высказывания, выработать свою стратегию выступления, опираться на собственный анализ проблемы и выразить собственную оценку данной проблемы, употребляя необходимые средства речевой выразительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверьянова, М.Ю. Культура речи в профессиональной деятельности юриста / М.Ю. Аверьянова // Актуальные проблемы права и управления глазами молодежи. – 2014.
2. Алимйрзаева, З.А. Индивидуальная речь будущего юриста как основа реализации профессиональных функций / З.А. Алимйрзаева // Развитие правового сознания в образовательном пространстве. – 2014.
3. Дылыкова, Ц.Д. К вопросу речевой культуры юриста / Ц.Д. Дылыкова // Проблемы гражданского общества и правового государства. – 2016. – № 1.
4. Канафина, М.А. Профессиональная речь юриста / М.А. Канафина // Наука и современность. – 2015. – № 36.
5. Лазарева, Н.М. Методические проблемы в определении содержания обучения профессиональной речи юристов / Н.М. Лазарева // Приоритетные направления развития науки и образования. – 2015. – № 2.

6. Чурсина, Г.В. Основы профессиональной речи юриста / Г.В. Чурсина // Актуальные проблемы социально-экономической политики на современном этапе. – 2015.

Материал поступил в редакцию 01.09.19

PROFESSIONAL SPEECH OF A LAWYER AS THE BASIS OF SUCCESSFUL COMMUNICATION

L.F. Chernikova, Doctor of Philological Sciences, Professor
The Crimean branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution
of Higher Education “The Russian State University of Justice” (Simferopol), Russia

***Abstract.** Professional speech of a lawyer is the basis of his business expertise. Legal practice contributes to conditions that require appropriate solutions in the process of interpersonal interaction, so the development of the speech of lawyers is a necessary condition for the development of professional skills. In his work, a lawyer needs not only to have a professional and competent attitude to work, but also to be fluent in the norms of the modern Russian literary language, since, by the nature of his occupation, he has to be in the role of a speaker and advocate for laws and legal knowledge, correctly execute business procedural documents, and also be able to apply his experience and knowledge to the benefit of a particular client. However, often there is a need for recommendations on improving the speech of a lawyer, editing a dialogue, and conducting a conversation. This article discusses the features of the professional speech of a lawyer from a legal and linguistic point of view.*

***Keywords:** speech, talk, conversation, qualification, professionalism, literacy.*

УДК 82-32

**ОБРАЗ «ДРУГОЙ РЕАЛЬНОСТИ» В СОВРЕМЕННОЙ
ТАТАРСКОЙ ПРОЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ
Р. САБИРОВА «ОКНО» И С. ЮЗЕЕВА «ТЕ САМЫЕ ДЕНЬГИ»)****Д.Ю. Сырысева**, магистрант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия

***Аннотация.** Статья посвящена характеристике концепции альтернативной (другой) реальности в рассказах современных татарских писателей. Рассматриваются тексты, в которых созданы образы героев-медиумов (проводников в другую реальность) и образы порталов (мест и сооружений, в которых устанавливаются контакты с другими мирами), делается попытка жанрово-стилевой классификации таких произведений, соединяющих в себе узнаваемые реалии современной действительности, психологический план и элементы фантастического. Показывается как сходство, так и различие концепций альтернативной реальности в произведениях двух авторов.*

***Ключевые слова:** С. Юзеев, Р. Сабилов, «другая реальность», фантастика, реализм, постмодернизм.*

Как известно, существует полуофициальная с научной точки зрения гипотеза о том, что «реальность» (в пределах человеческой судьбы или истории) фиксируется в тот момент, когда человек проявляет волю или осуществляется некий выбор (индивидуальный или коллективный, осознанный или бессознательный). Оставшиеся (альтернативные) «вероятности» развития событий «существуют где-то за пределами нашей вселенной, но они существуют, а не являются химерами сознания» [2, с. 35], то есть реальность многовариантна. Эта гипотеза активно используется в рамках фантастического дискурса, в жанре альтернативной истории, который один из исследователей точно определил как «системный индикатор социального дискомфорта» [1]. Однако в данной статье мы обращаемся к произведениям, которые можно отнести скорее к психологической прозе, в которой фантастический элемент подчинён задаче раскрытия состояния героя, осмысления им своей жизни, ее пробуксовок и тупиков, неожиданной реализации ожиданий. В современной татарской русскоязычной литературе можно выделить ряд авторов (Ш. Идиатуллин, А. Нурисламова (А. Нури), Р. Сабилов, С. Юзеев), в творчестве которых герои-протагонисты существуют как бы на грани обыденной, физической реальности и других миров, о существовании которых получают разного рода подсказки, эзотерические откровения, а в некоторых случаях даже перемещаются в реалии иного мира и обретают в нем альтернативное существование. В этой связи обращают на себя внимание два рассказа современных татарских писателей – Рустема Сабилова и Салавата Юзеева, в которых главные герои в переломные (пороговые) моменты своей жизни сталкиваются с иной реальностью, альтернативной или хронологически сдвинутой по отношению к той, в которой они физически существуют или существовали до сих пор.

В рассказе Рустема Сабилова «Окно» главный герой Виктор Кривин таинственным образом попадает из старого дома в Казани, где прожил часть своего детства, в номер

гостиницы «Колос» в городе Красноарск, в котором ранее не бывал. Привычный ему мир резко меняется, Кривин подозревает, что это просто сон, но окружающие его люди ведут себя так, как будто давно с ним знакомы, и видят в его странном поведении результат амнезии или душевной болезни. Попытки героя вернуться в Казань, безуспешные звонки родным, наконец, отъезд не меняют ситуации: он снова возвращается в Красноарск «через две недели, похудевший, с отросшей щетиной», потому что, как можно догадаться, и Казань в этом параллельном пространстве оказалась другой. В эпилоге рассказа Кривин и его знакомая Вероника исчезают из городка, «будто не было их тут отродясь» – сюжет закольцовывается, так как изначально ситуация «перехода» была спровоцирована встречей героя с подругой детства или ее двойником. Две реальности в рассказе как бы отражаются друг в друге, их первичность или вторичность относительны, притом, что остаётся не вполне прояснённым стиль и качество жизни героя в «первой» реальности (кроме состояния кризиса среднего возраста); остаётся и возможность истолкования происходящего как сна или душевного недуга.

В рассказе Салавата Юзеева «Те самые деньги» повествование ведётся от первого лица. Рассказчик в деталях излагает историю, произошедшую с ним несколько лет назад, а именно случай неожиданного обогащения при продаже старого дома фирме со значимым названием «Мэджик интернейшнл компани». Не имея собственного жилья, начинающий риелтор ночует в старинном особняке, выставленном на продажу. И каждую ночь там появляется старик, потомок купеческой фамилии Афандиных, которой когда-то принадлежало здание, и рассказывает истории его обитателей. Пытаясь обнаружить между этими историями причинно-следственные связи, на которые намекает ночной посетитель, и приложить к ним законы здравого смысла, герой терпит неудачу и в итоге просто доверяется их странной неочевидной логике. Крупная сумма денег, полученная им при заключении шуточного пари с одним из покупателей, становится вопреки ожиданиям (традиционно в литературе это связано с чёрной сделкой) скорее благодарностью за проявленную чуткость к таинственным событиям прошлого купеческой семьи, за отсутствие скепсиса в оценке мистической стороны этих событий.

Медиумами, проводниками героев в другую реальность, в которую они погружаются или с которой соприкасаются, в рассказах обоих авторов выступают странные знакомые центральных персонажей, с иным миром так или иначе связанные. В рассказе Сабирова проводником становится бывшая соседка Кривина – Вероника Зотова, «скрипачерка», как ее дразнили в детстве, имеющая своего двойника в другой реальности. У Юзеева это старик, больше напоминающий призрак старого дома или его дух, но представляющийся герою инженером-электронщиком на пенсии, алкоголиком и потомком рода Афандиных, изредка посещающим родовое имение.

Порталами для осуществления фантастических контактов между двумя мирами (параллельными или сдвинутыми во времени) оказываются в обоих текстах старые дома в Казани. У Сабирова это двухэтажный запущенный домишко, который не любят жильцы, «не чая, как выбраться отсюда». Дом отвечает своим нелюбимым обитателям «неистребимым духом гнили, плесени и грибка», при этом достигая зловещего олицетворения: кажется, что именно он «исподволь будоражит внезапные, бессмысленные ссоры, перерастающие в истошные скандалы, жалкие заговоры и бойкоты». Символом иной реальности, знаком пограничного расположения этого дома, словно избушки Бабы-Яги, становится никем не замеченное, кроме Вероники, нарушающее геометрию здания тринадцатое окно – «там никогда не горел свет по вечерам», «его не должно было быть, но оно – было». Оно обнаруживает себя только перед теми, кто способен перемещаться в этом необычном измерении, у кого в «той» реальности есть двойники. Как отмечает В. Топоров, окно – «важный мифопоэтический символ, реализующий такие семантические оппозиции, как внешний – внутренний, и видимый – невидимый и формируемое на их основе противопоставление открытости – укрытости, и соответственно опасности (риска) – безопасности (надёжности)» [5, с. 250]. Окно может быть связано как со светом, радостью жизни, так и с опасностью, нечистой силой и смертью. В рассказе

Юзеева порталом в иную реальность становится расположенный на городской окраине трёхэтажный дом, имеющий богатую биографию: построенный купцами в 19 веке, он стал свидетелем непростых судеб своих хозяев, а в советское время в нем размещались военный комиссариат, а после – санаторий для туберкулёзников. Рассказчика предупредили в шутку, что «в доме есть привидения», и последующие события убедили его, что это по крайней мере особое место. Его «сумрачные залы, не рождающие эха, тесные, тёмные коридоры могли напугать и вовсе не робкого посетителя», но для героя рассказа не страх, а пафос открытия и предчувствие откровения становится здесь главной эмоцией. Герой интуитивно предполагает, что «дом надо постигать справа налево, так же, как читают листы Корана, ведь именно по этой книге сверяли своё земное существование купцы Афандины».

Для героев Сабирова и Юзеева соприкосновение с мистическими явлениями становится судьбоносным, позволяет откорректировать собственную судьбу, найти себя в ситуации экзистенциальной потерянности, сделать рывок в бизнесе, познать вкус чуда, проявить особый слух и чуткость к тайнам жизни, которым обладают далеко не все. Однако восприятие этой реальности в рассказах различно. Если герои Сабирова сначала теряются в новой ситуации, а затем смиряются с inferнальной силой другой реальности и принимают ее скорее пассивно, чем осмысленно, то герой Юзеева пытается ее логически осмыслить, восстановить разрушенную inferнальным хаосом гармонию жизни. В рассказе «Окно» параллельный мир обладает обыденными чертами и внешне мало отличается от привычной для героев реальности. Утренний кошмар, в котором очутился проснувшийся в гостинице «Колос» Виктор Кривин, «принимал все новые, реальные очертания и в общем-то переставал быть кошмаром, переходя в обыденность». Рассматривая фотографии в квартире своего якобы «друга» Константина Платова, Кривин думает о том, что «зазор между той и этой жизнью, в сущности, не так уж велик и он вполне мог бы знать тех людей с фотокарточки», а «тамошние» вещи, оказавшиеся в карманах куртки, «с таким же успехом могли оказаться и здешними». Однако, когда Кривин становится наблюдателем альтернативной реальности, она приобретает зловещие гротескные черты: «вопящая потно-серая масса уличной драки, призрачный сырой лесопарк с галдящими, обезумевшими воронами, залитые световой жижей витрины и что-то обрывочно-лоскутное». На вечеринке Кривин характеризует гостей крайне негативно: человек-нутрия, человек-кобура, женщина-петух, человек-гриб – это полчище чудовищ, отсылающее к богатой литературной традиции, жестоко, безжалостно, завистливо. Однако именно здесь герой встретит свою давнюю любовь, Веронику Зотову, и постепенно начнёт обретать смысл жизни. До этого момента герой, напротив, существовал в привычном комфортном окружении, реалиях столичного города, однако пребывал в состоянии экзистенциальной тоски и отсутствия любви.

В рассказе Юзеева герой слышит от старика три истории об обитателях дома и задумывается о связи между ними, а в результате понимает, что соприкоснулся с чудом: «дом принимает тебя, и хочет что-то сказать», – предупреждает его ночной гость. Дом становится свидетелем необычайного, особым местом, в котором один из прежних жильцов, например, смог создать точные весы и с их помощью измерить вес ангела. Неделя, проведённая в стенах особняка, приобщает героя к иной реальности, делает его «отмеченным» и помогает приобрести жизненную опору. Логично предположить, что неожиданно выигранное им пари – результат стороннего вмешательства, оно происходит, по мысли самого рассказчика, «вследствие соприкосновения двух противоположных миров: нового – шумного, шелкающего, мерцающего экранами мониторов, и старого – тихого, наполненного шорохом шагов ушедших хозяев». В какой-то степени сам рассказчик стал медиатором между этими мирами.

В обоих произведениях фантастическое начало прорастает из бытовой почвы и структурирует действие, что дает возможность согласиться с мнением Ц. Тодорова: «Фантастическое – это колебание, испытываемое человеком, которому знакомы лишь законы природы, когда он наблюдает явления, кажущиеся сверхъестественными» [4, с. 28]. Если в рассказе Сабирова совмещается фантастический и постмодернистский дискурс, предполагающий равенство

альтернативных версий судьбы героя, то у Юзеева утверждается важность пристального, вдумчивого отношения к жизни, признание непознаваемой ее стороны через соприкосновение с иррациональным и фантастическим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуларян, А.Б. Жанр альтернативной истории как системный индикатор социального дискомфорта [Электронный ресурс] / А.Б. Гуларян. – Режим доступа: http://samlib.ru/f/forum_a_i/doclad1.shtml (Дата обращения: 26.08.2019)
2. Рыльщикова, Л.М. Альтернативная реальность как популяризованный элемент научно-фантастического дискурса [Электронный ресурс] / Л.М. Рыльщикова, К.В. Худяков // *Lingua mobilis*. – 2011. – № 7 (33). – Режим доступа: <http://kak.znate.ru/docs/index-97078.html?page=15> (Дата обращения: 26.08.2019)
3. Сабиров, Р.Р. Веретено: новеллы и рассказы / Р.Р. Сабиров. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2016. – 320 с.
4. Тодоров, Ц. Введение в фантастическую литературу: перев. с франц. Б. Нарумова / Ц. Тодоров. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 144 с.
5. Топоров, В.Н. Окно / В.Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2 томах). Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: «Советская Энциклопедия», 1988. – Т. 2. – К-Я. – 719 с. с илл.
6. Юзеев, С.И. Сквозняк тишины: повесть и рассказы / С.И. Юзеев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – 224 с.

Материал поступил в редакцию 01.09.19

THE IMAGE OF “ANOTHER REALITY” IN MODERN TATAR PROSE (BASED ON THE STORIES OF R. SABIROV “WINDOW” AND S. YUZEEV “THE SAME MONEY”)

D.Yu. Syryseva, Master’s Degree Student
Lomonosov Moscow State University, Russia

***Abstract.** The article is devoted to characterizing the concept of alternative (another) reality in the stories of contemporary Tatar writers. Texts are examined in which images of heroes of mediums (guides to another reality) and images of portals (places and structures in which contacts are established with other worlds) are created, an attempt is made to genre-style classification of such works that combine the recognizable realities of contemporary reality, psychological plan and elements of the fantastic. It shows both the similarities and differences in the concepts of alternative reality in the works of two authors.*

***Keywords:** S. Yuzeev, R. Sabirov, “another reality”, fiction, realism, postmodernism.*

Literature of Peoples of the Foreign Countries
Литература народов стран зарубежья

УДК 821.162.3

**ЯЗЫК РОМАНА ПОХОЖДЕНИЯ
БРАВОГО СОЛДАТА ШВЕЙКА
ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ
(ПРИМЕЧАНИЯ К ЯЗЫКУ
И СТИЛЮ НАРРАТИВА РОМАНА)* ****

А. Микулашек, доктор философии и педагогики, преподаватель
Факультет центрально-европейских исследований
Университет им. Константина Философа (Нитра), Словакия

***Аннотация.** В следующем исследовании рассматривается так называемая «многоязычная стратегия» в всемирно известном романе Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны». Мы можем обнаружить много слов и предложений, происходящих из многих различных иностранных языков, например, немецкий, венгерский, русский, польский, итальянский, сербский, латинский, еврейский и т.д. Нарративная стратегия имитирует различные стили и стилевые вариации, различные виды языковых элементов, присущих чешскому языку и его лексике (профессиональный сленг, термины, жаргонные слова, вульгарные слова, идиомы и многое др.). Художественное применение всех этих элементов создает множество ситуаций, которые полны комичности, абсурда, пародии на «бравого солдата», феерии и гротеска, особенно с современной точки зрения. Все эти элементы, фрагменты иностранных языков, высказывания и декламации взаимопроникают друг в друга, и в местах их противостояния мы видим «пародийный эффект».*

***Ключевые слова:** язык и стиль, Ярослав Гашек, «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны», рассказчик, полилингвизм, различные высказывания, чешские лексические единицы.*

Введение

«Полиязычность» («полилингвальность», использование более чем только одного конкретного языка при формировании фиктивного мира), «полистилистика» («мультистилистика», иначе говоря полифония стилевых форм, «стилем» при построении рассказа) и «полилексикальность», то есть использование самых различных уровней лексического запаса языка, в котором литературное произведение написано), это всё есть явления часто используемые не только в чешской литературе, формирующие «языковое пространство» определённого литературного текста. Один язык является безусловно исходным, именно к пользователям этого языка писатель обращается. Эта «полифония» может приобрести самые различные формы в зависимости от времени возникновения текста, тоже под воздействием определённого литературного направления или течения, в зависимости от замысла автора, от избранного литературного рода и жанра и не в последнем ряду эти формы оказываются под

воздействием языкового опыта «предусматриваемого» и реального читателя. Эта полифония не является простым объединением, группировкой гетерогенных элементов, хаотической совокупностью неоднородных элементов, но оснует новую и своеобразную действительность. Неоднократно происходит так называемое «переключение кодов», однако не всегда происходит переключение с одного языка на другой, часто видны используемые возможности перехода с одного стилевого кода на другой: с административного стиля на поэтический (псевдопоэтический), с разговорного на специальный (псевдоспециальный), со стиля журналистского текста на риторический и так далее.

Всякое художественное произведение, точнее *словесно-художественное произведение* представляет своего рода модель, опытный и интеллектуальный мир¹, модель «как-то интенциональную» (не только по форме признаковую), поэтому даже эта полифония является более-менее интенциональной. Результатом этой интенции есть определённый артефакт, сформированный из многообразного языкового материала, вопреки тому единый как «единство в полифонии». И этой «полифонией» мы не имеем ввиду явление названное как «макаронизм», который тоже не является раритетом, но у получателя предполагает знания другого языка, например латинского, как пример можно привести «макаронские пассажи» в фрагменте средневековой драматической комедии Аптекарь или в сатирической поэзии Карла Гавличека Боровского из времени чешского «национального возрождения».² Язык литературного произведения, прежде всего реалистического, хочет неоднократно производить впечатление, что он есть «аналог» внешней действительности, какая-то модель и репрезентация реальности, точнее: интеллектуально опытного мира³, который является для персонажей, рассказчика, проектированного адресата и других «субъектов» в тексте «данным» именно их (концептуализированным) опытом, он даже для них «воспринимаемая реальность».

В этой статье к сравнительному, контрастивному подходу к языку и стилю литературного произведения мы обратим своё внимание на текст романа Ярослава Гашека Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны. Мотивом выбора есть в первом ряду факт, что все три изучаемых явления, то есть «полиязычность», «полистилистика», «полилексикальность»⁴, в тексте четырёхтомного романа (хотя неоконченного) богато представлены и широко разрознены. Одновременно надо подчеркнуть, что роман вступил в контекст мировой литературы во всех значениях этого понятия и стал т. наз. каноническим. Он имеет интернациональный и транснациональный характер даже в ином смысле слова: его текст был переведён на многие языки в Европе, но и в других континентах.⁵ Он оказал влияние на ряд «мировых» писателей, вспомним, например, Бертолта Брехта или Йозефа Геллера, если оставить в стороне писателей чешских. Многие подлинные или мнимые выражения Швейка стали «крылатыми словами»⁶, выражения «швейк» и «швейковать» даже стали метонимическим названием общего типа и свойства характера, точнее поведения.

1. «Полилингвизм», иначе говоря «чужие языки» в романе Гашека

Мировая война дала членам разных конфессий и народов возможность сконтактироваться. Ведь эскорт, сопровождающий Швейка «к 11 маршевой роты», представлял собой «смесь разных национальностей. Там были поляк, венгр, немец и чех; последнего назначили начальником конвоя: он был в чине ефрейтора. Он чванился перед земляком-арестантом, явно выказывая свою неограниченную власть над ним.» (ч. 3, гл. 3, см. в чеш. из. т. 3, стр. 242⁷). Однако один с другим практически не могут вести коммуникацию с помощью языковых средств: «Вообще конвойные мало развлекались. Венгр беседовал с немцем особым способом, поскольку по-немецки он знал только "jawohl" / Да (нем.) / и "was?" / Что? (нем.)/. Когда немец что-нибудь рассказывал, венгр кивал головой и приговаривал "jawohl", а когда умолкал, он говорил "was?", и немец начинал снова. Конвоир-поляк держался аристократом: он ни на кого не обращал внимания и забавлялся тем, что сморкался на пол, очень ловко

пользуясь большим пальцем правой руки, потом он задумчиво растирал соплю прикладом ружья, а загаженный приклад благовоспитанно вытирал о свои штаны, неустанно бормоча при этом: "Святая дева"». (ч. 3, гл. 3, см. в чеш. из. т. 3, стр. 244). Разумеется, что напрашивается ряд возможностей не только языковой, но и ситуационной комикки. Романом изображенное пространство есть естественно мультинациональное и мультикультурное, сравни, например ситуацию в венгерском городе: « – А живет он с пани Этелькой во втором этаже, – сообщила гардеробищица с подробностями старой сводницы. – Она немка из города Шопрони, а он мадьяр. Здесь все перемешались.» (ч. 2, гл. 3, см. в чеш. из. т. 2, стр. 320). Хотя роман написан на фоне литературного чешского языка и хотя рассказчик большинство высказываний своих персонажей «переводит» на этот язык, можно найти в тексте многие примеры использования языка, который является присущим изображаемой действительности.

1.1 Германизмы

«Германизмы в подлинной чешской версии романа Гашека *Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны и их эквиваленты в немецком, словенском и венгерском переводе*» изучал в последнее время в одноимённой статье венгерский лингвист, богемист и лексиколог Tamas Tölgyesi, который из романа «выписал 500 германизмов» и разделил их в три группы в зависимости от «степени освоения». Он выделяет прежде всего слова «чужие, которые сохраняют подлинное правописание, иногда тоже произношение, напр. *trommelfeuer* – барабанный огонь», далее слова «заимствованные, воспринимаемые обыкновенным носителем языка как выражения чужие, напр. на чешском языке *festunk festuňk* – крепость из немецкого *Festung*», наконец «заимствованные слова вполне домашние, напр. на чешском языке *цвет* из немецкого *Varwe* (сейчас *Farbe*); на чешском языке *минута* из немецкого *(h)wila* (сейчас *Weile*); на чешском языке *должен быть* из немецкого *Muozan* (сейчас *müssen*)». ⁸ Автор в своей статье однако сосредоточивается на «степени лексического согласия между языковыми средствами в чешском подлиннике и в немецком, словенском и венгерском переводе». ⁹

Мы в этой главе сосредоточимся на том, какой эстетический эффект имеют германизмы (и вообще «иноязычность») в чешском тексте, значит как здесь функционируют в качестве средств конструкции языкового пространства художественного текста.

В чешском тексте используются прежде всего немецкие слова, эвентуально слова немецкого происхождения или выглядящие как немецкие, которые являются источником комикки – например с точки зрения чешского языка немецкие сложения. ¹⁰ Они производят комическое впечатление ¹¹ уже своей длиной, на фоне чешского языка чувствуются как что-то неестественное, сравни напр. «*во время ночных маневров мы должны были действовать против учебной команды вольноопределяющихся*» (речь старшего лейтенанта Лукаша, ч. 2, гл. 5, см. в чеш. из. т. 2, стр. 356) , в оригинальном тексте – против „*einjährigfreiwilligenschule*“). Или «*Я тогда как раз находился в штабе бригады, куда принес на подпись ротную продовольственную книгу, /.../*» (речь фельдфебля и дрогиста Ванека, ч. 2, гл. 5, см. в чеш. из. т. 2, стр. 358), в оригинальном тексте – „*kompanieverpflegungsbuch*“). Или: «*вольноопределяющиеся не обязаны чистить отхожие места, но тем не менее в этом усматривается нарушение дисциплины*» (ч. 2, гл. 5, см. в чеш. из. т. 2, стр. 387), в оригинальном тексте „*superordinationsverletzung*“).

На первый взгляд может показаться, что Гашек ими, наверное, наслаждался, потому что нам можно цитировать далее и далее, срав. «*Двенадцатая маршевая рота телефонировала, будто кто-то из канцелярии слышал, что предварительно будут производиться упражнения в стрельбе по движущейся мишени и что поедут потом.*» В оригинальном тексте поедут „*po feldmäßigschießübungách*“ . (ч. 2, гл. 5, см. в чеш. из. т. 2, стр. 389) Неоднократно встречаются эти «типично» немецкие слова в подлинной немецкой форме, которые втянуты в

грамматическую систему чешского языка: «У складного стола сидел вольноопределяющийся Марек, достигший наконец после всех злоключений должности батальонного историографа.» (в оригинальном тексте – „dotáhl to až na batalionsgeschichtsschreibra“, ч. 3, гл. 3, см. в чеш. из. т. 3, стр. 120) или даже адаптированы в согласии с произношением чешскими солдатами, срав. военные должности как „rechnungsfeldvébl“ («старший писарь»). Немецкое слово становится основой, к которой примыкаются чешские окончания и чешской грамматике приспособляется даже морфемный шов (срав. „schreiber“ – „schreibra“), или немецкое слово написано чешской орфографией (здесь фонетической). Иные слова написаны по произношению и с чешским окончанием, срав. „zub vylomenej u oficírsmínáže“ (ч. 3, гл. 4, см. в чеш. из. т. 3, стр. 186) на русском – «Этот зуб я сломал об офицерский обед, /.../», „nachhút ze 14. kumpanie“ (ч. 4, гл. 3, см. в чеш. из. т. 4, стр. 249) на русском – «арьергард – четырнадцатая рота», „to zas bylo proti všem foršriftům“ (ч. 2, гл. 3, см. в чеш. из. т. 2, стр. 301), на русском – «/.../ то то не по предписанию /.../», „na execírplacě befěl“ (ч. 2, гл. 3, см. в чеш. из. т. 2, стр. 303), на русском – «/.../ читали нам на плацу приказ /.../». Многие из этих слов в тексте в этих формах повторяются, напр. слово „oficírsmínáže“ («офицерский обед») четыре раза. Следующей формой германизмов являются слова, написанные фонетически и втянутые в немецкий порядок слов.¹²

Частым явлением прямых речей персонажей является разговорный чешский язык (с выразительными чертами разговорно-обиходного чешского языка) переплетённый лексическими германизмами: «Во время боя не один в штаны наложит, заметил кто-то из конвоя. – Недавно в Будейовицах нам один раненый рассказывал, что он сам во время наступления („forykovali“) наделал в штаны три раза подряд. В первый раз, когда вылезли из укрытия („dekungú“) на площадку перед проволочными заграждениями („dráthindrnisy“) во второй раз, когда начали резать проволоку, и в третий раз, когда русские ударили по ним в штаны и заорали „ура“. Тут они прыгнули назад в укрытие, и во всей роте („švarmu“) не было ни одного, кто бы не наложил в штаны. А один убитый остался лежать на бруствере, ногами вниз; при наступлении („forykungu“) ему („šrapák“) снесло пол черепа, словно ножом отрезало. Этот в последний момент так обделался, что у него текло из штанов по башкамам и вместе с кровью стекало в траншею, аккуратно на его же собственную половинку черепа с мозгами. Тут, брат, никто не знает, что с тобой случится.» (ч. 2, гл. 3, см. в чеш. из. т. 2, стр. 311) Германизмы, избранные из чешского текста романа, добавил и подчеркнул в кавычках А. Микулашек.)

Этот военный сленг есть естественно тоже в большинстве случаев немецкого происхождения, как вытекает тоже из следующего отрывка речи фельдфебля Ванека: «Под Дуклой наши три раза подряд посылали санитаров за прапорищиком („fénrích“), который был ранен в живот у самых проволочных заграждений („dostal bauchšus před dráthindrnisama“), и все они остались там – всем пули угодили в голову („samý kopfšus“). Только четвертой паре санитаров удалось вынести его с линии огня, но еще по дороге в перевязочный пункт („hilfsplac“) прапорищик приказал долго жить.» (ч. 3, гл. 1, см. в чеш. из. т. 3, стр. 34) Германизмы, избранные из чешского текста романа, добавил и подчеркнул в кавычках А. Микулашек.) Нам можно цитировать ещё много и много страниц; для иллюстрации вспомним ещё речь гетмана Сагнера, который характеризует кадета Биглера, обращаясь к старшему лейтенанту Лукашу, словами: «– Послушай, Лукаш – обратился он к поручику, – кадет Биглер у тебя в роте. Этого парня подтяни. Он подписывается офицером. Пусть сперва заслужит это звание в бою. Когда начнется ураганный артиллерийский огонь („trommelfeuer“) и мы пойдем в атаку, пусть кадет Биглер со своим взводом („cukem“) порежет проволочные заграждения („dráthintrnisy“), *der gute Junge!*» (ч. 3, гл. 1, см. в чеш. из. т. 3, стр. 45) Германизмы, избранные из чешского текста романа, добавил и подчеркнул в кавычках А. Микулашек.)

Неоднократно возникает переход и «коммутация» между немецким и чешским языками в речах персонажей, мы потом являемся свидетелями какого-то немецко-чешского или

чешско-немецкого макаронизма имеющего стилево характеризующую, точнее социальную функцию – на корректном немецком языке говорят офицеры, немецкие предложения могут стать тоже проявлением превосходства: « – *Молчать!* – злобно прервал Швейка председатель комиссии. – У нас уже имеются о вас сведения. *Der Kerl meint: man wird glauben, er sei ein wirklicher Idiot.../ Этот молодчик думает, что ему поверят, будто он действительно идиот...(нем.)/ Вы вовсе не идиот, Швейк, вы хитрая бестия и пройдоха, вы жулик, хулиган, сволочь! Понимаете?»* (ч. 1, гл. 8, см. в чеш. из. т. 1, стр. 72).

В романе можно найти целые предложения и целостные речи, написанные только на немецком языке¹³, хотя к понятию хватит реципиенту знать только языковые фундаменты, ибо данные предложения есть в принципе нетрудные и «атмосферу образующие». Гашек мог обоснованно предполагать, что их чешский читатель поймёт, срав. „*En, servus, Fredu, was gibts Neues? Abendessen schon fertig?*“ (ч. 2, гл. 3, см. в чеш. из. т. 2, стр. 299 На русском языке: « – А, Фреду, здорово, что нового? Ужин готов?») Или: „*Das ist wirklich schrecklich, Herr Feldkurat, das Volk ist verdorben.*“ (ч. 1, гл. 13, см. в чеш. из. т. 1, стр. 143 На русском языке: «*В самом деле это ужасно, господин фельдкурат. Народ так испорчен.*»)

Доказательством узкого контакта чешского и немецкого языков являются тексты песен. «*Какой-то капрал, фамилию не помню, кричал своим людям, чтобы они пели "Und die Serben müssen sehen, das wir Oesterreicher Sieger, Sieger sind"* / Мы покажем этим сербам, что австрийцы победят (нем.)/. (ч. 3, гл. 1, см. в чеш. из. т. 3, стр. 10).) Более убедительная есть однако следующая немецкая цитация, когда на станции Мошон поёт солдат песню: „*Gute Nacht! Gute Nacht! / Allen Müden sei's gebracht. / Neigt der Tag stille zur Ende, / ruhen alle fleiß'gen Hände, / bis der Morgen ist erwacht. / Gute Nacht! Gute Nacht!* (ч. 3, гл. 1 см. в чеш. из. т. 3, стр. 18, на русском языке: «*Спи, усни! Спи, усни! Очи сонные сомкни. Луч погас на небе алый засыпай же, люд усталый, и до утра отдохни. Спи, усни! Спи, усни!*»)

Не отсутствует конечно ни «типичное» йодлование: «*Из другого вагона кто-то отчаянно вопил, обращая свои вопли к удаляющимся Будейовицам: Und du, mein Schatz, bleibst hier. Holario, holario, holo!*» (нем.)/ (ч. 2, гл. 3, см. в чеш. из. т. 2, стр. 285, на русском языке: «*А ты, мое сокровище, остаешься здесь. Голарио, голарио, голо!*»)

Как макаронские мы можем читать части текста, выглядящие в наше время абсурдно и сюрреально: «*Несчастный Балон вылез, а Швейк сел в дверях вагона, свесил ноги и начал командовать: «Habt Acht! Ruht! Habt Acht! Rechts schaut! Habt Acht! Смотреть прямо! Ruht! – Теперь займемся упражнениями на месте... Rechts um! Ну, брат, и корова же вы! Ваши рога должны очутиться там, где раньше было правое плечо! Herstellt! Rechts um! Links um! Halbrechts! Не так, осел! Herstellt! Halbrechts! Ну, видите, лошак, уже получается. Halblinks! Links um! Links! Front! Front, дурак! , Не знаешь, что ли, что такое шеренга! Gradaus! Kehrt euch! Kniet! Nieder! Setzen! Auf! Setzen! Nieder! Auf! Nieder! Auf! Setzen! Auf! Ruht! – Ну, видишь, Балон, как это полезно. По крайней мере, пищеварение у тебя будет хорошее.* (ч. 3, гл. 2, см. в чеш. из. т. 3, стр. 96)

Приведём ещё несколько примеров «коммутации», каждый из них имеет однако определённую стилево эстетическую функцию. Есть ли одна часть речи персонажа переведена на чешский язык, вторая на немецкий, может быть определено тоже присутствием слишком сильного вульгаризма, который мог встретиться с несогласием цензуры: « – *Валя-етесь дома на печке и думаете: Mit ganzem Krieg kann man uns Arsch lecken.*» (ч. 2, гл. 2, см. в чеш. из. т. 2, стр. 249, вахмистр в Писеке говорит на русском языке: «*Со всей этой вашей войной поцелуйте меня в задницу!*»). Во втором случае, когда речь идёт о переводе предложений военной инструкции, тоже возможно административный текст просто перевести на чешский, но немецкий здесь кажется «аутентичнее», подчёркивает «несвойственность», «неестественность» самой военной инструкции: «*Какой-то добросовестный вольноопределяющийся, оставшийся дома из-за насморка, – это чувствовалось по его голосу, – гнусавя, зубрил, как должно принимать членов августейшей семьи при посещении ими крепостей.*

Четко доносились слова: „Sobald die höchste Herrschaft in der Nähe der Festung anlangt, ist das Geschütz auf allen Bastionen und Werken abzufeuern, der Platzmajor empfängt dieselbe mit dem Degen in der Hand zu Pferde und reitet sodann vor.“ На русском языке: »Как только высочайшие особы появятся в виду крепости, на всех бастионах и укреплениях производится салют из всех орудий. Комендант крепости верхом выезжает вперед, с саблей наголо, чтобы принять их.« (ч. 22 гл. 8, см. в чеш. из. т. 2, стр. 253).

Смешивание чешских и немецких предложений может быть мотивировано тоже образованием впечатления хаоса, который является свойственным не только военным событиям¹⁴, срав. монолог персонажа фельдфебля: *«Последний совершенно ушел в себя и бормотал, умиленно глядя четвертинку вина, самые удивительные вещи без всякой связи между собой, то по-чешски, то по-немецки. – Я много раз проходил по этой деревне, но и понятия не имел о том, что она существует на свете. In einern halben Jahre habe ich meine Staatsprüfung hinter mir und meinen Doktor gemacht /Через, полгода я сдам государственные экзамены и получу степень доктора /. Я стал старым калеккой. Благодарю вас, Люси. /Erscheinen sie in schon ausgestatteten Banden. / Если они появятся в хороших переплетках./ – Может быть, найдется среди вас кто-нибудь, кто помнит это.»* (ч. 2, гл. 5, см. в чеш. из. т. 2, стр. 372)

Конечно, в тексте можно найти тоже более короткие пассажи, написанные только и исключительно на немецком языке. Даже эти не требовали более солидных знаний немецкого языка для того, чтобы их «расшифровать», срав. письмо «Каты» старшему лейтенанту Лукашу, которое написано простым, почти школьным немецким языком, отвечающим характеру госпожи «Каты»: *„Lieber Heinrich! Mein Mann verfolgt mich. Ich muß bei Dir ein paar Tage gastieren. Dein Bursch ist ein großes Mistvieh. Ich bin unglücklich. Deine Katy“* /Дорогой Генрих! Муж гонится за мною по пятам. Мне необходимо погостить у тебя пару дней. Твой децник – скотина. Я несчастна. Твоя Катю./ (ч. 1, гл. 14, см. в чеш. из. т. 1, стр. 165).

В качестве примера можно привести тоже монолог фельдфебля, который „brebtá pro sebe“ эти слова: *„Glauben Sie mir¹⁵, ich habe bisher wenig von meinem Leben gehabt. Ich wundere mich über diese Frage.“* (ч. 2, гл. 5, см. в чеш. из. т. 2, стр. 371, на русском языке: *«Поверьте, до сих пор я видел в жизни мало хорошего, меня удивляет этот вопрос.»*)

Следующие примеры контакта немецкого и чешского языков есть нарративного характера, они связаны со стратегией рассказчика. В диегетическом мире есть высказывания офицеров или членов других национальностей, напр. венгров, произнесены или по-немецки, или по-венгерски, но нарратор переводит «нам» их в большинстве случаев на чешский язык. Сам факт происхождения того языка показывает рассказчик читателю прямым или косвенным способом, срав. «перевод» письма, стилизованного на немецком языке лейтенантом Лукашом жене привлекающей его внимание в течение спектакля «оперы»: *«Простите меня, милостивая государыня, за то, что, будучи вам неизвестен, я тем не менее откровенен с вами. В своей жизни я видел много женщин, но ни одна из них не произвела на меня такого впечатления, как вы, ибо ваше мировоззрение и ваше суждение совершенно совпадают с моими. Я глубоко убежден, что ваш супруг – чистойшей воды эгоист, который таскает вас с собой...»* «Не годится,» сказал про себя поручик Лукаш, зачеркнул «schleppt mit» /таскает с собой / и написал: *«...который в своих личных интересах водит вас, сударыня, на театральные представления, отвечающие исключительно его собственному вкусу.»* (ч. 2, гл. 3, см. в чеш. из. т. 2, стр. 321)

Хватит привести одно или два слова для создания нужной иллюзии, что письмо Лукаша написано по-немецки.¹⁶

Рассказчик, который хочет как можно наиболее соединиться с Ярославом Гашеком как автором произведения, точнее создать впечатление идентичности обоих субъектов, ставший вследствие того каким-то «биографом бравого солдата Швейка», нас тоже в «подстрочном примечании» убеждает, что: *«Все разговоры между офицерами, естественно, ведутся на немецком языке.»* (ч. 3, гл. 1, см. в чеш. из. т. 3, стр. 40, как «Примечание автора»)

Поэтому он для нас переводит на чешский язык даже подлинно немецкий текст поэтического собрания Рудольфа Грейнца Железный кулак (ч. 3, гл. 1, см. в чеш. из. т. 3, стр. 40-1). Второе примечание имеет форму: «*Оба офицера вели разговор по-немецки. Эта фраза звучала так: "Sie haben sich damals auch mit den deutschen Mitschulern gerauft."*» (ч. 3, гл. 1, см. в чеш. из. т. 3, стр. 42) Немецкого языка касается и следующее примечание, третье: «*В действительно-сти Сагнер сказал: "Also, nazdar!"*» (ч. 3, гл. 1, см. в чеш. из. т. 3, стр. 42). С нарративной стратегией етсь связан тоже факт, что иногда чешское выражение объясняется немецким (!), срав. «*Они, разбившись на группы, играли в "чанару" (frische viere). Не играл только кадет Биглер.*» (там же) В четвёртом примечании находится целое библиографическое описание на немецком языке: „*Udo Kraft: Selbsterziehung zum Tod für Kaiser.*“ (На русском языке: *Самовоспитание к смерти за императора.*) „*C. F. Amelang's Verlag, Leipzig.*“ (ч. 3, гл. 1, см. в чеш. из. т. 3, стр. 44).

Некоторые германизмы переведены так, что они должны произвести впечатление быстрой речи, тараторенного или иначе признакового немецкого языка: „*Stink awer d' Kerl wie a' Stockfisch,* («*А воняет, парень, словно треска,*) *сказал Батцер, который с интересом наблюдал как спящий кадет Биглер подозрительно вертится, „muß' d' Hosen voll ha'n."*» («*наложил, должно быть, полные штаны.*» (ч. 3, гл. 1, см. в чеш. из. т. 3, стр. 51)

Следующей формой контактов обоих языков в художественном произведении является такой образ чешского языка, который имеет намеренно сильное немецкое или австрийское ударение и «оттенки», речь идёт об очень ломаном чешском языке полным дикционных и грамматических ошибок переведенном фонетически, срав. речь баронессы фон Боценгейм: „*Cešky fójak, toprá fójak, kripľfójak rýt tapferfójak, moc rát měl cešky Rakušan.*” (ч. 1, гл. 8, см. в чеш. из. т. 1, стр. 68, на русском языке: «*Чешский зольдат, кароший зольдат, калека зольдат, храбрый зольдат. Я очень любила чешский австриец.*») Немецкое произношение чешской речи и ряд следующих ошибок потом имеют пародическую функцию.

И в конце концов с германизмами связан тоже ломаный чешский язык, «немецкий вариант чешского языка», срав. речь фельдфебля в Таборе: „*Ihre Dokumenten, vaši tokúment*“ («*Ваши документы, фаши документ?*»), *обратился к Швейку начальник патруля, фельдфебель, сопровождаемый четырьмя солдатами со штыками. „Я видит фас все фрема сидеть, пить, не ехать, только пить, зольдат!”*» (ч. 2, гл. 1, см. в чеш. из. т. 2, стр. 210-211).

Комический эффект производит тоже следующий языковой микс, срав.: «*Was ist das Wort* «*миляга*»? *Что значит это слово?*) *спросил по-немецки фельдфебель у одного из своей свиты, старого ополченца. Тот, видно, нарочно все перевирал своему фельдфебелю и спокойно ответил: «Миляга» das ist wie «Herr Feldwebl.»* (Это все равно, что «господин фельдфебель.») *Фельдфебель возобновил разговор со Швейком: „Tokúment kaštý foják, pes tokúment žávžit auf Bahnhofsmilitärkommando, den lausigen Bursch, wie einen tollen Hund.*“ «/ *Документ должен каждый зольдат. Пез документ посадить auf Bahnhofs-Militärkommando der lausigen Bursch, wie einen tollen Hund*» («...в военную стационарную комендатуру вишвого парня, как бешеную собаку»/). (ч. 2, гл. 1, см. в чеш. из. т. 2, стр. 211)

Источником комичности не является только микс «чешского варианта немецкого» и «немецкого варианта чешского», но тоже немецкий язык венгерской прислуги:

«*Открылась дверь и появившаяся в дверях прислуга спросила по-венгерски: «Что вам угодно?» «Нет tudot.»* (Не понимаю.) *презрительно ответил Водичка. «Научись, девка, говорить по-чешски.» «Verstehen Sie deutsch?»* (Вы понимаете по-немецки?) *спросил Швейк. «A pischen.»* (Немножко.) «*Also, sagen Sie der Frau, ich will die Frau sprechen, sagen Sie, dass ein Brief ist von einem Herr, draussen in Kong.*» (Скажите барыне, что я хочу с ней говорить. Скажите, что для неё в коридоре есть письмо от одного господина). (ч. 2, гл. 3, см. в чеш. из. т. 2, стр. 328, словосочетание подчеркнул А. Микулашек)

„In Kong“ есть по сути дела малапропизм (правильно несомненно «инкогнито»), навверное проявление лексической игры самого Швейка¹⁷, наречие „a pischen“ является плохо подслушанной формой немецкого „ein bisschen“.

1.2 ВЕНГРИЗМЫ

Венгерские слова, синтагмы или короткие предложения произнесённые на венгерском языке представлены в тексте значительно менее. Как слова «чужого» языка имеют характеризующую функцию, неоднократно в связи с немецким языком, срав. «*Молодой солдат был мадьяр, и, когда из эшелона батальона Девяносто первого полка приходили смотреть на капрала, он орал на всю станцию: „Nem szabat! Nem szabat! Komision militar, nem szabat!“ (Не разрешается! Не разрешается! Военная комиссия, не разрешается!¹⁸)*» (ч. 3, гл. 1, в чеш. из. т. 3, стр. 38) Но всё-таки венгерский язык кажется вторым самым важным «чужим языком», который использован в тексте.

Во второй части (значит в третьем и четвёртом томе романа) появится номинатив адъектива „*mad'arský*“ шестнадцать раз (форма „*mad'arského*“ потом три раза, но речь в диегетическом мире произнесённую на венгерском языке часто – и естественно – переводит автор (как рассказчик — «медиатор») на чешский язык, срав. «*взводный по-венгерски заорал мужчине с курицей и его жене, чтобы они остались внизу.*» (ч. 3, гл. 1, в чеш. из. т. 3, стр. 90) Немецкий язык предпочитает венгерскому, срав.: «*По ободку была выведена надпись на венгерском и немецком языках: „Für Kaiser, Gott und Vaterland“*, то есть «*За императора, бога и отечество*». Здесь приходит к гетману Сагнеру делегация от «*Кружка для приветствия героев*» и передаст ему двадцать коробочек ароматных таблеток для освежения рта с нижеприведённой надписью. (ч. 3, гл. 2, в чеш. из. т. 3, стр. 71)

Очень часто идёт речь о обрывках венгерского языка, как например в том случае, когда принесли «*пожилые изнуренные дамы*» что-то выглядящее как «*целый тюк листовок с двумя молитвами, сочиненными будапештским архиепископом Гезой из Сатмар-Будафала.*» (ч. 3, гл. 2, в чеш. из. т. 3, стр. 71), которые были двуязычные; вот так они комментированы рассказчиком: «*Молитвы были написаны по-немецки и по-венгерски и содержали самые ужасные проклятия по адресу всех неприятелей. Молитвы были пронизаны такой страстью, что им не хватало только крепкого венгерского ругательства „Baszom a Krisztusmárját!“*» (ч. 3, гл. 2, в чеш. из. т. 3, стр. 71; венгризм избранный из этого текста выделил жирным шрифтом А. Микулашек). «Острые» и другие очень экспрессивные вульгаризмы мы найдём тоже на других местах, в контексте глагола „*baszom*“, переведенных рассказчиком.

Тоже Швейк „нахватал» несколько венгерских слов, которые рассказчик вкладывает в его рот, именно с характеризующей и комической функцией. Напр. когда он объясняет лейтенанту Лукашу, при каких обстоятельствах он украл курицу, он между прочим говорит: „*Also, zehn (десять) Gulden,*“ *обратился он к мужчине. „Fünf (пять) Gulden Henne, fünf Auge. Öt forint, – видишь, кукареку, öt forint kukuk, igen? (Пять гульденов курица, пять глаз, да?) Здесь штабной вагон, понимаешь, жулик? Давай сюда курицу!*“ *Сунув ошеломленному мужику десятку, он забрал курицу, свернул ей шею и мигом вытолкнул крестьянина из вагона. Потом дружески пожал ему руку и сказал: „Jó napot, barátom, adieu, (Добрый день, приятель, прощай,) катись к своей бабе, не то я скину тебя вниз.*“ (ч. 3, гл. 2, в чеш. из. т. 3, стр. 91; венгризмы избранные из этого текста выделил жирным шрифтом А. Микулашек)

Источником комики становится замещение выражения «курица» („*tyúk*“) звуком издаваемым петухом (междометие „*kikiriki*-кукареку“) и выражения для глаза (на венгерском языке „*szem*“) немецким выражением в единственном числе („*fünf Auge*“), причём выражение „*kukuk*“ можно оценивать как принявшую чешский характер форму немецкого глагола „*gucken*“ (смотреть, «смотри», однако тоже «глаза»).

Непонятность венгерского языка для пользователя чешского и немецкого языков является источником коммуникативного шума, непонимания и ситуационной комики, поэтому рассказчик переводит иногда венгерские выражения в скобках, чтобы поэнта стала

ясной тоже читателю, срав.: « /.../ ветераны были пьяны. Своим ревом: „Isten áld meg a királyt“ /Боже, храни короля!/ они разбудили весь эшелон. Отдельные солдаты, из наиболее сознательных, высунулись из вагонов и ответили им: «Поцелуйте нас в задницу! Eljen!»¹⁹ / Слава! / Тут ветераны заорали так, что стекла в окнах задрожали: „Eljen! Eljen a Tizenegyedik regiment!“ / Слава! Слава Четырнадцатому полку!/ (ч. 3, гл. 3, в чеш. из. т. 3, стр. 114)

Венгерский язык, точнее его незнание, является источником непонимания на многих местах романа и становится таким образом тоже важным мотивом тематической конструкции действия романа. Например, когда Швейк пытается сконтактироваться с некоторым из офицеров и сказать ему, что он не русский пленный, ему не хватает немецких слов и на его попытку отвечает венгр словами: «*Baszom az élet, /грубое мадьярское-венгерское ругательство/ встань в строй, ты, русская свинья!*» (ч. 4, гл. 1, в чеш. из. т. 4, стр. 202)

В дискуссии с «сапером» Водичкой (который ненавидит венгров только потому, что они «*есть венгры*», и готов «*с ними сражаться*») мы найдём несколько венгризмов переписываемых фонетически: «*Но зато у Незидерского озера мы с ними, шутами мадьярскими, как следует расквитались! Туда мы заглянули недели три тому назад. В соседней деревушке квартирует пулеметная команда какого-то гонведского полка, а мы случайно зашли в трактир, где они отплясывали ихний чардаш, словно бесноватые, и орали во всю глотку своё: „Uram, uram, biro uram“, либо: „Lanok, lanok, lahoka faluba“ /Господин, господин, господин судья! Девочки, девочки, деревенские девочки./ (том 1, стр. 323). Хотя Водичка выучил несколько венгерских слов, сам венгерский язык он связывает с предметом своей вражды: «Ну, да еще попадетя ко мне в лапы какой-нибудь мадьяр! Я его раздавлю, как кутенка! Я ему покажу "istem áld meg a magyart" /Благослови, боже, мадьяров (начало венгерского национального гимна)/» (ч. 2, гл. 4, в чеш. из. т. 2, стр. 342)*

Одна из самых длинных литературных секвенций, в которой играет венгерский язык определённую роль, есть помещена в трактир вокзала в Таборе: между венгерским солдатом «реконвалесцентом» и Швейком развивался странный диалог, в котором большую роль играет своего рода междометная и прежде всего невербальная коммуникация: «*Потом взглянул на Швейка и спросил: „Magyarul?“ /Мадьяр?/ „Я чех, товарищ, ответил Швейк. „Не хочешь ли выпить?“ „Nem tudom, barátom.“ /Не понимаю, товарищ./ „Это, товарищ, не беда,“ потчевал Швейк, придвинув свою полную кружку к грустному солдатику, „пей на здоровье.“ Тот понял, выпил и поблагодарил: „Köszönöm szívesen.“²⁰ /Сердечно благодарен./ (ч. 2, гл. 1, в чеш. из. т. 2, стр. 209; венгризмы избранные из этого текста выделил жирным шрифтом А. Микулашек)*

Язык венгра есть междометный, точнее по мнению рассказчика „*mezinárodní*“ (международный), срав. „*Pif, paf, puc!*“ (там же) или „*Nincs ham, nincs ham,*“ (ч. 2, гл. 1, в чеш. из. т. 2, стр. 210). Самое длинное и при этом крайне эллиптическое высказывание («сложное предложение»), которое венгр произнесёт к Швейку, есть: „*„Pif, paf, puc! Három gyermek, nincs ham, éljen!*“ (Там же. На русском языке: «*Пиф-паф! Бац! /.../ Нечего... нечего.*») Наоборот Швейк «ведёт коммуникацию» на чешском языке, но свои слова он сопровождает многоговорящими жестами.

Венгерские имена собственные, напр. топонимы, имена местные, имеют естественно своё место в предметно характеризующей функции и создают реалистическое впечатление. Не было бы функциональным, если бы лейтенант Лукаш спросил Швейка вместо: «*Знаете, где в Кираль-Хиде Sopronyi utca (Шопроньская улица)?*» например: «*Знаете, где в Краловом Мосте Шопроньская улица?*»²¹ (ч. 2, гл. 3, в чеш. из. т. 2, стр. 318)

Похоже как в случае использования слов немецких тоже венгризмы появятся там, где пейоративные выражения и оскорбительные контексты были бы «неподходящие к публикации» и «непереводимые», точнее трудно переводимые на литературный чешский язык. Срав. реакцию господина Какони на письмо, которое написал его жене лейтенант Лукаш (на немецком языке): «*Что-то тяжелое с силой полетело на пол, потом можно было ясно*

различить звон разбиваемых тарелок и стаканов, сквозь который слышался рев: „*Baszom az anyat, baszom az istenet, baszom a Kristus Mariat, baszom az atyadot, baszom a vilagot!*“ / Венгерская площадная ругань.²² (ч. 2, гл. 3, в чеш. из. т. 2, стр. 329)

1.3. РУСИЗМЫ

Антонин Мещан в своей статье пишет, что Гашек говорил по-русски хорошо, хотя не без ошибок²³. В конце концов тоже, по другим сведениям, Гашек владел русским языком очень хорошо. Миколаш Затовканюк считает Гашека автором билингвистическим и в журнале *Наша речь* анализирует 30 примеров русизмов, которые он нашёл в тексте романа. О Гашеке он между прочим пишет: „*Ярослава Гашека можно считать автором так называемого координативного билингвизма, когда его носитель в своей сущности одинаково превосходно владеет двумя языками; об этом свидетельствуют опубликованные биографические материалы и факт, что он во время своего пребывания в России написал на русском языке приблизительно 20 фельетонов.*“ Он напоминает напр. интерферентные лексические русизмы „*monatky, nacionálnost, nazvání a začíslení*“ (это наверное искаженные русские слова «монеты, национальность, название и зачислить», примечание А. Микулашковой), далее грамматические и синтаксические явления как „*před publikou*“ (опять искаженное выражение ← «перед публикой») или „*do vojny*“ (в смысле «перед войной»), „*divisijní soud*“ (правильно – «дивизионный суд»), лексические единицы как „*blindáž*“ («блиндаж»), „*přikomandýrovat*“ («прикомандировать») а „*účastek*“ («участок»). Первые два слова есть однако немецкого происхождения. Наоборот А. Мещан напоминает, что в „*фельетонах Гашека написанных на русском языке появляются богемизмы*“.²⁴ Подобные примеры приводит в своей статье тоже Франтишек Данеш²⁵. Он обращает внимание на русизмы лексические, синтаксические и стилистические (напр. что „*Гашек предпочитает в прямой речи написанной на обиходном чешском языке неразговорную форму «могу» форме «мне можно.*“.)

В Похождениях бравого солдата Швейка во время мировой войны можно найти не только слова, грамматические и синтаксические конструкции, но редко даже целые предложения на русском или квази-русском²⁶ языке: «*После обеда, перед уходом Швейка и Водички, в канцелярии к ним подошел злополучный учитель, сложивший стихотворение о вшах, и, отведя обоих в сторону, таинственно сказал: «Не забудьте, когда будете на русской стороне, сразу же сказать русским: "Здравствуйте, русские братья, мы братья-чехи, мы нет австрийцы."*» (ч. 2, гл. 4, в чеш. из. т. 2, стр. 351)

1.4 ПОЛОНИЗМЫ

Антонин Мещан в цитируемой статье пишет об использовании польского языка Гашеком несомненно по праву, что в нём автор совершал многие ошибки. Кроме непонятных выражений „*krajová sedmina*“²⁷, „*sviňa porúpaná*“ и предложения „*dum vám baně na tjesjnuckovy vaše gzichy*“ (всё находится в чешском издании в ч. 2, гл. 4, в чеш. из. т. 2, стр. 352), которые могут быть взяты из диалекта "Wasser-polacken" (то есть силезского поляка), появляется в речи австрийского генерал-майора польского происхождения смешение чешского и польского языков, при чём польский язык есть очень проблематичный: „*Dobrže, “/.../, ty rzveš na sena jako krawa. Stul pysk, drž gubu, nebuč! Sěl²⁸ jsi už na latríně? “/.../ „Proč jsi nešel šrať s ostatními menži?“ (в чешском издании в ч. 3, гл. 2, в чеш. из. т. 3, стр. 81, на русском языке: «Ты ржавеешь, как корова на сено. Молчи, заткни глотку! Не мычи! Ты уже был в отхожем месте?»). И снова в чешском издании в ч. 3, гл. 2, в чеш. из. т. 3, стр. 86: „*Vytržel jsi si arž?*“ /.../ „*Wienczej srač nie bendzeš?/.../ „Dej si tedy hózny nahoru...“ (На русском языке: «Ты уже вытер задницу? /.../ «Больше срать не будешь?» /.../ «Так подтяни штаны...») Польский солдат пытается говорить на немецком языке (в чешском издании в ч. 3, гл. 3, в чеш. из. т. 3, стр. 114: „*Benže šajsn, benže šajsn,*“ на русском языке: «Буду стрелять!**

Буду стрелять!») и староста одной галицийской деревни говорит (в чешском издании в ч. 3, гл. 4, в чеш. из. т. 3, стр. 183): „*Moskali zabrali, i naši zabirajom.*“ (На русском языке: «Москали забирали, и наши забирают!»)

Одновременно нужно подчеркнуть, что эти „ошибки“ а „проблематичный польский язык“, подобно тому „ошибки“ на немецком или венгерском языках, надо воспринимать не ограниченно как языковые или иные недостатки романа или их считать проявлением незнания автора. Гашек не обращается к публике знающей польский язык, он пытается только создать впечатление того, что персонажи говорят на польском языке: речь идёт несомненно об иллюзии, суггестии, как видно даже из примеров выбранных А. Мещаном, это „смешение чешского и польского языков“ и одновременно немецкого языка есть источником юмора, языкового и ситуационного, даже при всей своей проблематичности, точнее именно ради неё.

1.5. СЕРБИЗМЫ

А. Мещан утверждает, что из сербского языка появляются в первом издании романа только два суровых предложения с повторяющейся печатной ошибкой: "*Jebentidušu*", "*Jeben ti boga, jeben ti dušu, jeben ti majku*". (ч. 3, гл. 2, в чеш. из. т. 3, стр. 72; На русском языке имеют эти выражения отношение к глаголу «плевать на кого/что». Примечание Алены Миклулашковой) Даже в этой связи напрашивается вопрос, если языковые элементы венгерские, польские или сербские своей „драстичностью“ и мерой вульгарности не были избраны намеренно не только из-за характеристики и «реализма», но тоже простой аутентичности (напр. разговорный язык солдат есть чрезвычайно вульгарный).

1.6. ИТАЛИЗМЫ

«*Нечего и говорить, прекрасная страна,*» вступил в разговор повар Юрайда. «Я был раз в Венеции и знаю, что итальянец каждого называет свиньей. Когда он рассердится, все у него "*porco maledetto*" /на русском – «проклятая свинья»/. И папа римский у него "*porco*" /«свинья»/, и "*Madonna mia e porca, rara e porco*" /«Мадонна моя свинья, папа свинья»/. Выражения итальянские етсь довольно редкие, тоже как сербские ч. 3, гл. 2, в чеш. из. т. 3, стр. 72).

1.7. ЛАТИНИЗМЫ

Латинские выражения, слова, ритуальные изречения и цитаты являются проявлением т. наз. высшего стиля, они должны внушать высшее образование, интеллектуальные предположения, или духовное звание того, кто латинские изречения произносит. С этой точки зрения они имеют функцию стиль творящих, хотя речь идёт преимущественно о общепринятых выражениях, «крылатых словах».

*Nihil ni si bene*²⁹ мы слышим в «неаккуратной» речи «вольноопределяющегося» (ч. 3, гл. 3, в чеш. из. т. 3, стр. 121), что вероятно является фрагментом изречения „*De mortuis nihil nisi bene*“ («О мёртвых либо хорошо, либо ничего, кроме правды»). Тот же самый «толстой вольноопределяющийся» Марек даёт латинскими изречениями понять своё интеллектуальное превосходство и одновременно вид сверху и игривость: «*Morituri te salutant, caesar!*» (ч. 2, гл. 2, в чеш. из. т. 2, стр. 257 – в этом случае он ощущает обязанность это изречение Швейку перевести на материнский язык. На русском: «Идущие на смерть приветствуют тебя, цезарь!») Латинские предложения, точнее говоря «крылатые слова» имеют тоже пародическую функцию: когда вольноопределяющийся Марек пишет «историю батальона вперёд, про запас», он обосновывает это потребностью системы в следующем диалоге:

«*Страшно весело писать историю батальона впрок. Главное, чтобы всё развивалось систематически. Во всём должна быть система.*»

«Систематическая система,» заметил старший писарь Ванек, скептически улыбаясь.

«Да,» небрежно обронил вольноопределяющийся,» систематизированная систематическая система при написании истории батальона. Мы не можем с самого начала одержать большую победу. Всё должно развиваться постепенно, согласно определённого плану. Наш батальон не может сразу выиграть мировую войну. *Nihil nisi bene*. Для обстоятельного историографа, как я, главное – составить план наших побед/.../» (ч. 3, гл. 3, в чеш. из. т. 3, стр. 121)

Писать историю «вперёд», то есть «про запас», и выдумывать поэтому приключения, которые в будущем произойдут, является не только абсурдным, но целая эта бессмысленная деятельность есть «объяснена» языковыми плеоназмами типа «систематизированная, систематическая система» или «историк истории» и фрагментом латинского изречения о мёртвых в связи с будущей «большой победой».

Тоже фельдкурят Кац произносит ряд латинских изречений, которые принадлежат к его «духовному званию». Как сообщает рассказчик: «/.../ так смачно ругался с кафедры, так самозабвенно распевал у алтаря своё "Ite, missa est" («Изыдите, служба окончена», ч. 1, гл. 9, в чеш. из. т. 1, стр. 77) Богослужение ведённое пьяным фельдкурят не забывает о ритуале: «Благословение господне на вас, и со духом твоим. Благословение господне на вас.» (ч. 1, гл. 10, в чеш. из. т. 1, стр. 102) Тот же самый на минуточку «развлекался декламацией латинских стихов: „Aurea prima satat,³⁰ aetas, quae vindice nullo.“ (Это стих из «Метаморфоз» Овидия: «Первым век золотой народился, не знавший возмездий, /.../» (Ч. 1, гл. 10, в чеш. из. т. 1, стр. 105).

1.8 ЙИДИШ

Выражения из йидиш можно цитировать – хотя не совсем безопасно и с полной уверенностью – тоже из нескольких пассажей романа. Речь идёт об изречении изо рта еврейского персонажа, какого-то Натана, «еврея в кабаке», который солдатам продал дорого свою старую и несъедобную корову, когда тот обращается к своей жене словом „Elsalébn“ (точнее говоря Elsa, lébn), означающее Элишка дорогая (ч. 3, гл. 4, в чеш. из. т. 3, стр. 185).

Повар Юрайда, «окультист», пишет в поезде своей любезной жене письмо, из которого кажется ясным, что одним из его первых читателей будет цензор, но тоже факт, что «шоулю» он считает «настоящим галицийским»; однако речь идёт о «тушеном гусе с перловой кашей или рисом» (ч. 3, гл. 1, в чеш. из. т. 3, стр. 13).

Частые есть само собой разумеется тоже мотивы еврейские, которым можно было бы посвятить самостоятельную студию, исходящую из словарной статьи в Литературе с звездой Давида.³¹ Например, в связи с двухтомным романом Грехи отцов Людвиг Гангофера уверяет Швейк старшего лейтенанта Лукаша, что он знает «немецкий язык, нужно начинать с первого тома, ведь мы не евреи и не читаем сзади наперёд.» (ч. 3, гл. 1, в чеш. из. т. 3, стр. 28)

Слово „*nochamol*“ произносит на одном месте писарь Ванек: „*Jawohl, nochamol*“ (ч. 2, гл. 5, в чеш. из. т. 2, стр. 371) вероятно в значении снова заново, опять, однако мотивация выбора этого слова является неясной. Слово может происходить от немецкого словосочетания «*nach einmal*» или является пародической версией чешского словосочетания «*být namol*», т. е. «очень напиться».

В заключении к этой «главе» нужно добавить, что все языки, которыми автор воспользовался в своей романной фикации, стали средством конструкции этой фикации, повествования и иллюзии действительности, и как таковых их нужно оценивать.

2. ПОЛИСТИЛИСТИКА

Самым простым примером полистилистики есть цитация из гетерогенных публикаций, реальных или выдуманных, напр. из того или другого поэтического или литературного произведения, из газетной статьи, из официального известия, объявления или документа, но тоже из кулинарного или другого рецепта итд, эвентуально их пародическая гипербола, карикатура, которые потом косуществуют как-то «возле себя» с комическим или другим эффектом. Цитации близка есть потом парафразия таких текстов и с ними связанных стилей.

Как элементарный пример можно выбрать несколько отрывков из произведения Нас было пятеро Карла Полачека, мастера языковой культуры. Рассказчик Пётр Байза учится с помощью имитации, но он ещё не дифференцирует разные акценты и нюансы слов и словосочетаний, их соразмерность или несоразмерность ситуации, их стилевое значение. Как пример можно представить эти отрывки из повествования Байзы:

I. „Pan učitel mne chválí, že se chovám mravně a že mám dobrou hlavu, pročez tu nosím sešity domů. Písmo mám nejlepší z celé třídy, vnější úprava písemných prací velmi úhledná. Píšu krásněji než Kolorenč František, co je první ve třídě, ale často schází...“³²

«Господин учитель меня хвалит, потому что я веду себя нравственно и потому что я умный, поэтому я ношу ему тетради домой. У меня самый красивый почерк из целого класса, внешнее оформление письменных работ есть очень опрятное. Я пишу красивее чем Колоренч Франтишек, который является примасом» класса, однако его часто не хватает...»

II. „Území Habrováků se rozprostírá po obou březích potoka javornického. Obyvatelé se živí chovem husí a soukenictvím. Někteří se oddávají pašeráctví, pročez musí chodit s četníkem na okres. Mnozí úpí ve vězení pro špatné skutky.“³³

«Территория жителей Габровой расстилается по обоим берегам яворницкого ручья. Они питаются разведением гусей и суконным производством. Некоторые увлекаются контрабандой, поэтому они бывают задержаны жандармами. Многие стонут в тьюрме за плохие поступки.»

III. „Tehdy naši vystoupí na stráň, z níž možno zhlédnouti celou zemi habrovskou, až k obzoru, kde sousedí s územím lukavickým. Oko se pokochá úchvatnou vyhlídkou a ústa z plných hrdel spustí potupnou píseň.“³⁴

«Тогда наши выйдут на откос, из которого можно разглядеть целую габровскую территорию, к самому горизонту, где она граничит с территорией лукавицкой. Глаза наслаждаются восхитительным видом и все поют во всё горло позорную песню.»

IV. „Myslí si, že ho nebude vidět, ale Ješínáci ho našli, vytáhli ho za pačesy a pak ho vochlovali, jeden mu zezadu plívl na kalhoty. Ženské se daly do brěče, kvičely a křičely, nechaly vozejk vozejkem a utekly. Ješínáci nám sežrali buchty, načez nás honili o polích a hulákali, že nás musejí zničit, abysme si podruhé nefoukali.“³⁵

«Он думал, что его не будет видно, но пацаны из Ешинь его нашли, вытащили за лохмы и после этого колотили его, один ему сзади плюнул на штаны. Бабы начали реветь, пищали и кричали, оставили тачку на дороге и убежали. Пацаны из Ешинь у нас сожрали пироги, после этого они нас гоняли по полям и оралы, что нас надо истребить, чтобы в следующий раз не позволяли себе лишнее.»

V. „K odcizení krabic jsem si vybral chvíli po poledni, když jsou po obědě /.../ Tak jsem se vplížil do kvelbu, opatrně se rozhlížeje na všechna strany, zda neuslyším podezřelý šramot. Jsem v tom krátkě dobře obeznámen a vím, kde co je.“³⁶

«К покраже коробок я выбрал время после полудня, они уже пообедали.../Так я вкрался в камеру, осторожно оглядываясь во все стороны, если не услышу подозрительный шорох. Я хорошо ознакомлен с оснащением этого магазина и имею представление о том, где что находится.»

VI. „Zadrž, ó ženo, svůj jazyk, který je ostřejší než jatagan, a krot' se před vzácnými hosty.“

Allah je mým svědkem, že mně děláš jenom ostudu. ³⁷

«Держи, ой жена, в узде свой язык, который острее ятагана, и сдерживайся перед редкими гостями. Аллаг мой свидетель, что ты меня только позоришь.»

VII. „*Nejsou tam žádné tabulky, na nichž je napsáno, že se nesmí plašit zvěř, rozdělovat oheň, sbírat houby a jiné plodiny lesní pod pokutou. Ani tam nejsou značky, které ukazují výletníkům cestu ke krásným vyhlídkám a památným místům.*“ ³⁸

«Там не находятся никакие таблицы, на которых есть написано, что не допускается пугать зверей, разжигать костёр, собирать грибы и другие культуры лесные под штрафом. Даже там не находятся знаки, которые показывают туристам дорогу к красивым видам и памятным местам.»

Первый (I.) отрывок есть «отзвук» **голоса учителя и школьной административной работы**, классификации, оценки успеваемости и поведения, то есть этого «нравственного поведения», «почерка самого красивого из целого класса», «внешнего оформления письменных работ очень опрятно», самого лучшего чем «примаса» класса, которого однако и к сожалению «часто не хватает» итд.

Второй (II.) отрывок приближается **учебнику краеведения** или элементарной географии, о чём свидетельствуют выражения как «*территория расстилается*» (суша, плоскогорье, океан расстилаются...), «*по обоим берегам ручья яворницкого*» (оба берега Амазонки...), население питается «*разведением гусей и суконным производством*» (разведением скота и пастушеством...), «*увлекается контрабандой*».

Отрывок третий (III.) имеет что-то общего с текстом **краеведения**, он однако направлен в другую область, используя **форму книжного предания**, напр. вроде преданий Йирасака, в которых между прочим праотец Чех взошел на гору Ржип. Целое предложение о «*глазах, которые наслаждаются...*» до «*поют во всё горло позорную песню...*», есть чисто риторическое, книжное.

Отрывок четвёртый (IV.) есть стилизацией «чистого» **разговорно-обиходного чешского языка и разговорного стиля**, срав. выражения „*Пацаны из Ешинь*», «*лохмы*», «*колотили его*», «*бабы начали реветь*», «*тачку*», «*сожрали пироги*», «*чтобы мы в следующий раз не позволяли себе лишнее*».

Отрывок пятый (V.) приближается **стилю административному, стилю протокола**, как будто это является результатом полицейского допроса, срав. «*к покраже коробок*», «*я выбрал время после полудня, они уже пообедали*», «*я вкрался*», или детективной новелле, срав. „*осторожно оглядываясь во все стороны, если не услышу подозрительный шорох*». Вместо естественного и разговорного «этот магазин я хорошо знаю» употребляется неестественное «*Я хорошо ознакомлен с оснащением этого магазина*».

Отрывок шестой (VI.) имитирует стиль ориентальный, он является **отражением чтения романов Карла Мая**, напр. Восточного цикла, их имитацией.

Отрывок седьмой (VII.) является почти **буквальной цитацией предупредительного текста административного**, срав. „*не допускается пугать зверей, разжигать костёр, собирать грибы и другие культуры лесные под штрафом.*»

Эта так называемая имитация есть само собой разумеется творческая, это проявляется в комбинации стилевых уровней в одной и той же речи и создаёт парадоксальное искрение и комизм речи, сверх того ребёнка.

Разные стилевые области в романе богато представлены. Это текст полный «разноголосья», которому способствует даже эта «более языковость» характеризированная выше.

2.1 Стиль журналистический и риторический

Как вступительное слово можно ввести эту газетную «цитацию» рассказчика, которая восхваляет мужество и национальное осознание «солдата Швейка»:

«**Патриотизм калеки** Вчера днем на главных улицах Праги прохожие стали

очевидцами сцены, красноречиво свидетельствующей о том, что в этот великий и серьезный момент **сыны нашего народа** также способны дать **блестящие примеры** верности и преданности трону нашего престарелого монарха. Казалось, что вернулись славные времена греков и римлян, когда Муций Сцевола шел в бой, невзирая на свою сожженную руку. Калека на костылях, которого везла в коляске для больных его старая мать, вчера продемонстрировал святое чувство патриотизма. Этот сын чешского народа, несмотря на свой недуг, добровольно отправился на войну, **чтобы все свои силы и даже жизнь отдать за своего императора**. И то, что его призыв "На Белград!" встретил **такой живой отклик** на пражских улицах, свидетельствует, что жители Праги **являют высокие образцы** любви к отечеству и к царствующему дому.» (ч. 1, гл. 7, в чеш. из. т.1, стр. 56, словосочетания избранные из этого текста выделит жирным шрифтом А. Микулашек). Цитируемое можно читать в статье из Пражской центральной газеты. Журналистические фразы, повторяемые и для стиля так наз. агенства или комментариев признаков, срав. „дать/предоставлять самые блестящие/образцовые примеры“ или „имело так живой отклик“ переплетаются с клише риторическими и патетическими, с которыми оба стиля срастаются, как «сыны народа», «верность и преданность», «великий и серьезный момент», далее суперлативы („самый великолепный“, „самый святой“), разумеется тоже с пародическим и комическим воздействием: что-то самое святое есть „красноречиво“ показано – „инвалидом на костылях“.

С журналистической стилевостью связаны естественно тоже тенденциозность и манипулятивность „цитируемого текста“, фиктивной статьи. Если чешская газета пишет о Швейке как о сыне «нашего народа», о самых святых чувствах и самом блестящем примере того, кто есть „сын чешского народа“, потом немецкоязычная пражская газета изображает как будто тоже самое, но с проти‘чешским и проти‘немецким акцентом «/.../ Калеку-добровольца провожала толпа немцев, своим телом охранявших его от самосуда чешских агентов Антанты» (там же.). По предметному аспекту то же самое сообщение публиковала потом ежедневная газета Богемия, которая написала, что «калека-патриот был награжден, и объявила, что в редакции принимают подарки от немецких граждан в пользу неизвестного героя.» (Там же.). Все цитируемые газеты имеют свои реальные «прототипы».³⁹

2.1.1 Официальное военное агентство

Военное агентство имеет всегда и однозначно свою пропагандистскую цену и смысл, хотя успехи «нашей» стороны оцениваются в суперлативах, или переоцениваются, на другой стороне неудачи замалчиваются или багателизируются, или с помощью языковых медиа переводятся на «рутинные меры» и языком максимально смягчающим и углаживающим неприятный факт отступления, потерь, смерти «нормализуется»: „Если денщик говорил: "В два часа тридцать пять минут улетим", то действительно ровно в два часа тридцать пять минут **австрийские солдаты начинали отходить от неприятеля**."» (ч. 1, гл. 14, в чеш. из. т. 1, стр. 151, предложение избранное из этого текста выделит жирным шрифтом А. Микулашек). Или в другом месте: «Полковник пошел домой в отвратительном настроении. На следующее утро настроение у него стало еще хуже, потому что в газетах, которые он читал, лежа в постели, в сводке с театра военных действий несколько раз наталкивался на фразу: "**Наши войска отошли на заранее подготовленные позиции**". Наступил славный для австрийской армии период, как две капли вод похожий на дни у Шабача.» (ч. 2, гл. 2, в чеш. из. т. 2, стр. 273, предложение избранное из этого текста выделит жирным шрифтом А. Микулашек). Неприятный факт отступления является эвфемистически ослабленным.

2.1.2 Стиль пропагандистской ретирики

В следующем отрывке мы найдём не только примеры официальных журналистических фраз («военная удача обратилась», «в самом большом бою» или «мы опять идём вперёд») и вообще бесконечно повторяемых словесных и фразовых сочетаний, но и хвастливую гиперболу, слегка пародированную не только контекстом личного письма, но и физиогномической деталью носа генерала: *«Когда ты получишь эти строки, то знай, что окончился большой бой, в котором военное счастье улыбнулось нам. Между прочим, мы сбили штук десять неприятельских аэропланов и одного генерала с большой бородавкой на носу. В самом страшном бою, когда над нами разрывалась шрапнель, я думал о тебе, дорогая Боженка. Что ты подделываешь, как живешь, что нового дома? /.../ Сегодня мы опять наступаем, так что мне некогда продолжать письмо.»* (ч. 3, гл. 4, в чеш. из. т. 3, стр. 188)

Пародирование военной ретирики, журналистической, проповеднической, упрекательской или «дух команды поднимающей» мы найдём в многих местах, срав. напр. это риторическое убеждение, переданное рассказчиком: *«Он долго рассусоливал о том, что, дескать, каждый из тех, кто покидает лагерь и вернется в свой полк, должен быть победителем и рыцарем. Он убежден, что они сумеют владеть оружием на поле брани и быть честными людьми всюду: и на войне и в частной жизни; что они будут непобедимыми воинами и никогда не забудут о славе Радецкого и принца Евгения Савойского, что кровью своей они польют необозримые поля славы австрийской монархии и достойно выполнят миссию, возложенную на них историей. В отважном порыве, не щадя своей жизни, под простреленными знаменами своих полков, они ринутся вперед к новой славе, к новым победам...»*. (ч. 1, гл. 8, в чеш. из. т. 1, стр. 73)

Формальными фразами, метафорами и эмблемами наполненная персуασία является конфронтированной с «простреленными знаменами своих полков» и именно в значении буквальном, но и перенесённом: расстрелянный флаг имеет значение не только фактического флага несённого на жерди или штандарта, но и «команды», солдат её образующих, то есть жизнью людей.

Этот язык и стиль является свойственным персонажам лейтенанта Дуба и кадета Биглера. Когда лейтенант Дуб во время марша отрезвел, он произнёс эту речь:

« – Солдаты, ваша почетная задача трудна, вам предстоят тяжёлые походы, лишения, всевозможные мытарства. Но я твердо верю в вашу выносливость и в вашу силу воли.» (ч. 3, гл. 4, в чеш. из. т. 3, стр. 169) Только обиходное чешское слово «мытарства» как-то не принадлежит к этому патетическому и «высокому» выступлению.

Выступления могут иметь даже форму проповедническую, пока они произнесены священниками, как здесь фельдкуратором Иблом: *« – Дорогие солдаты, – ораторствовал фельдкуратор Ибл, – представьте себе: сейчас сорок восьмой год и только что победоносно окончилась битва у Кустоццы. После десятичасового упорного боя итальянский король Альберт был вынужден уступить залитое кровью поле брани фельдмаршалу Радецкому – нашему "отцу солдатам", который на восемьдесят четвертом году своей жизни одержал столь блестящую победу. И вот, дорогие мои солдаты, на горе перед покоренной Кустоццей маститый полководец останавливает коня. Его окружают преданные генералы. Серьезность момента овладевает всеми, ибо – солдаты! – неподалеку от фельдмаршала лежит воин, борющийся со смертью. Тяжело раненный на поле славы, с раздробленными членами, знаменосец Герт чувствует на себе взор фельдмаршала Радецкого. Превозмогая смертельную боль, доблестный знаменосец холодеющей рукою сжимает в восторге свою золотую медаль. При виде благородного фельдмаршала снова забило его сердце, а изувеченное тело воспрянуло к жизни. /.../ В этот момент, дорогие солдаты, со стороны лагеря донеслись величественные звуки нашего гимна "Храни нам, боже, государя.»* (ч. 3, гл. 1, в чеш. из. т. 3, стр. 6-7)

Этот стиль конфронтируется с обиходным чешским языком и связывается с чем-то

даже экстремально отдалённым, вследствие чего пародическое искрение меняется в гротескное: « – *Что ни говори, а это в самом деле будет шикарно. Как он расписывал! "День начнет клониться к вечеру, солнце со своими золотыми лучами скроется за горы, а на поле брани будут слышны последние вздохи умирающих, ржание упавших коней, стоны раненых героев, плач и причитания жителей, у которых над головами загорятся крыши". Мне нравится, когда люди становятся идиотами в квадрате.*» (ч. 3, гл. 1, в чеш. из. т. 3, стр. 6)

С риторической патетической стратегией есть связаны тоже «экземплы» чтобы примеры героических актов, напр. этот отрывок из выдуманных рассказов, иначе говоря «редких образцов мужества», читаемый Йозефом Швейком на афише, текст названный «ОБОЗНИК РЯДОВОЙ ИОСИФ БОНГ»:

«Санитары относили тяжелораненых к санитарным повозкам, стоявшим в готовности в неприметной ложбине. По мере того как повозки наполнялись, тяжелораненых отправляли к перевязочному пункту. Русские, обнаружив местонахождение санитарного отряда, начали обстреливать его гранатами. Конь обозного возчика Иосифа Бонга, состоявшего при императорском третьем санитарном обозном эскадроне, был убит разрывным снарядом. "Бедный мой Сивка, пришел тебе конец!" – горько причитал Иосиф Бонг. В этот момент он сам был ранен осколком гранаты. Но, несмотря на это, Иосиф Бонг выпряг павшего коня и оттащил тяжелую большую повозку в укрытие. Потом он вернулся за упряжью убитого коня. Русские продолжали обстрел. "Стреляйте, стреляйте, проклятые злодеи, я все равно не оставлю здесь упряжки!" И, ворча, он продолжал снимать с коня упряжь. Наконец он дотащился с упряжью обратно к повозкам. Санитары набросились на него с ругательствами за длительное отсутствие. "Я не хотел бросать упряжи – ведь она почти новая. Жаль, думаю, пригодится", – оправдывался доблестный солдат, отправляясь на перевязочный пункт; только там он заявил о своем ранении. Немного времени спустя ротмистр украсил его грудь серебряной медалью "За храбрость"! (ч. 2, гл. 1, в чеш. из. т. 2, стр. 212)

Следующим примером пародической, сатирической де-актуализации есть этот патетический рассказ поручика Кречмана:

« – Ну вот, выскочили из окопов... По всей линии в два километра перелезают через проволочные заграждения и бросаются на врага. Ручные гранаты за поясом, противогазы, винтовки наперевес, готовы и к стрельбе и к штыковому бою. Пули свистят. Вот падает один солдат – как раз в тот момент, когда вылезает из окопа, другой падает на бруствере, третий – сделав несколько шагов, но лавина тел продолжает катиться вперед с громовым "ура" в туче дыма и пыли! А неприятель стреляет со всех сторон, из окопов, из воронок от снарядов и строчит из пулеметов. И опять падают солдаты. Наш взвод пытается захватить неприятельские пулеметы. Одни падают, но другие уже впереди. Ура!! Падает офицер... Ружейная стрельба замолкла, готовится что-то ужасное... Снова падает целый взвод. Трещат неприятельские пулеметы: "Тра-тата-тата-та!" Падает... Простите, я дальше не могу, я пьян... (ч. 2, гл. 2, в чеш. из. т. 2, стр. 271).

2.2 Многостилевость языка рассказчика

Как отметил Франтишек Данеш, «язык Гашека является иногда удивительной смесью выражений на одной стороне разговорных, даже народных (я подчёркиваю, что мы пока занимаемся языком авторского повествования и прямые речи мы оставляем стороной) и на другой стороне выражений устарелых, которых хорошие писатели — современники Гашека почти не использовали. Так например Гашек использует аккуратно инфинитив сказать — и на другой стороне у него не являются редкостью генитив отрицательный или адъективы в именной форме, в случаях в современном языке необыкновенных, и книжное есть; он тоже предпочитает тип неразговорный дважды, какой-либо и др. Третью составную часть языковых особенностей Гашека можно характеризовать как элементы старшего чешского

языка, журналистического и офисного.»⁴⁰ Это само собой разумеется тоже замысел Гашека – художественно подделать стилевые особенности языка, который является для изображаемой действительности, «здесь-служебной» и «установленной» типичным; нельзя её обозначить как проявление неспособности автора или языкового консерватизма итд. Ключевую роль в анализированной полистилевости имеют персонажи и рассказчик, что является вполне естественным и базальным фактом данным конструкцией повествования, в которой существует «разногласие», значит язык и стиль рассказчика⁴¹ и язык персонажей от себя элементарно отличаются. В этой главе мы сосредоточимся на рассказчике и иллюзии его присутствия в фиктивном мире.

Как этот нарратор представляется и какую иллюзию о себе создаёт? Он выступает в роли какого-то медиатора, любезного, хорошо, даже интимно знающего посредника/летописца/комментатора всех «судеб» Швейка, диалогов и монологов. Часто он производит впечатление «летописца», который вспоминает о Швейке как о ком-то хорошо знакомом, срав. предложение «*Швейк еще и теперь с любовью вспоминает это время*» (ч. 1, гл. 4, в чеш. из. т. 1, стр. 31). Рассказчик тоже напр. оценивает «судьбы» Швейка как «*одиссею*». (ч. 1, гл. 10, в чеш. из. т. 1, стр. 93).

Хотя под «*Вступлением*», каким-то предисловием, коротким и лаконично окончанным, подписан «*Автор*», его стиль является стилем персонального рассказчика: «*Я искренне люблю храброго солдата Швейка и, представляя вниманию читателей его похождения во время мировой войны, уверен, что все будут симпатизировать этому непризнанному герою. Он не поджег храма богини в Эфесе, как это сделал глупец Герострат для того, чтобы попасть в газеты и школьные хрестоматии. И этого вполне достаточно. Автор*» (том 1, без пагинации). В общем «высокий» стиль Вступления с патетическими экскламациями типа «*Великое время требует великих людей*» контрастирует с однословной и прямой оценкой «*глупец*» и сжатым предложением в конце статьи («*И этого вполне достаточно.*»), которое в «высокий стиль» и к рафинированным прокламациям не принадлежит.

Рассказчик даёт понять, что он не должен (или не хочет) воспроизводить всё, что он знает о близко знакомом персонаже, о его поступках, мыслях или жестах, срав.: «*Об этой чудесной минуте Швейк рассказывает с упоением. Мы не смеем повторить его рассказ о том, что с ним делали потом. Приведем только одну фразу: "Один из них при этом держал меня на руках", – вспоминал Швейк.*» (ч. 1, гл. 4, в чеш. из. т. 1, стр. 31-32)

Рассказчик создаёт иллюзию, что он идентичен с писателем, а писатель создаёт иллюзию идентичности с рассказчиком: этот субъект потом оценивает напр. поведение и язык персонажей в нумерованных подстрочных примечаниях. В первом нас немного волонтеристически информирует, что, «*некоторые писатели употребляют выражение "грызут упрёки совести". Я не считаю это выражение вполне точным. Ведь и тигр человека пожирает, а не грызет.*» (ч. 1, гл. 5, в чеш. из. т. 1, стр. 38) Во втором мы читаем другой критический комментарий: «*Тридцать процентов людей, сидевших в гарнизонной тюрьме, пробыли там всю войну и ни разу не были на допросе.*» (ч. 1, гл. 9, в чеш. из. т. 1, стр. 87) И третий касается использования керосина и «стилем» он «швейковский»: «*Это испытанное средство как попасть в госпиталь. Однако часто выдает запах керосина, остающийся в опухолях. Бензин лучше, так как быстрее испаряется. Позднее солдаты впрыскивали себе смесь эфира с бензином; еще позднее достигли они и других усовершенствований.*» (ч. 1, гл. 10, в чеш. из. т. 1, стр. 97) Эти ситуационные комментарии создают впечатление единства, рассказываемого и действительного.

К этому впечатлению приступает и паратекст, собственное послесловие Гашека к первому тому, в котором полистилевость и «разногласие» соединены с фиксируемой военной действительностью: «*В этих частях и солдаты и штатские тоже будут говорить и поступать так, как они говорят и поступают в действительности.*

Жизнь – не школа для обучения светским манерам. Каждый говорит как умеет.

Церемониймейстер доктор Гут говорит иначе, чем хозяин трактира "У чаши" Паливец. А наш роман не пособие о том, как держать себя в свете, и не научная книга о том, какие выражения допустимы в благородном обществе. Это – историческая картина определенной эпохи.

Если необходимо употребить сильное выражение, которое действительно было произнесено, я без всякого колебания привожу его здесь. Смягчать выражения или применять многоточие я считаю глупейшим лицемерием. Ведь эти слова употребляют и в парламенте.»

Рассказчик сочувствует персонажам, он выражает «их словами» именно их чувства и мышление, с которым он косвенно отождествляется: *«Молоденький солдат сочувственно вздохнул. Ему стало жалко своей молодой жизни. Зачем он только родился в этот дурацкий век? Чтобы его зарезали, как корову на бойне? И к чему все это?»* (ч. 1, гл. 13, в чеш. из. т. 1, стр. 142, слова и предложение избранные из этого текста выделил жирным шрифтом А. Микулашек). Как будто он всегда присутствовал в данной ситуации, как будто он стал её невидимым свидетелем, но одновременно он заигрывает с языком: *«Прижатый к стене черно-желтый хищник не вынес взгляда невинного агнца Швейка, опустил глаза в свои бумаги и сказал: /.../»* (ч. 1, гл. 6, в чеш. из. т. 1, стр. 43)

Рассказчик не только «невидимый» свидетель и комментатор, но и субъект с индивидуальным опытом, знаниями и временной перспективой; он видит в прошлое, но он способен актуализировать: *«Все это она с изяществом разложила на свободной постели возле Швейка. Потом рядом появилась книга в прекрасном переплете "Картинки из жизни нашего монарха", которую написал заслуженный главный редактор нашей нынешней официальной газеты "Чехословацкая республика"; редактор тонко разбирался в жизни старого Франца-Иосифа.»* (ч. 1, гл. 8, в чеш. из. т. 1, стр. 68) Речь идёт о реальном журнале, издаваемом в Праге в межвоенной Чехословакии Учреждением правительства. В этой связи можно вспомнить тоже журнал Богемие (и другие названия в книге упомянутые).⁴²

В соответствии со стратегией автора «его рассказчик» как медиум много комментирует, оценивает, секретно или откровенно высмеивается, надевает «швейковскую» маску или пишет совсем «без намордника». Оттуда тоже прямые и экспрессивные оценки, напр. одну из дам «Союза дворянок по религиозному воспитанию нижних чинов» постиг рассказчик как *«старую, противную фурию»* (ч. 1, гл. 13, в чеш. из. т. 1, стр. 143), которая *«раздражала всех своей глупой болтовней»* (там же). Поэтому она тоже *«болтунья»*, как её назовёт. О полковнике Фридрихе Краусе фон Циллергут пишет, что он *«редкостный болван»*. (ч. 1, гл. 15, в чеш. из. т. 1, стр. 184), что *«был так непроходимо глуп»* (там же), что его остальные офицеры избегали: он представлен как *«идиот»*, за которым однако стоят влиятельные люди, как командующий генерал идентичный с *«другими не менее тупыми военными сановниками»* (ч. 1, гл. 15, в чеш. из. т. 1, стр. 185), что ему вынесло *«разные награды и ордена»* (там же). Другие офицеры о нём насмешливо говорили: *«Ну вот, развел свою манлихеровину!»* (ч. 1, гл. 15, в чеш. из. т. 1, стр. 185) В связи с этим пишет тоже о Франтишке Йозефе: *«Если мы рассмотрим его умственные способности, то придем к заключению, что они были ничуть не выше тех, которыми мордастый Франц-Иосиф Габсбург прославился в качестве общепризнанного идиота: то же безудержное словоизлияние, то же изобилие крайней наивности.»* (ч. 1, гл. 15, в чеш. из. т. 1, стр. 185).

Точка зрения есть чёткая подобно тому как язык и стиль. Он всё-таки сумеет быть местами «швейковский»: *«В Девяносто первом полку я знал несколько таких. Один денщик получил большую серебряную за то, что умел восхитительно жарить украденных им гусей. Другой был награжден малой серебряной за то, что получал из дому чудесные продовольственные посылки и его начальник во время самого отчаянного голода обжирался так, что не мог ходить.»* (ч. 1, гл. 14, в чеш. из. т. 1, стр. 150-151). Если перевести его голос в фиктивный модельный обиходный чешский язык, мы слышим в нём заметный резонанс языка Швейка, здесь фамильярного.

Нарратор предпочитает литературный чешский язык, но в его рамках не избегает ни высокого, книжного стиля (срав. «с его уст невольно сорвалось», в ч.1, гл. 4, в чеш. из. т. 1, стр. 32), ни натуралистической метафорической символичности: *«Перед приходом пассажирского поезда ресторан третьего класса наполнился солдатами и штатскими. Преобладали солдаты различных полков, родов оружия и национальностей. Всех их занесло ураганом войны в таборские лазареты, и теперь они снова уезжали на фронт. Ехали за новыми ранениями, увечьями и болезнями, ехали, чтобы заработать себе где-нибудь на тоскливых равнинах Восточной Галиции простой деревянный надгробный крест, на котором еще много лет спустя на ветру и дожде будет трепетать вылинявшая военная австрийская фуражка с заржавевшей кокардой. Изредка на фуражку сядет печальный старый ворон и вспомнит о сытых пиршествах минувших дней, когда здесь для него всегда был накрыт стол с аппетитными человеческими трупами и конской падалью; вспомнит, что под фуражкой, как та, на которой он сидит, были самые лакомые кусочки – человеческие глаза...»* (ч. 2, гл. 1, в чеш. из. т. 2, стр. 209)

Язык рассказчика реплицирует тоже стиль «солдатских повествований», срав. *«Он шел по занесенному снегом шоссе, по морозцу, закутавшись в шинель, словно последний наполеоновский гренадер, возвращающийся из похода на Москву. Разница была только в том, что Швейк весело пел: Я пойду пройтись в зеленую рощу... И в занесенных снегом темных лесах далеко разносилось эхо так, что в деревьях лаяли собаки.»* (ч. 2, гл. 1, в чеш. из. т. 2, стр. 216)

Рассказчик в роли медиатора становится тоже своего рода переводчиком, когда он информирует читателя, что тот или другой персонаж говорит на немецком, венгерском или другом языке, таким образом он фактически признаёт, что содержание диалогов он переводит на чешский язык. Таких примеров есть много⁴³, напр. *«Молодой военный врач, чистая и пока еще не испорченная душа, попросил у старшего штабного врача слова. Его речь отличалась от речи начальника оптимизмом и наивностью. Говорил он по-немецки.»* (ч. 1, гл. 8, в чеш. из. т. 1, стр. 73)

Голос рассказчика раздаётся здесь и там в их-форме и таким способом косвенно включается в наблюдаемое «разногласие», срав. напр.: *«Я сам знал одного сверхштатного преподавателя математики, который должен был служить в артиллерии, но, не желая стрелять из орудий, "стрельнул" часы у одного подпоручика, чтобы только попасть в гарнизонную тюрьму. Сделал он это вполне сознательно.»* (ч. 1, гл. 9, в чеш. из. т. 1, стр. 74). В другом месте мы однако читаем целую субглаву как монолог авторского рассказчика: *«Полевую обедню служили дважды: когда часть отправлялась на фронт и потом на передовой, накануне кровавой бойни, перед тем как вели на смерть. Помню, однажды во время полевой обедни на позициях неприятельский аэроплан сбросил бомбу. Бомба угодила прямехонько в походный алтарь, и от нашего фельдкурата остались окровавленные клочья. Газеты писали о нем, как о мученике, а тем временем наши аэропланы старались таким же способом прославить неприятельских священников.»* (ч. 1, гл. 11, в чеш. из. т. 1, стр. 116)

Голос рассказчика знает прямую, непосредственную оценку событий, действующих персонажей, которых он представляет как реальных лиц, чиновников, карьеристов, а именно во временной перспективе возникновения произведения: *«Военно-юридический аппарат был великолепен. Такой судебный аппарат есть у каждого государства, стоящего перед общим политическим, экономическим и моральным крахом. ореол бывшего могущества и славы оберегался судами, полицией, жандармерией и продажной сворой доносчиков.»* (ч. 1, гл. 9, в чеш. из. т. 1, стр. 74) Или в последующих комментариях, объяснениях, которые нас переносят из времени действия во время возникновения текста: *«А в гарнизонной тюрьме троица – штабной тюремный смотритель Славик, капитан Лингардт и фельдфебель Ржепа, по прозвищу "Палач", – оправдывала свое назначение. Сколько людей они до смерти избивали в одиночках! Возможно, капитан Лингардт и в республике продолжает оставаться капитаном. В таком случае я бы желал, чтобы годы службы в гарнизонной тюрьме были*

ему зачтены. Славичку и Климе государственная полиция уже зачла их стаж. Ржепа стал штатским и вернулся к своему ремеслу мастера-каменщика. Вероятно, он состоит членом патриотических кружков в республике.» (ч. 1, гл. 9, в чеш. из. т. 1, стр. 75)

Рассказчик таким образом ведёт себя, как будто он писал нон фиктивный текст, что подчёркивают здесь и там сноски, некоторые немного волонтаристические, срав. оценку идиома: «Некоторые писатели употребляют выражение "грызут упрёки совести". Я не считаю это выражение вполне точным. Ведь и тигр человека пожирает, а не грызет.» (ч. 1, гл. 5, в чеш. из. т. 1, стр. 38) К этой «аутентизационной» стратегии рассказчика принадлежит тоже «обгоняние», экспликация связей из своей временной перспективы, срав.: «Не знаю, расшифровали ли те, кто после переворота просматривал полицейский архив, статьи расхода секретного фонда государственной полиции, где значилось: СБ – 40 к.; ФТ – 50 к.; Л – 80 к. и так далее, но они, безусловно, ошибались, если думали, что СБ, ФТ и Л – это инициалы неких лиц, которые за 40, 50, 80 и т.д. крон продавали чешский народ черно-желтому орлу.

В действительности же СБ означает сенбернара, ФТ – фокстерьера, а Л – леонберга. Всех этих собак Бретшнейдер привел от Швейка в полицейское управление.» (ч. 1, гл. 6, в чеш. из. т. 1, стр. 50)

Рассказчик в некоторых местах соединяет несправедливость во время «Австрии», точнее говоря тогда официальными лицами, с несправедливостью во время «первой республики». Так абсолютно ясно, что «судьбы» рассказываются из перспективы первореспубликовой и что рассказчик и автор есть близкие лица, они де факто срастаются. Они признают те же ценности и имеют те же мнения, напр. что касается злоупотребления религии к властным и военным целям (ч. 1, гл. 11, в чеш. из. т. 1, стр. 115-6).

Рассказчик сумеет быть не только ироничный, но и описательно регистрирующий, хотя аналитически и пластично: «Над дверью в углублении, сделанном в стене, керосиновая лампа, снабженная предохранительной решеткой, бросала на стены тусклый свет и коптила. Запах керосина смешивался с испарением немывтых человеческих тел и с вонью параша, которая после каждого употребления разверзала свои пучины и пускала в шестнадцатую новую волну смрада. Плохая пища затрудняла процесс пищеварения, и большинство арестантов страдало скоплением газов; газы выпускались в ночную тишину, их встречали ответные сигналы, сопровождаемые остротами. Из коридора доносились размеренные шаги часовых, время от времени открывался "глазок" в двери и "архангел" заглядывал внутрь.» (ч. 1, гл. 9, в чеш. из. т. 1, стр. 90) Административно научные выражения типа «плохая пища затрудняла процесс пищеварения» контрастирует с простым описанием проложенным разговорными выражениями как «коптила» и «архангел».

Голос рассказчика есть отделён от «голоса» швейковских повествований, «здесьофициального» военного чешского языка или пропагарды, или иронического «голоса» вольноопределяющегося Марека. Местами нам кажется, что он от них отличается только литературностью языка: «Институт денициков очень древнего происхождения. Говорят, еще у Александра Македонского был деницик. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что в эпоху феодализма в этой роли выступали оруженосцы рыцарей. Кем, скажем, был Санчо Панса у Дон-Кихота? Удивительно, что история денициков до сих пор никем не написана. А то мы прочли бы там, как альмавирский герцог во время осады Толедо с голода съел без соли своего деницика; об этом герцог сам пишет в своих воспоминаниях и сообщает, что мясо его слуги было нежным, мягким и сочным и по вкусу напоминало нечто среднее между курятиной и ослатиной. В одной старой швабской книге о военном искусстве мы находим, между прочим, наставление деницикам. В старину деницик должен был быть благочестивым, добродетельным, правдивым, скромным, доблестным, отважным, честным, трудолюбивым, – словом, идеалом человека. Наша эпоха многое изменила в характере этого типа. Современный деницик обыкновенно неблагочестив, не добродетелен, не правдив. Он врет, обманывает своего господина и очень часто обращает жизнь своего

начальника в настоящий ад. Это – лстивый раб, придумывающий самые коварные трюки, чтобы отравить жизнь своему хозяину. Среди нового поколения денщиков уже не найдется самоотверженных существ вроде благородного Фернандо, денщика альмавирского герцога, которые позволили бы своим господам съесть себя без соли. С другой стороны, мы видим, что в борьбе за свой авторитет – в борьбе не на жизнь, а на смерть со своими денщиками – начальники прибегают к самым решительным мерам. Иногда дело доходит до настоящего террора. Так, в 1912 году в Граце происходил процесс, на котором выдающуюся роль играл некий капитан, избивший своего денщика до смерти. Тогда капитан был оправдан, потому что проделал этот эксперимент всего лишь во второй раз. По мнению таких господ, жизнь денщика не имеет никакой цены. Денщик – вещь, часто только чучело для оплеух, раб, прислуга с неограниченным числом обязанностей. Не удивительно, если такое положение принуждает раба быть изворотливым и лстивым. Его муки на нашей планете можно сравнить только со страданием слуг – мальчишек в ресторанах в старое время; у них чувство порядочности развивали подзатыльниками и колотушками.» (ч. 1, гл. 14, в чеш. из. т. 1, стр. 150).

Прямая оценка, непосредственное отношение рассказчика (мы подчёркиваем, что очень близкого автору произведения) напр. к слугам офицеров мы найдём в этом месте: «В настоящее время денщики рассеяны по всей нашей республике и рассказывают о своих геройских подвигах. Они-дештурмовали Сокаль, Дубно, Ниш, Пиаву. Каждый из них – Наполеон. "Вот я и говорю нашему полковнику: пусть, мол, позвонит в штаб, что можно начинать".»

В большинстве случаев денщики были реакционерами, и солдаты их ненавидели. Некоторые из денщиков были доносчиками и с особым удовольствием смотрели, когда солдата вязали.

Они развились в особую касту. Их эгоизм не знал границ.» (ч. 1, гл. 14, в чеш. из. т. 1, стр. 152)

Иногда не нужны какие-либо комментарии, хватит языковой игры для суггестии абсурдной ситуации, срав.: «Смеялся даже умирающий чахоточный, «симулирующий» туберкулез.» (ч. 1, гл. 8, в чеш. из. т. 1, стр. 60).

Возможные комментарии и оценки рассказчика имеют иронический подтекст:

«За десять недель своей деятельности он из II 000 граждан выловил 10999 симулянтов и поймал бы на удочку одиннадцатитысячного, если бы этого счастливец не хватил удар в тот самый момент, когда доктор на него заорал: "Kehrt euch!" / Кругом! (нем.)».

– Уберите этого симулянта, – приказал Баутце, когда удостоверился, что тот умер.» (ч. 1, гл. 7, в чеш. из. т. 1, стр. 56-7)

«Была установлена целая лестница мучений для симулянтов и для людей, подозреваемых в том, что они симулируют, а именно – чахоточных, ревматиков, страдающих грыжей, воспалением почек, тифом, сахарной болезнью, воспалением легких и прочими болезнями.» (ч. 1, гл. 8, в чеш. из. т. 1, стр. 59)

Эта абсурдность имеет холодно рациональный смысл – или солдаты умрут в больнице, или на поле битвы: «Были герои, которые стойко перенесли все пять ступеней пыток и добились того, что их отвезли в простых гробах на военное кладбище. Но попадались и малодушные, которые, лишь только дело доходило до клистира, заявляли, что они здоровы и ни о чем другом не мечтают, как с ближайшим маршевым батальоном отправиться в окопы.» (Там же.)

Рассказчик знает о своих персонажах всё существенное, или по крайней мере он создаёт очень убедительно это впечатление, иллюзию: он смотрит в их душу и передаёт читателю их психические и другие процессы, срав. «В течение всей этой пространной речи поручик сидел в кресле и, уставившись на сапоги Швейка, думал: «Боже мой, ведь я сам часто несу такую же дичь. Разница только в форме, в какой я это преподношу.»» (ч. 1, гл.

14, в чеш. из. т. 1, стр. 156)

Очень важным и драматическим элементом повествования является тоже переведение диалога как «монолога» персонажа, срав. этот пассаж, в котором прямые реплики Швейка заменяет, эвентуально суггерирует сердитая реакция старшего лейтенанта Лукаша на них, срав. « – *Наконец-то! – встретил Швейка поручик Лукаш. – Ну, идите, идите, мне нужно с вами поговорить. Да не вытягивайтесь так по-дурацки во фронт. Садитесь-ка, Швейк, и бросьте ваше "слушаюсь". Молчите и слушайте внимательно. Знаете, где в Кираль-Хиде *Sopronyi utcza?* / Шопроньская улица (венгерск.)/ **Да бросьте вы ваше "осмелюсь доложить, не знаю, господин поручик".** Не знаете, так скажите "не знаю" – и баста! Запишите-ка себе на бумажке: *Sopronyi utcza*, номер шестнадцать. В том доме внизу скобяная торговля. Знаете, что такое скобяная торговля?.. **Черт возьми, не говорите "осмелюсь доложить"!** Скажите "знаю" или "не знаю". Итак, знаете, что такое скобяная торговля? **Знаете – отлично.** Этот магазин принадлежит одному мадьяру по фамилии *Каконь*. Знаете, что такое мадьяр? Так *hirnmelherrgott* / Боже мой (нем.)/ – знаете или не знаете? **Знаете – отлично.** Над магазином находится квартира, и он там живет, слышали? **Не слышали, черт побери, так я вам говорю, что он там живет! Поняли? Поняли – отлично.** А если бы не поняли, я бы вас посадил на гауптвахту.» (ч. 2, гл. 3, в чеш. из. т. 2, стр. 318, предложения избранные из этого текста выделит жирным шрифтом А. Микулашек).*

Рассказчик в многих местах цитирует «чужие» тексты, административные, журналистические, деловые, далее законы, объявления, тексты из военных календарей и кулинарных книг, языковые ритуалы итд., реальные и фиктивные, тоже тексты литературные и песенные, он называет тоже имена и фамилии невыдуманных писателей, он намекает на их творчество, оценивает его. И так цитируются или хоть бы упоминаются чешские, немецкие, австрийские и другие европейские писатели как Виктор Гюго, *Людвиг Гангофер*; гетман Сагнер высказывает о книге Грехи отцов, что её автор «*неплохо пишет.*» (ч. 3, гл. 1, в чеш. из. т. 3, стр. 25), далее Рудолф Грейнци (в связи с авторством текста о военных открытках: «*Под картинкой стишок из книжки Грейнца "Железный кулак"*» (ч. 3, гл. 1, в чеш. из. т. 3, стр. 40), или издательница Календаря женщин и девушек Ружена Есенска и др. Рассказчик помогает сам себе в примерах персонажами из мировой литературы, срав.: «*Патер просыпался во всей своей красе и великолепии. Его пробуждение сопровождалось теми же явлениями, что утреннее пробуждение молодого великана Гаргантюа, описанное старым веселым Рабле.*» (ч. 2, гл. 3, в чеш. из. т. 2, стр. 305)

Часто цитируются тоже тексты песен: «*Мимо идут солдаты и поют песню, которую он читал в сборнике австрийских песен "Es gilt" / "Дело идет о том" (нем.): Halt euch brav, ihr tapf'ren Bruder, werft den Feind nur herzlich nieder? last des Kaisers Fahne weh'n...i / Держитесь стойко, храбрецы, врага разите, удалцы, стяг императорский развеите...* (нем.)/» (ч. 3, гл. 1, в чеш. из. т. 3, стр. 47)

«*Пейзаж напоминает иллюстрации из "Wiener Illustrierte Zeitung" / "Венская иллюстрированная газета" (нем.)/» (Там же.)*

Швейк относительно аккуратно использует при своей «аргументации» явления названного экземпляра (срав. тоже предложения типа: «*Приведу вам еще один пример,*» (ч. 1, гл. 3, в чеш. из. т. 1, стр. 27), то есть название примеров во форме коротких предупредительных или экземплярных историй, в его повествовании имеющих характер какой-то историйки, которой Швейк может быть верит, может быть нет, которая его развлекает и предоставляет ему вид сверху в ситуации, которая является ужасной, отвратительной. Мелкие истории являются не только примером какого-то общего принципа, но одновременно какую-то идею развивают, конкретизируют, в парадоксальном искрении ад абсурдум.

В тексте романа стилизируются, имитируются и после этого пародируются самые разные методы, жанры, *стилевые* разновидности письменной и устной формы, в следствии чего неоднократно получается их контаминация и скрещивание, переплетение явлений

относительно отдалённых, срав.: *«Вы, Балоун, должны постоянно следить за собой, чтобы не потерять веры в себя и в свою судьбу. Вы не имеете права приписывать себе то, что является заслугой других. Всякий раз, когда перед вами возникает проблема, подобная сегодняшней – сожрать или не сожрать, – спросите самого себя: "В каком отношении ко мне находится печеночный паишет?"»* (ч. 3, гл. 1, в чеш. из. т. 3, стр. 33)

Актуализация проявляется вульгаризмом «сожрал» в почти философско-спиритуальном контексте рассуждения, с лексикой книжной и устаревшей (срав. «должны /.../ следить»), с синтаксической конструкцией между семантикой интеллектуального слова «проблема» и атрибутивным предложением, которому доминирует «анимальное сказуемое» «сожрал», и банализацией „большой темы“ самоанализа человека наличием «печеночного паишета».

Рассказчик далее стилизует, точнее говоря очень творческим методом имитирует, иронизирует и пародизирует эти жанрово стилевые уровни:

2.3 Административно деловой и официальный стиль

По некоторым свидетельствам Гашек «деловой чешский язык усвоил» уже в «трагическом торговом колледже». ⁴⁴

Особенно стиль военных постановлений и предписаний производит впечатление административно делового стиля, срав.: *«/.../ а также генералов его величества и своих начальников буду слушаться, уважать и охранять, их распоряжения и приказания всегда точно выполнять; против всякого неприятеля, кто бы он ни был, /.../»* (ч. 3, гл. 2, в чеш. из. т.3, стр. 91) Или: *«Перед глазами ефрейтора запрыгала инструкция из центра о подозрительных лицах и об обязанностях каждого жандармского отделения "изолировать этих лиц от местного населения и строго следить, чтобы отправка их в следующую инстанцию не давала повода к распространению излишних толков и пересудов среди населения".»* (ч. 2, гл. 2, в чеш. из. т. 2, стр. 245)

Даже сам Гашек сумеет стилизовать деловой протокольный стиль, когда он описывает своё «заблуждение» одному лейтенанту – однако с использованием обиходного чешского языка как стилемы совсем ненадлежащей: *«Осмелюсь доложить, господин лейтенант, я ждал поезда на Чешские Будейовицы, чтобы попасть в свой Девяносто первый полк к поручику Лукашу, у которого я состою в денщиках и которого мне пришлось покинуть, так как меня отправили к начальнику станции насчет штрафа, потому что подозревали, что я оч. становил скорый поезд с помощью аварийного тормоза.»* (в переводе не использован обиходный чешский язык, но разговорный. Примечание сделано А. Микулашковой.) Пассаж находится в ч. 2, гл.1, в чеш. из. т. 2, стр. 214.) Сильно разговорный и народный характер (обиходный чешский язык итд.) являются источниками пародизации этого «служебного» языка.

Даже рассказчик в попытке реалистически изобразить действительность приспосабливает свой стиль повествования языку письменному, точнее говоря о административе пишет с использованием административных выражений, срав.: *«Жандармский вахмистр Фландерка опять самодовольно улыбнулся и уложил секретный цикулярр в папку с надписью "Секретные распоряжения".»*

Таких распоряжений было много. Их составляло министерство внутренних дел совместно с министерством обороны, в ведении которого находилась жандармерия.» (ч. 2, гл. 2, в чеш. из. т. 2 стр. 231, предложение избранное из этого текста выделил жирным шрифтом А. Микулашек)

Или в другом месте: *«Тут перед вахмистром встала во весь рост новая сложная проблема, требующая немедленного разрешения.»*

Что, если арестованный, воспользовавшись его ночным отсутствием, сбежит?» (ч. 2, гл. 2, в чеш. из. т. 2, стр. 237) Чопорность и неестественность, книжность и манерность

этих предложений имеет свои корни в стиле «делопроизводства».

Административный характер имеет естественно уже самая эnumерация названий всех циркуляров и анкет:

«В папке были:

- приказ о наблюдении за настроениями местных жителей;
- наставление о том, как из разговора с местными жителями
- установить, какое влияние на образ мыслей оказывают вести с театра военных действий;
- анкета: как относится местное население к военным займам и сборам пожертвований;
- анкета о настроении среди призванных и имеющих быть призванными;
- анкета о настроениях среди членов местного самоуправления и интеллигенции;
- распоряжение: безотлагательно установить, к каким политическим партиям примыкает местное население; насколько сильны отдельные политические партии;
- приказ о наблюдении за деятельностью лидеров местных политических партий и определение степени лояльности некоторых политических партий, к которым примыкает местное население;
- анкета: какие газеты, журналы и брошюры получают в районе данного жандармского отделения;
- инструкция: как установить, с кем поддерживают связь лица, подозреваемые в нелояльности, и в чем их нелояльность проявляется;
- инструкция: как вербовать из местного населения платных доносчиков и осведомителей;
- инструкция для платных осведомителей из местного населения, зачисленных на службу при жандармском отделении.

Каждый день приносил новые инструкции, наставления, анкеты и распоряжения.» (ч. 2, гл. 2, в чеш. из. т. 2, стр. 231)

2.4 Стиль жанров народной и полународной словесности

2.4.1 Стиль «историйки» и анекдота

Комбинацией эллипса, метафоры и воображаемого словообразования возникла напр. эта история с анекдотической функцией: «Иисус Мария! – крикнул взбешенный Водичка. – Я больше не выдержу! На кой черт ты все это рассказываешь, никак не пойму! Вчера с нами на допросе был один точь-в-точь такой же. Аудитор спрашивает, кем он был до военной службы, а он отвечает: "Поддувал у Креста". И это целых полчаса, пока не выяснилось, что он раздувал мехами горн у кузнеца по фамилии Крест. А когда его спросили: "Так что же, вы у него в ученье?" – он понес: "Так точно... одно мученье..."» (ч. 2, гл. 4, в чеш. из. т. 2, стр. 343) В подлиннике история окончена тем, что «такого же» спрашивали, работает ли он подсобным рабочим, и он ответил, что работает ночным сторожем. Суть анекдота состоит в том, что форма „ропоспý“, т.е. подсобный рабочий, на чешском языке близка форме слова „ропоспý“, т.е. ночной сторож. Подобных примеров, хотя не всегда сопровождаются каламбурами, можно найти в калейдоскопическом сцеплении приключений Швейка и в его собственных повествованиях столько, что не надо приводить следующие примеры.

2.4.2 Стиль стишков, считалок с имитацией поэтических и других словесных игр

Наивистический стиль есть важный аспект романа Гашека и проявляется именно

игривой имитацией разных жанров и стилевых форм. Он мелькает в монологах и репликах персонажей, тоже в речи рассказчика. Напр. в следующем отрывке можно найти актуализацию пословицы и актуализированное, очень сурово, правило для крестьян, сколько навоза нужно для удобрения поля: *«Попробуйте надуть славой поросенка – обязательно лопнет. Если поеду на фронт, я на нашей теплушке напишу: Три тонны удобрения для вражеских полей. / Сорок человек или восемь лошадей.»* (ч. 2, гл. 2, в чеш. из. т. 2, стр. 259).

Языковая игра может иметь тоже форму неологического рифмования, каламбура и какого-то «рифмованного эха», срав. *«Не лезь, советчик, к игрокам, не то получишь по зубам.»* (ч. 2, гл. 3, в чеш. из. т. 2, стр. 298)

Иногда мы оказываемся в лексически стилевом мире детских игр, стишков, дразнилок или колыбельных песен, срав. *«Агу – не могу, засмейся – не хочу.»* (ч. 1, гл. 8, в чеш. из. т. 1, стр. 68) Вольноопределяющийся Марек комментирует храпение (и другие звуки, издаваемые во время сна обер-фельдкурата Лацины) детской колыбельной песней: *«Спи, моя детка, спи... / Глазки закрой свои, / Бог с тобой будет спать, / Люлечку ангел качать. / Спи, моя детка, спи...»* (ч. 2, гл. 3, в чеш. из. т. 2, стр. 288)

2.4.3 Поговорки, пословицы, крылатые слова и т.д.

В тексте романа неоднократно цитируются, парафразируются, актуализируются и пародируются мелкие стилевые формации народной словесности и «народные мудрости», языковой «фольклор» во форме устойчивых пословиц, поговорок, предсказаний или крылатых слов и предложений, срав.: *«Гордость предшествует падению. Что слава? Дым. Даже Икар обжег себе крылья. Человек-то хочет быть гигантом, а на самом деле он дерьмо.»* (ч. 2, гл. 2, в чеш. из. т.2, стр. 256) Вульгаризм в конце перечисления этих «ситуационных изречений» производит впечатление удивительного, хотя даже логичного заключения. Даже сам Швейк не обороняется от этих высказываний: *«Как аукнется, так и откликнется, /.../»* (ч. 2, гл. 3, в чеш. из. т. 2, стр. 325) Некоторые крылатые выражения конечно актуализируются: *«В далекие, далекие времена в Европу долетело правдивое изречение о том, что завтрашний день разрушит даже планы нынешнего дня.»* (ч. 1, гл. 5, в чеш. из. т.1, стр. 41) Подобного типа есть тоже нравоучительные высказывания и сентенции: *«Кто жалеет розги, тот ненавидит сына своего, а кто его любит, то вовремя наказует его. Я тебе покажу, как драться у меня в шинке!»* (ч. 1, гл. 13, в чеш. из. т. 1, стр. 137)

2.5 Стиль литературы вероучительной

Рассказчик и действующие персонажи произносят самые разные вероучительные догмы, сопровождаемые религиозными или духовными ритуалами, они цитируют из библейского или другого религиозного текста, мы слышим молитвы реальные, но в десакральном контексте. Атеистически ориентированный писатель тоже этот стиль пародирует его помещением в «неоднородный» контекст, срав.: *«/.../наполни сердце наше любовью ко всем унтер-офицерам, чтобы не глядели мы на них с отвращением! **Благослови собор наш в этой арестантской яме на колесах! /.../»*** (ч. 2, гл. 3, в чеш. из. т. 2, стр. 295; словосочетания избранные из этого текста выделены жирным шрифтом А. Микулашек).

Знаком этих изречений, прокламаций и ритуализированных словесных жестов есть патетичность и возвышенность, срав. напр. *«/.../обратите взоры ваши к небесам/.../»* (ч. 1, гл. 9, в чеш. из. т. 1, стр. 80), *«Бог меня покарал, /.../»* (ч. 2, гл.3, в чеш. из. т. 2, стр. 308), *«Бог бесконечно милостив и справедлив/.../»* (там же). Большинство из них, как вытекает из приводимых примеров, имеет вероучительный и нравоучительный характер, они должны стать каким-то компасом, утешением итд. *«Что бог ни делает, все к лучшему,»* (там же). Они становятся тоже обыкновенной ситуационной речью: *«Но человек предполагает, а бог располагает.»* (ч. 2, гл. 3, в чеш. из. т. 2, стр. 324; в речи «сапера» Водички). Пародизации

подвергается этот стиль тоже в то время, произносятся ли вероучительные и др. предложения горьким пьяницей, азартным игроком и распутником, фельдкуратором Кацом. Важный есть тоже словесный контекст, в который они вставлены, конфронтацией языковой: *«Милосердие божье бесконечно, но только для порядочных людей, а не для всякого отребья, не соблюдающего ни его законов, ни воинского устава.»* (ч. 1, гл. 9, в чеш. из. т. 1, стр. 81) Некоторые изречения, понятия и ритуалы (точнее говоря их словесное выражение) объясняются комически из языка самого, буквального значения слов: *«Тем временем фельдкуратор повторял по катехизису то, чего не запомнил в семинарии.»*

Ему очень понравились некоторые чрезвычайно остроумные выражения, над которыми он от всей души хохотал.

"Соборование называется иначе последним помазанием. Наименование "последнее помазание" происходит оттого, что обыкновенно является последним из всех помазаний, совершаемых церковью над человеком".» ч. 1, гл. 13, в чеш. из. т. 1, стр. 133)

Комическое, гротескное и абсурдное есть тоже вещественное содержание правила: *«Болящий принимает соборование, по возможности будучи еще в полном сознании и твердой памяти.»* (там же) Или: *«Соборование может принять каждый опасно заболевший христианин-католик, достигший сознательного возраста.»* (там же)

Определённым способом выступает этот определившийся стиль тоже во форме цитаций церковных отцов и святых или молитв, срав.: *«Вот видите, Швейк, что постигает тех, кто не чтит священника, улыбнулся фельдкуратор. Святой Иоанн Златоуст сказал: "Кто чтит пастыря своего, тот чтит Христа во пастыре своем. Кто обижает пастыря, тот обижает господа, его же представителем пастырь есть..." К завтрашнему дню нам нужно хорошенько подготовиться. Сделайте яичницу с ветчиной, сварите пуши-бордо, а потом мы посвятим себя размышлениям, ибо, как сказано в вечерней молитве, "милостью божьей предотвращены все козни врагов против дома сего".»* (ч. 1, гл. 13, в чеш. из. т. 1, стр. 137; предложения избранные из этого текста выделит жирным шрифтом А. Микулашек)

2.6 Стиль литературы деловой, практической

В тексте можно найти – опять во форме цитаций, псевдоцитаций или парафраз – конструкции близкие так наз. деловой, точнее говоря практической литературе. Таким является напр. рецепт к подготовке блюда, будто взятый из какой-то поваренной книги, срав.: *«Человек интеллигентный, приготавливая подливку из лука, возьмет сначала всякой зелени понемногу, потушит ее в масле, затем прибавит кореньев, перцу, английского перцу, немного мускату, имбирю.»* (ч. 2, гл. 3, в чеш. из. т. 2, стр. 308)

В другом месте цитируется какое-то правило приличия, срав.: *«Так разлучились бравый солдат Швейк и старый сапер Водичка. Друзья в минуту расставанья С надеждой шепчут: "До свиданья".»* (ч. 2, гл. 4, в чеш. из. т. 2, стр. 353; предложением есть окончена четвёртая глава второго тома как «заклучение»). То же самое касается напр. бедкерев, медицинских рецептов итд., при этом некоторые из них похожи на административный или специальный стиль, как это цитируемое математическое правило: *«Да не смотри, как балбес, ключарь Мариинских казарм! Запер бы двадцать, а десять бы выпустил, суслик ты этакий! Если бы я был военным министром, я бы тебе показал, что значит военная служба! Известно ли тебе, что угол падения равен углу отражения? Об одном тебя только прошу: дай мне точку опоры, и я подниму весь земной шар вместе с тобою! Фанфарон ты этакий!»* (ч. 2, гл. 2, в чеш. из. т. 2, стр. 260) Однако они всегда «контаминированы» с элементами как-то инородными, в этом случае актуализацией изречения приписываемого Архимеду и экспрессивными „суслик“ а „зазнайка“.

2.7 Стиль „литературы высокой“

Использование стилем „литературы высокой“, точнее говоря ощущаемой как высокая, «артифициальная», сопровождается интертекстуальностью и богатыми аллюзиями. *«Швейк держал руку у козырька, и это очень шло к его бесконечно довольной, беспечной физиономии. Он выглядел, как греческий бог воровства, облаченный в скромную форму австрийского пехотинца. Поручик Лукаш на мгновение зажмурил глаза под ласковым взглядом бравого солдата Швейка. Наверно, с таким обожанием и нежностью глядел блудный, потерянный и вновь обретенный сын на своего отца, когда тот в его честь жарил на вертеле барана.»* (ч. 2, гл. 5, в чеш. из. т. 2, стр. 359; словосочетания избранные из этого текста выделены жирным шрифтом А. Микулашек). Всё кажется отзывом античного мифа, намекает на гомеровские эпосы или на какую-то гуманистическую историю о «блудном сыне».

Подобного характера есть тоже эта имитация гуманистической литературы или прямо „красноязычного“ чешского языка, которая переходит в «карточные сленгизмы»: *«Или коя жена имуци десять драхм, аще погубит драхму едину, не возжигает ли светильника, и пометет храмину, и ищет прилежно, дондеже обрящет; и обретши созывает другини и соседы глаголюще: радуйтеся со мною, ибо взяла я восьмерку и прикупила козырного короля и туза... Давайте сюда карты, вы все сели.»* (ч. 3, гл. 3, в чеш. из. т. 3, стр. 153)

3. Полифония лексических слоёв чешского языка романа Гашека, его «полилексикальность»

В романе Гашека можно найти возле убедительной «полиязыковости» и «полистилевости» тоже «полилексикальность», использование самых разных слоёв чешского (и принявшего чешский характер) словарного запаса. Подобно тому как в предыдущих двух главах востребовало бы тоже это исследование более систематическую учёбу, но в нашей статье мы сосредоточимся только на этой «многости» и некоторых её эстетических эффектах.

3.1 Слои слов и форм обиходного чешского языка

Слова обиходного чешского языка используются так часто, что не надо цитировать какие-то примеры. Применяются многие явления типичные для этого «интердиалекта» своего рода, то есть признаки грамматическо-морфологические как окончание «ей» вместо литературного «ы» (срав. *«Из иного револьвера./.../»*, ч. 1, гл. 1, в чеш. из. т. 1, стр. 8 – *„Někerej revolver/.../“*), насловное протетическое „в“ перед вокалом „о“, срав. *«Тут, брат, никто не знает, что с тобой случится.»* (ч. 2, гл. 3, в чеш. из. т. 2, стр. 311 – *„Vo tom člověk ani neví, jak se ti to stane.“*), унифицированное окончание седьмого падежа имён (субстантивы, адъективы, местоимения и числительные), то есть „ама“, так же лексическое, срав. *«как объедаются господа офицеры»* (ч. 3, гл. 1, в чеш. из. т. 3, стр. 26 – *„jak páni oficíři si dávají do mouly /.../“*), вчитая гаплогии или универбизации, тоже синтаксические явления (порядок слов, инверсии, эллипсы) и стилистические (знаки устного стиля). На другой стороне однако нельзя найти «бормотание», стягивание звуков, «проглатывание» звуков – тоже признаков для живого разговора. Рассказчик и персонажи в общем соблюдают правила слоговой длины, пока не стилизован ломаный и комический чешский язык «немецкий» или «польский». То есть напр. *„poslušně hlásím“* вместо *„poslušně hlasím“*.

3.2 Слои слов и форм диалектных

Как заметил уже Ф. Данеш, определённой особенностью автора, *«которую большинство читателей вероятно не заметит,»* является *„характеристика лица и среды с*

помощью диалекта. При своём путешествии из Табора в Будейовице встретит Швейк старую бабушку. Её речь характеризуется некоторыми элементами языка южной Чехии: *patířino, lesejček, Šížovej (3. pád), tá (chalupa), Tonicěk Mašků*. (Фамилия Гашека происходила из области города Писек.)⁴⁵ Подобно тому выражение „*Roctívej člověk*“ («Честный человек») (срав. в речи Швейка. в ч. 1, гл. 14, в чеш. из. т. 1, стр. 156) Другие отклонения от нормы могут иметь тоже другую мотивацию, эвентуально могут быть те для нас неясными, срав. напр. «он все время перегибался через перила кафедры» (ч. 1, гл. 9, в чеш. из. т.1, стр. 80) или «так ловко перевел слово "миляга" на немецкий язык» (ч. 1, гл. 9, в чеш. из. т.1, стр. 80).

Вероятно диалектного происхождения будет слово «всегда» („*pořáde*“), срав. «Осмелюсь доложить, господин обер-лейтенант, я всегда голоден.» (ч. 2, гл. 5, в чеш. из. т. 2, стр. 355) Речь идёт о реплике солдата Балоуна в разговоре с обер-лейтенантом Лукашом, в котором диалектные элементы применяются, срав. «Я тут готов хоть гвозди глотать!» или если: „Если мяса не будет, то хотя бы гарнир давали: картошку, кнедлики, немножко соуса/.../» (там же). Тому же вечно голодному Балоуну приснился сон, в котором «для ливерных колбас не хватает лучинок.» (ч. 2, гл. 5, в чеш. из. т. 2, стр. 379). Выражения как „*polýkal* – глотал“, „*knedlíci* – кнедлики“ и „*špejřlů* – лучинок“ есть ограничены регионально.

3.3 Слой сленгизмов

Подобно тому как в тексте представлен разговорный чешский язык, можно в нём найти тоже целый ряд сленгизмов. Речь идёт прежде всего о **военном сленге**, неоднократно о признаковых словах немецкого (австрийского) происхождения⁴⁶, примеры которых мы приводили в первой главе. Из точки зрения читателя граница между военным термином немецкого происхождения и сленгизмом того же происхождения смывается, в редких случаях нужно значение выражений определять только приблизительно, кстати можно приобрести информацию в энциклопедиях.⁴⁷ Значит полноценное чтение романа предполагает определённые языковые знания не только современного чешского языка, но и немецкого, ибо из него военный сленг исходит. Возле военного сленга появляются – хотя редко – выражения футбольных болельщиков, значит **сленг футбольный**, срав. «такого удара (в подлиннике есть слово «шут», А. Микулашкова) не постыдился бы наилучший игрок международной футбольной команды мастеров спорта. (ч. 1, гл. 13, в чеш. из. т. 1, стр. 136). Можно заметить тоже **сленг карточных игроков**, срав. «на понте продуть» (ч. 1, гл. 14, в чеш. из. т. 1, стр. 146), далее «Не перекинуться ли нам в "двадцать одно" по пяти крейцеров?» (ч. 1, гл. 14, в чеш. из. т. 1, стр. 147), или «Ну-ка, маленькая, плохонькая, сюда.» «пошел ва-банк»,» *передергивает*», «вам пришел капут» (всё там же, стр. 147).

3.4 Слой слов специальных

Термины использованные в тексте есть опорой псевдо специального стиля, это какие-то стилемы, что есть и признаки применения в тексте большего количества стилей. Очень часто речь идёт о выражениях, использованных с иронической или пародической функцией, которая заметна из контекста текста, напр. это то фальшивого утешения: «Что, собственно, представляете вы собою по сравнению со вселенной, если принять во внимание, что самая близкая неподвижная звезда находится от этого воинского поезда на расстоянии в двести семьдесят пять тысяч раз больше, чем солнце, и ее параллакс равен одной дуговой секунде.» (ч. 2, гл. 3, в чеш. из. т. 2, стр. 302)

Рассказчик не только даёт понять, что он с реальностью, о которой рассказывает, отлично ознакомился и этот факт подчёркивает рядом «реалий», «псевдореалий», но тоже комментариями. В одном из них стилизует философский язык, срав. во время периоды,

«как поручик Лукаш стал командиром одиннадцатой маршевой роты, он находился в состоянии, называемом **синкретизмом**, – по имени той философской системы, которая старалась примирить противоречия понятий путем компромисса, доходящего до смешения противоположных взглядов.» (ч. 2, гл. 5, в чеш. из. т. 2, стр. 385; предложения избранные из этого текста выделит жирным шрифтом А. Микулашек)

Подобную иллюзию создаёт (или впечатляет) речь «оккультиста» и повара Юрайды, здесь однако использует противоречие между «низкой темой» и «высоким стилем», что производит комическое впечатление: «*/.../существует **небытие всех явлений, форм и вещей**, – мрачно произнес после всего содеянного повар-оккультист. – **Форма есть небытие, а небытие есть форма. Небытие неотделимо от формы, форма неотделима от небытия. То, что является небытием, является и формой, то, что есть форма, есть небытие.***»

Повар-оккультист погрузился в молчание, подпер рукой голову и стал созерцать мокрый, облитый вином стол.

Штабной писарь продолжал мычать что-то, не имевшее ни начала, ни конца: – Хлеб исчез с полей, исчез – in dieser Stimmung erhielt er Einladung und ging zu ihr / В таком настроении он получил приглашение и пошел к ней (нем.), праздник троицы бывает весной.» (ч. 2, гл. 5, в чеш. из. т. 2, стр. 373; предложения избранные из этого текста выделит жирным шрифтом А. Микулашек).⁴⁸

3.5 Слой слов экспрессивно вульгарных

Официальная литературная критика того времени оценивала этот слой как доказательство вульгарности и низкой художественной ценности целого романа. Из числа всех критикующих можно вспомнить оценку Арна Новака, касающуюся правда прямо и непосредственно собрания рассказов, которое предшествовало изданию романа, то есть Бравого солдата Швейка и других странных происшествий (1912), но косвенно относящуюся тоже к четырёхтомной форме романа: «*Нечистая его проницательность растёт в чудовищный апофеоз трусливости и одновременно в карикатуру хвастуновского ц. и к. военного ремесла. Всё, до чего Швейк дотронется своим грязным, но острым взглядом и своим вульгарным, но наглядно суровым словом, воняет и вызывает отвращение.*»⁴⁹ Этого происхождения есть тоже выражения, примеры которых мы цитируем только случайно, а именно «*Большая свинья, а глуп, как пуп.*» (слова Кунерта о лейтенанте Дубе, ч. 3, гл. 3, в чеш. из. т. 3, стр. 130), там же: «*/.../а денщик полковника Шредера, когда говорит о своем господине, честит его "вонючим чудовищем" и "вонючей вонючкой".*» (там же, выражения принадлежат Швейку), ряд актуализированных вульгаризмов как «*Эх ты, очаровательная корова!*» (там же). Эти слова тоже представлены в многочисленных германизмах, срав. «*Sie verfluchter Hund, Sie schabiges Wesen, Sie unglückliches Mistvieh! / Вы проклятая собака, вы паршивая тварь, вы скотина несчастная! (нем.) / Социалистическая тварь!*» (ч. 1, гл. 8, в чеш. из. т. 1, стр. 62). Или «*И развел он этих самых собачьих воспитанников полну задницу.*» (ч. 2, гл. 2, в чеш. из. т. 2, стр. 223). Или: «*Видать, наши в Сербии опять обделались/.../*» (том 1, стр. 233). Или: «*наевшись до отвала, с шумом пускал ветры Балоун*» (ч. 3, гл. 3, в чеш. из. т. 3, стр. 155; все выражения избранные из этого текста выделит жирным шрифтом А. Микулашек)

3.6 Слой гиперкорректного чешского языка

Довольно небольшим количеством слов, точнее говоря форм, представлена так называемая гиперкорректность,⁵⁰ то есть какое-то преувеличенное стремление к языковой корректности, к тому, что пользователь языка предпочитает слова и формы только мнимо литературные. Этого рода есть в устном (и письменном) чешском языке формы кондиционала „*kdyby jste*“ (произносимые фонетически с вокалом «й» вместо корректного „*kdybyste*“, также

„*abyste*“) и воспринимаемые выразителем или автором как литературные, корректные (или «более правильные») и как признак «высшего стиля». Подобно тому предложение „*jak jsi se tak spustil*“ (ч. 3, гл. 2, в чеш. из. т. 3, стр. 92) вместо литературного „*jak ses tak spustil*“. Речь идёт о словах старшего лейтенанта Лукаша в контексте брани как «*мародер, гадина*» и «*идиот, разбойник,*» и имеет контрастную функцию.

3.7 Слой малапропизмов

Седьмая глава первого тома окончена словами «*Какой-то солидный господин объяснил окружавшей его толпе, что ведут дезертира.*» (На чешском языке используется слово „*dezentér*“) (ч. 1, гл. 7, в чеш. из. т. 1, стр. 58). Слова как „*dezentér*“ (вместо „*dezertér*“), „*vachmistr*“ вместо „*Wachmeister*“ или „*vachmajstr*“, тоже ошибочно созданная форма имени прилагательного происходящего от субстантива „*divize*“, срав. «*Что тут особенного, – подумаешь, какой-то там дивизионный*» (На чешском языке используется слово „*divizijní*“. Примечание А. Микулашковой.) *суд!*» (ч. 2, гл. 4, в чеш. из. т. 2, стр. 347), это проявления плохого знания «чужих» слов и использование их плохо подслушанной или как-то сконтаминированной формы. Они имеют характеризующую функцию, открывают «народный характер» и простоту персонажей и их мнимую ознакомленность с «высшим» миром.

3.8 Слой слов конвенционно поэтических

Конвенционные поэтизмы остро контрастируют с реальностью войны, они есть внешние, искусственные, неестественные или производят такое впечатление. Так персонажи услышат в войне, то есть громадном убивании, выражения типа «*вы следите за высокими горами и благоухающими лесами*» (ч. 2, гл. 3, в чеш. из. т. 2, стр. 297) или что «*весною, когда по этим пустым местам расстелется ковер пестрых полевых цветов...*» (Там же). С вульгаризмами военного языка гротескно «*не ладится*» «*пыльца невинности*» (ч. 3, гл. 4, в чеш. из. т.3, стр. 165), даже со ссылкой на «*Венцеславу Лужицкую*». Конвенционные ситуации и слова воспринимаемые в 19-ом веке как красивые и декоративные, «прелестные», имеют форму «*Умирающий еще раз склонился к правой руке фельдмаршала, облобызал ее и упал; последний тихий вздох вырвался из его благородной груди.*» (ч. 3, гл. 1, в чеш. из. т. 3, стр. 7)

Некоторые поэтические примеры и метафоры кажутся брутально ироническими, напр. в речи «*толстого вольноопределяющегося*» Марека, когда тот скажет: «*На профосе лучше всего видно, как ожесточает людей военная служба,/.../. Несомненно, до поступления на военную службу наш профос был молодым человеком с идеалами. Этаким светловолосый херувим, нежный и чувствительный ко всем, защитник несчастных,/... /» (ч. 2, гл. 2, в чеш. из. т. 2, стр. 260).*

Пародией конвенционного женского чтения и сентиментальных любовных «стори» потом кажется предложение, которое произносит Швейк при взгляде на старшего лейтенанта: «*Опять мы вместе, душенька. Теперь нас ничто не разлучит, голубчик ты мой.*» (ч. 2, гл. 5, в чеш. из. т. 2, стр. 360)

3.9 Слой слов и грамматических форм воспринимаемых как книжные

С поэтизмами и конвенционно эстетическими выражениями тесно связаны книжность и богато представленная неестественность языка персонажей, к которой сами себя неоднократно принуждают, часто из стилево социальных поводов – и подобно тому как конвенционные поэтизмы есть эти тоже неестественные. Напр. Йозеф Швейк обращается к старшему лейтенанту Лукашу со словами: «*Не хотел вас беспокоить, господин обер-лейтенант, не*

смел об этом и помыслить.» (В подлиннике используется автором в предложении „*byl jsem toho dalek*“ именное прилагательное, форма созданная от сложного прилагательного „*daleký*“; ч. 2, гл. 5, в чеш. из. т. 2, стр. 384). Этого рода есть следующие подчёркнутые пассажи как «*Те же благородные черты поэта, человека, чуткого сердцем и душой, отзывчивого ко всему возвышенному.*» (ч. 2, гл. 3, в чеш. из. т. 2, стр. 297) или: «*своей необоснованной ревностью вынуждает меня вступать в недозволенную связь и, побуждаемая необоснованным подозрением, оскорбляет меня как супруга **упреками и отвратительным недоверием.***» (ч. 3, гл. 1, в чеш. из. т. 3, стр. 17). Конвенционное есть тоже выражение «*грохот войны...*» (ч. 3, гл. 1, в чеш. из. т. 3, стр. 29). Все выражения избранные из этого текста выделит жирным шрифтом Ае Микулашек.

Как книжные на чешском языке воспринимаем в наше время тоже деепричастия прошлого времени типа «*покинув*», формы страдательного залога прошлого времени типа «*был постигнут*», так называемое обращение на они вместо выканья и обращение на он вместо тыканья, далее признаковый словарный запас, напр. «*дитяти*» вместо нейтрального „*děti*“, срав. «*осталась после него вдова с двумя детьми*» (В подлиннике автор использует устаревшее слово, как напр. «*дитятями*»; ч. 1, гл. 1, в чеш. из. т. 1, стр. 13), или эту комбинацию деепричастий, инфинитивов на «*ти*» и намёков на сакральные тексты, это всё в речи рассказчика: «*Итак, **поднимаясь по лестнице в третьем отделении, Швейк безропотно нес свой крест на Голгофу и не замечал своего мученичества. Прочитав надпись: "Плевать в коридоре воспрещается", Швейк попросил у сторожа разрешения плюнуть в плевательницу и, сияя своей простотой, вступил в канцелярию со словами: /.../***» (ч. 1, гл. 2, в чеш. из. т. 1, стр. 20). Все выражения избранные из этого текста выделит жирным шрифтом А. Микулашек.

Как книжные можно воспринимать тоже краткие формы имён прилагательных в пассажах, где являются естественными формы полные, срав. «*но зато на лестницах чисто и оживленно.*» (ч. 1, гл. 2, в чеш. из. т. 1, стр. 22) Со слоём книжных слов связаны тоже архаизмы и историзмы, срав. оценку рассказчика относительно персонажей судей, которые проявляются как «*жрецы мертвой буквы закона*» (ч. 1, гл. 3, в чеш. из. т. 1, стр. 24). Также фельдкуют Кац «*прослезился и завopil*» (ч. 1, гл. 14, в чеш. из. т. 1, стр. 149) и «*над всеми жандармскими отделениями Писецкой округи нависли тяжёлые тучи*» (ч. 2, гл. 2, в чеш. из. т. 2, стр. 248).

Целый пароль, целое высказывание стилизующее этот книжный, даже напыщенно риторический чешский язык, имеет ироническую, даже саркастическую функцию: «*Даже не приподнявшись с соломенного тюфяка, вольноопределяющийся приветствовал профоса следующими словами:*

– *Как это возвышенно, как великодушно с твоей стороны посещать заточенных, о святая Агнесса Девяносто первого полка! Добро пожаловать, ангел добродетели, чье сердце исполнено сострадания! Ты отягощен корзинами яств и напитков, которые должны утешить нас в нашем несчастье. Никогда не забудем мы твоего великодушия. Ты – луч солнца, упавший к нам в темницу!»* (ч. 2, гл. 2, в чеш. из. т. 2, стр. 259).

3.10 Слой функциональных неологизмов

Таким способом описывает свой опыт из редакционной работы в журнале Мир животных вольноопределяющийся Марек, здесь персонаж невероятно близкий самому автору романа, также редактору одноимённого журнала: «*Я исходил из того принципа, что, например, слон, тигр, лев, обезьяна, крот, лошадь, свинья и так далее – давным-давно известны каждому читателю "Мира животных" и теперь его необходимо расшевелить чем-нибудь новым, какими-нибудь открытиями. В виде пробы я пустил "сернистого кита". Этот новый вид кита был величиной с треску и снабжен пузырьем, наполненным муравьиной кислотой, и особенного устройства клоакой; из нее **сернистый кит** со взрывом выпускал*

особую кислоту, которая одурманиваяюще действовала на мелкую рыбешку, пожираемую этим китом.» (ч. 2, гл. 3, в чеш. из. т. 2, стр. 290) «Словообразование», точнее говоря образование новых названий далее продолжает: «Вслед за сернистым китом я открыл целый ряд других диковинных зверей. Назову хотя бы **"благуна продувного"** – млекопитающее из семейства кенгуру, **"быка съедобного"** – прототип нашей коровы и **"инфузорию сепиевую"**, которую я причислил к семейству грызунов.» (Там же, подчеркнул А. Микулашек) Речь идёт о названиях несуществующих животных с использованием принципов чешского словообразования (префиксального и суффиксального типа), при этом слова типа „nálevník“ («инфузория») существуют в чешском языке; оригинальное есть убедительное образование новых, именно двусловных названий фиктивных животных.

Тоже другие лексические единицы звучат как слова новые и составленные искусственно, всегда с комическим эффектом. Не все эти слова можно считать неологизмами Гашека. Напр. выражение *«прожорливая тварь»*⁵¹ которое использует повар Юрайда в разговоре о слуге Балоуне (ч. 2, гл. 3, в чеш. из. т. 2, стр. 290). Антонин Мещан нашёл выражение используемое автором -,*hodule*“ – в Научном словаре Отто, Милан Годик потом информации об этом областном выражении, которое обозначает „в Моравии скотину, т.е. тёлку, барана, которых купит совместно несколько соседей для престольного праздника“ пополнил данными из Научного словаря Ригера из 1867 г., по которому император Йосиф II „пытаясь положить конец частому и дорогому празднованию самых разных престольных праздников, прежде всего на деревне, приказал с 1787 г. престольный праздник только один и общий, в октябре“⁵² при этом достиг противоположного результата, потому что праздновались два храмовых праздника – один годовой, второй потом императорский. Название „*hodule žravá*“ является само собой разумеется неологизмом. Такое же впечатление производит также глагол „*pekelit se*“ (что-то в роде «наслаждаться чем-то, срав. „*tak by ses s nimi pekeli na schodech*“, о Балоуне и ливерных колбасах, там же), которое делает вид неологического поэтизма (Франтишек Галас в своей поэзии приводит слово „*pekelcování*“), но слово может иметь тоже диалектную или областную мотивацию. Однако можно с ним встретиться даже в наше время в интернет-дискуссиях. (Примечание А. Микулашковой.)

С неологизацией, точнее говоря с образованием новых названий связана тоже словесная фигура названная фальшивая этимология, своего рода „Wortspiel“, срав. «объяснение» Швейка относительно значения слова „*všivák*“ («подлец») в ситуации, когда подсудимый учитель должен защититься у аудитора: «Вы только им обязательно разъясните, что *вшивец* – это *вошь-самец* и что на *самку-вошь* может лезть только *самец-вшивец*. Иначе вам не выпутаться. Написали вы это, конечно, не для того, чтобы кого-нибудь обидеть, – это ясно. Господину аудитору скажите, что вы писали для собственного развлечения, и так же как *свинья-самец* называется *боров*, так *самца вши* называют *вшивцем*.» (ч. 2, гл. 4, в чеш. из. т. 2, стр. 341). Текст продолжает следующим нео-словообразованием: «Учитель тяжело вздохнул. – Что ж делать, если этот самый господин аудитор не знает как следует чешского языка. Я ему приблизительно так и объяснял, но он на меня набросился. "Замец *фжи* по-чешски зовет *фожак*, завсем не *фшивец*", – заявил господин аудитор. – *Femininum, Sie gebildeter Kerl, ist "он фож". Also Maskulinum ist "она фожак". Wir kennen uns're Pappenheimer / Женский род – эх вы, а еще образованный человек – есть "он фож". А мужской род есть "она фожак". Мы знаем своих паппенгеймцев! (нем.)/.*» (Там же.)

Жанровой подпочвой здесь опять становится происшествие или анекдот, каламбур, которым напр. пользуется неологизм „*nějank*“ (ч. 3, гл. 3, в чеш. из. т. 3, стр. 111) использованный как фальшивая рифма к слову „*bumerang*“ вместо литературного наречия „*nějak*“, срав. «Был тогда у нас полковник то ли Флидлер фон Бумеранг, то ли другой какой *"ранг"*.» (ч. 3, гл. 3, в чеш. из. т. 3, стр. 111)

3.11 Слой арготизмов

Арго и арготизмы подобно тому как напр. лексические поэтизмы или слова церемониально книжные пополняют «лексический концерт» текста, но они ему ни в коем случае не доминируют и не играют такую важную роль как напр. сленгизмы.

Арго мелькнёт скорее исключительно и имеет силу в определённой ситуации. Так напр. проститутка, которую нанял «Местек» как «сирену», возле спектакля ещё «будто случайно говорила каждому встречному мужчине: „Красавчик, пойдем со мной побалуемся.“ („zafilipkovat si“ на чешском языке) *Ввиду того что у нее не было желтого билета, ее вместе с другими "мышками" арестовал во время облавы пан Драшнер, и Местеку пришлось прикрыть свою лавочку.*» (ч. 2, гл. 3, в чеш. из. т. 2, стр. 294; все выражения избранные из этого текста выделил жирным шрифтом А. Микулашек)

Как арготическое можно ещё оценивать выражение «*жсвали подобранные по дороге окурки/.../*» (ч. 1, гл. 9, в чеш. из. т. 1, стр. 79). Даже выражения проституток, воров, уголовников итд. типа «*спорили о какой-то Марженке, которую вчера во время облавы "сцанал" патруль*» (ч. 1, гл. 10, в чеш. из. т. 1, стр. 96) можно оценивать также как арготические. Однако в общем надо отметить, что арготизмов находится в романе довольно мало, безусловно намного менее чем сленгизмов и слов экспрессивных или вульгарных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение нашей статьи можно провозгласить, что явления обозначаемые как «*полиязычность*», «*полистилистика* и «*полилексикальность*» являются исключительно важными конструктивными принципами построения нарратива романа, и это касается «речи» рассказчика, тоже «речи» персонажей. Речь идёт не только о самом факте того «мультиглолизма» и языкового «бабилонизма», хотя это всё происходит на почве чешского языка. Все отмеченные «языки», «стили» и «лексики» взаимно конфронтируются, переплетаются, возникает пародическое искрение в их шве, в местах «контакта», местами происходит транзитное перемещение из одного в другой, к «препинанию» кодов. Но ни с каким из этих «кодов» автор тщательно не отождествился, никакую роль, которая ему «судьбой» присуждена, он не играет так, будто была в его распоряжении, но имитацией симулирует действие подобно тому как имитацией симулирует язык и вжитие в роль и в язык, которое от него ожидается, и при этом между ними ловко «проплывает».

**Текст статьи перевела Алена Микулашкова*

***The study is partially an outcome of the project „001UKF-2/2016 Internationalization of the Educational Process and the Academic Environment at CPU in Nitra“*

Примечания

¹ Мы считаем функциональным дифференцировать «естественный мир», с которым ознакомлен рассказчик Швейка Ярослава Гашека, и «мир для нас», с которым нас рассказчик знакомит. Все предложения «для рассказчика» произносимые по-немецки, по-венгерски, по-русски и т.д. являются рассказчиком «для нас» медиализированы и переданы его языком, точкой зрения, опытом, замыслом и т. д. Он одновременно решает форму прямой речи в диалогах и монологах, то, что умолчит и что наоборот развернёт и с помощью какого языкового медиума. Само собой разумеется, что рассказчик нас знакомит далеко не со всем, что он «знает». Фиктивный мир Швейка Я. Гашека, хотя у него есть многочисленные реальные контуры и хотя он составлен из элементов фактических и даже «позитивно» доказуемых, воспринимается всегда как литературная фикция, как что-то «фактографически ненадёжное» и обманчивое, хотя одновременно репрезентативное (антивоенное, антимилитаристское, даже репрезентирующее чешский национальный характер и т.д.)

² Неоднократно они требуют к полному понятию даже кое-что как перевод и объяснения в комментаторском аппарате, прежде всего в современных библиотеках, с уважением к тому, что современный уровень знания латинского или немецкого языка очень «низкий».

³ Социолог Леош Шатава в монографии *Язык и идентичность этнических меньшинств* (ŠATAVA, Leoš: *Jazyk a identita etnických menšin: Možnosti zachování a revitalizace*. 2. vyd. Praha : SLON, 2009, 215 str. ISBN 978-80-86429-83-0.) дифференцирует билингвизм «в смысле индивидуального знания двух языков» и «диглоссию», т.е. «использование разных языков/языковых вариантов в зависимости на общественном контексте» (стр. 69). Выгоды двуязычности (или многоязычности) для него представляют более широкие возможности коммуникации, обучения в двух языках, более широкую энкультурацию, более глубокий мультикультурализм и «два опытных языковых мира», большую толерантность и «менее расизма», тоже выгоды в области мышления (т.е. креативность и чувство для коммуникации), даже большее самоуважение и уверенность в сфере идентичности, тоже рост достигнутого образования, более лёгкое учение третьему языку, не в последнюю очередь тоже пользу на экономическом поле и при поиске работы (стр. 71).

⁴ Явления здесь обозначаемые как «полистилистика» и «полилексикальность» взаимно тесно связаны, ибо одним из знаков использования разных стилевых уровней народного языка (и стиля как такового) является тоже использование разных уровней лексических, разрозненных социально, географически или по другим признакам. Даже использование «чужих» языков имеет стилевые функции, те потом естественно расширяют лексическую базу текста присущего изображаемой действительности.

⁵ Комплексную библиографию творчества Я. Гашека подаёт МЕДИЛЕК, Борис (эд.): *Библиография Ярослава Гашека: список его творчества и литературы о нём*. Прага: Памятник национальной письменности, 1983, 338 стр. Без ISBN. Радко Пытлик в Предисловии к эдции между прочим приводит, что «присутствующая библиография создаёт своим широким кадром какую-то „память“ гашековского изучения и мышления о Гашеке, которое позволяет обороняться от фальшивых мифов и неточных изложений» (стр. 11). (MĚDÍLEK, Boris (ed.): *Bibliografie Jaroslava Haška: soupis jeho díla a literatury o něm*. Praha: Památník národního písemnictví, 1983, 338 s. Bez ISBN.)

⁶ Интересно, что даже предложения «Для этого требуется покой», обычно Швейку приписываемого, в тексте романа нельзя найти.

⁷ При цитировании мы используем двухтомную онлайн-версию романа, изданную Городской библиотекой в Праге в 2011 г. (Гашек Ярослав: *Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны*. Прага: Городская библиотека в Праге, 2011 г. Есть доступно на: http://www.pdfknihy.maxzone.eu/books/hasek/svejk_1_a_2.pdf http://www.pdfknihy.maxzone.eu/books/hasek/svejk_3_a_4.pdf.) Эту в работе цитируемую форму (МКП) мы ещё сравниваем с печатной версией из 1987 г. (Гашек Ярослав: *Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны*. 34 издание. Том 1, 2. Прага: Чехословацкий писатель, 1987), которая основывается на издании из 1980 г. и которая „переняла почти без изменений текстологические обработки проведённые Ярмилой Вишковой в издании из 1971 г.“ (срав. библиотечное примечание, том 2, стр. 360). Причиной этого сравнения является факт, что – хотя редко – но между обоими текстами имеются мелкие различия, напр. в онлайн-версии МКП мы читаем „der Teufel soli das alles buserieren!“ (том 1, стр. 385), пока в книжной библиотеке Чехословацкого писателя представляется более корректное выражение „der Teufel soll das alles buserieren!“ (том 1, стр. 497) На русском языке: «Чёрт дери этого мужика!». Однако речь идёт несомненно о печатных ошибках (срав. тоже „mír“ в диалоге написанном на немецком языке вместо корректной формы местоимения „mir“, и другие).

⁸ Срав. TÖLGYESI, Tamás: *Германизмы в исходной чешской версии романа Гашека Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны и их эквиваленты в немецком, словенском и венгерском переводе*. In: Kiss Szemán, Róbert; Mészáros, Andor (ed.): *На побеге перед собой самими: Чехи и их литература глазами современной венгерской богемистики* Praha: Akropolis, 2014, s. 146–7. ISBN 978-80-7304-172-4 (TÖLGYESI, Tamás: *Germanismy v původní české verzi Haškova románu Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války a jejich ekvivalenty v německém, slovinském a maďarském překladu*. In: KISS SZEMÁN, Róbert; MÉSZÁROS, Andor (ed.): *Na úprku před sebou samými : Češi a jejich literatura očima současné maďarské bohémistiky*. Из чешского издания перевела А. Микулашкова.)

⁹ Там же стр. 147.

¹⁰ Сложение и сокращение уступают в чешском языке более используемому – словопроизводству, а то суффиксальному и префиксальному, суффиксально-префиксальному. Длинные сложения чувствуются как что-то неуместное, чужое, как признак чего-то отдалённого духу чешского языка (и его пользователям) .

¹¹ Как написал эфемистически А. Мештан: „Zahlreiche Stellen sind in einem nicht immer fehlerfreien Deutsch abgefaß“. («Многочисленные пассажи текста есть написаны на не всегда безошибочном немецком языке.» Из немецкого языка перевела А. Микулашкова.) Либо это замысел автора, либо это причинено тем, что Гашек часть романа диктовал и не успел текст скорректировать. (MĚŠTAN, Antonín: Realien und Pseudorealien in Hašek's Švejk. In: SCHAMSCHULA, Walter (ed.): Jaroslav Hašek 1883-1983: Proceedings of the International Hašek-Symposium Bamberg, June 24 – 27, 1983 (Westslavische Beiträge / West-Slavic Contributions). Volume 1 / Band 1. Frankfurt an Main – Bern – New York – Paris : Petr Lang, 1988, 552 S. ISBN 978-3820481396.)

¹² Иногда является однако затруднением установить, если употреблён порядок слов немецкого, русского или другого языка, срав. напр. „Stál jsem post u magacínu“ (том 1, на русском языке – «Стоял я однажды на часах у цейхгауза.») Подобным образом предложение „/.../jsou to následky včerejšího večera, na kterém bral účast i stavební oddíl.“ (на русском языке – «/.../это последствие вчерашней вечеринки, в которой приняли участие также офицеры-саперы»), что является „калком“ или из немецкого „teilnehmen an etw.“, или из русского (принимать участие, однако в связи с предлогом „в“). Имеем в виду речь гетмана Тейрлего в Санок (том 2, стр. 156).

¹³ Роман был издан в начале двадцатых годов и обращался к публике, сплошь владеющей хотя бы фундаментами немецкого языка. Современному читателю или читателю перевода вне сферы влияния немецкого языка (или австрийского немецкого) могли бы эти предложения причинять проблемы (без объяснений и примечаний).

¹⁴ Отличалась так называемая «речь армейская» и «речь полковая». Языком армейского командования был немецкий язык, «речь полковая» была языком рядового состава «по национальному большинству у полка».

¹⁵ Правильно „Glauben Sie mir /.../“; речь идёт о ошибке электронной эдicii романа.

¹⁶ Как приводит Duchêne „Language /.../ is without doubt the supreme support of the dream of absolute power“, срав. DUCHÊNE, Alexandre: Ideologies across nations: the construction of linguistic minorities at the United Nations. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 2008, стр. 12.

¹⁷ Персонаж Йозефа Швейка етьс довольно амбивалентный, иногда проявляет энциклопедические знания, иногда никакие, но здесь можно обосновательно предполагать, что его „in Kong“ есть легко насмешливая реакция на растерянное „a pischen“ прислуги.

¹⁸ Автор чешского подлинника не переводит всю прямую речь персонажей, говорящих на немецком, венгерском, русском и других языках. Чешский читатель знал большинство выражений немецкого языка, слова из других языков смог объяснить по смыслу.

¹⁹ А. Мештан в этой связи замечает трудности, которые читателю нужно преодолеть при чтении выражений мотивированных венгерским (эвентуально «псевдовенгерским») языком. Читатель не знающий венгерского языка не сможет отгадать значение отдельных слов или предложений. Он наверное не знает, что „isten ald meg a királyt“, (правильно: isten, áldd meg...) переводится как „Бог благословляет короля“. Это первая строка венгерской версии тогдашнего австрийско-венгерского национального гимна.

²⁰ Здесь находится в переводе ошибка в слове «Köszöznöm szivesen»; правильная форма первого слова сочетания есть «Köszönöm szivesen».

²¹ В этой связи, надо подчеркнуть, что чехизирование всех иноязычных личных имён, названий городов и мест (срав. Heinrich von Eichenfels стал «Индрихом из Дубинова») являющееся в нашем случае абсурдным или хоть бы мало функциональным было в чешской литературе, подлинной и переводной, значительно часто употребляемым явлением ещё во время национального возрождения, точнее говоря в первой половине 19 столетия, когда было связано тоже с попыткой «пересадить» место действия свободно в чешскую среду.

²² Что касается использования венгерского языка А. Мештан думает, что Гашек этим языком несомненно в какой-то степени владел. Но в романе всё-таки можно найти много, даже основных, ошибок. Некоторые из этих предложений содержат довольно жестокие высказывания. После того, как господин Калконь прочитал письмо старшего лейтенанта Лукаша своей жене, он сердится и

использует в речи вульгаризмы типа «Поцелуй меня в...!» Орфографические и морфологические ошибки в венгерском языке читателю знающему этот язык не мешают понять смысл текста. В большинстве случаев это всё равно мало употребляемые выражения. Наоборот читатель знающий венгерский язык считает странным сообщение о молитвах сочиненных (выше упомянутым) будапештским архиепископом Гезой из Сатмар-Будафала с -по мнению рассказчика – отсутствующим острым – Грете Реинер его оценивает в примечании немецкого перевода словами «непереводимая венгерская брань» – „Baszom a Krisztusmarját“. Только в единственном случае автор приводит перевод венгерского выражения. Пассаж находится в 2 томе: „Éljén, Éljén a tizenegyedik regiment“ (четыринадцатый регимент). Гашек здесь всё-таки допустил ошибку: „tizenegyedik“ значит „elfter“ (одиннадцатый), „vierzehnter“ (четыринадцатый) переводится как „tizenegyedik“.

²³ По А. Мещану „на русском языке говорил Гашек вероятно хорошо – всё-таки пишет (том 1): "Zdrávtvujtě, ruskije bratja, my bratja Čechy, my nět Avstrijci." Несмотря на ошибочную транскрипцию и отсутствующее "s" в русском слове "ruskie" удивляет прежде всего отрицание "nět" вместо правильного "ně", в научной транскрипции само собой разумеется "ne". („Russisch sprach Hašek angeblich gut – dennoch schreibt er (I.357/365): "Zdrávtvujtě, ruskije bratja, my bratja Čechy, my nět Avstrijci." Abgesehen von der inkonsequenten Transkription und dem fehlenden "s" in "ruskie" erstaunt vor allem die Verneinung "nět" statt des korrekten "ně", in wissenschaftlicher Transkription natürlich "ne".)

²⁴ Автор одновременно благодарит за эту информацию др. И. Цамуталиову, редактора подготовленных к печати фельетонов Гашека написанных на русском языке.

²⁵ Данеш Франтишек: Вклад в познание языка и стиля «Похождение бравого солдата Швейка...». Ин: Наша речь, номер 3-6, 1954, стр. 139 (DANEŠ, František: Příspěvek k poznání jazyka a slohu Haškových „Osudů dobrého vojáka Švejka“. In: Naše řeč, r. 37, 1954, č. 3-6, s. 139).

²⁶ Когда в окрестности деревни Медзилаборце «старший писарь батальона вместе с поварами всех рот и подпоручиком Цайтгамлем» (ч. 3, гл. 3, в чеш. из. т. 3, стр. 135) реквизируют от «угроруса» трёх свиней, есть протестные слова кулака произнесены на языке близком украинскому, слав.: „Davajtě mně za každuju svinju dva gynskija!“ (ч. 3, гл. 3, в чеш. из. т. 3, стр. 136-7).

²⁷ В печатной (том 1, стр. 454) и онлайн-версии (том 1, стр. 352) мы правда читаем „krajcová sedmina“. Это касается тоже некоторых других форм Мещаном цитируемого издания; мы однако соблюдаем более новое издание.

²⁸ В печатной версии романа из 1987 г. (том 2, стр. 111) и в онлайн-версии, из которой происходят цитации в нашей статье, в общем ещё проверяемые версией печатной (том 2, стр. 81) имеет это предложение другую форму – „Býl jsi už na látríně?“

²⁹ В печатной форме из 1987 г. однако можно читать правильное выражение: „Nihil nisi bene“ (том 2, стр. 161).

³⁰ В чешском издании можно читать более корректную форму словосочетания «sata est».

³¹ В тексте четырёхтомного романа можно найти многочисленные еврейские мотивы; неоднократно в парадоксальных взаимосвязях, даже мнимо антисемитских. Хватит привести два примера: „Polní kurát Otto Katz, nejdokonalejší vojenský kněz, byl žid. To ostatně není nic divného. Arcibiskup Kohn byl také žid a ještě k tomu Macharův kamarád.“ (Sv. 1, s. 77) «Фельдкурат Отто Кац, типичный военный священник, был еврей. Впрочем, в этом нет ничего удивительного: архиепископ Кон тоже был еврей, да к тому же близкий приятель Махара.» (ч. 1, гл. 9) Предложение рассказчика:

« Впрочем, в этом нет ничего удивительного» как будто предвидит реакцию какого-то проектируемого читателя. Тоже архиепископ из Оломоуца и поэт Йозеф Сватоплук Махар есть исторические «персонажи». Есть интересно, что «еврей Когн» приводится в взаимосвязи именно с Махаром («да к тому же близкий приятель Махара.»). Можно вероятно полагать, что Махар, автор собрания Яд Иудеи, воспринимался как антисемит, поэтому тоже это «товарищество» между евреем и антисемитом (мнимым) было из точки зрения рассказчика аттрактивное. Между прочим – связывание отдалённого и близкого и втягивание этих явлений до (не только) амбивалентных взаимосвязей – это типичная черта романа.

Второй пример: Старший писарь, который некогда заявил, что он знает русский язык, но говорил вместо русского ломаным словацким языком, считает Швейка, который утверждает, что он говорит по-немецки, евреем.

³² POLÁČEK, Karel: Bylo nás pět. Praha, Československý spisovatel 1984, s. 14.

³³ Ibidem, s. 27.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibidem, s. 33.

³⁶ Ibidem, s. 40.

³⁷ Ibidem, s. 233-4.

³⁸ Ibidem, s. 253-4.

³⁹ Богемия издавалась в Праге с 1828 года, здесь находилась тоже её редакция, администрация и экспедиция. Здесь работал редактором Э.Э. Киш.

⁴⁰ Данеш, Франтишек: Вклад в познание языка и стиля «Похождений бравого солдата Швейка». In: Naše řeč, n. 3-6, 1954 г., стр. 132.

⁴¹ Ф. Данеш в цитируемой статье приводит несколько примеров «неловкостей или высказывания неживого, выдуманного» в речи рассказчика, которую он строго отделяет от прямой речи. Речь идёт о примерах «неуместного» генитива отрицательного, инструментала дополнительного, неуместное использование местоимений «тот» и «тот же», именных форм адъективов, вокализованный вид предлога «ку», неуместное использование местоимений «который» и «что», далее порядок слов, «несоблюдение правила об укладке энклитик», чрезмерное использование предложений относительных и о многих других ошибках. Все однако являются в некоторой степени признаковыми для административного стиля, который Паул Эиснер обозначил экспрессивно как стиль „кадито“.

⁴² Антонин Мещан в связи с реалиями и псевдореалиями в романе пишет, что „сейчас можно вполне спокойно утверждать, что роман Гашека содержит в гораздо меньшей мере мистификации, чем обычно полагается. Отчасти вероятно является верным трактующее утверждение, что Гашек на Липнице – где возникла преобладающая часть романа – диктовал текст своего произведения спонтанно. Однако на другой стороне очевидно, что при создании романа использовал старые календари, карты, Библию, Научный словарь Отто, в его распоряжении был тоже роман Гангофера «Грехи отцов», черпал информации из ежедневных газет 1921-22 гг. и вероятно из других источников, например, из старых газет. Вполне возможно, что в его распоряжении было какое-то произведение об истории Австрии (может быть старый учебник), католический церковный сборник песен, вероятно даже австрийский военный сборник песен. Также какое-то естествознание, может быть «Жизнь животных» Бремса.

Слой точно данных или только отчасти приспособленных реалий довольно сильный – сильнее, чем осознает не только обычный читатель, но часто и литературный исследователь. **Можно утверждать, что намерением Гашека было, чтобы читатель не осознал, где кончит фактография и начинается фикция.** Граница между обоими слоями есть связная, что является умышленным художественным методом. Само собой разумеется, что с временной дистанцией кажется, что реалий в произведении маловато, но фикция имеется почти повсюду. Почти кажется, что до определённой степени речь идёт о последней, без малого гениальной мистификации Гашека. Наверное, даже Климент Штепанек, который писал на Липнице по диктовке Гашека последнюю часть текста, не осознал, что далеко не всё Гашек диктует спонтанно. Штепанек поверил этой мистификации – и Гашеку (и Штепанеку) поверили те, которые до сих пор занимаются текстом. Если я разобью часть этой мистификации, я этим не снижаю величие художественного поступка Ярослава Гашека. Я наоборот уверен, что привожу доказательства того, что роман возник с использованием самых разнородных источников и его концепция была обдуманнее, чем она должна была казаться“. (Предложения в тексте выделил жирным шрифтом А. Микулашек.)

⁴³ Срав. главу первую о презентации «чужих языков» в тексте романа. Их медиатором есть само собой разумеется рассказчик.

⁴⁴ Срав. Боучек, Антонин: Куча историк из жизни Ярослава Гашека. Прага: Прага 1983, 96 стр. (BOUČEK, Antonín: Kupa historik ze života Jaroslava Haška. 5 vyd. Praha: Práce 1983, 96 str.)

⁴⁵ Данеш Франтишек, повторение цитации, стр. 138.

⁴⁶ Ценные сведения о влиянии военного сленга чешского на речь немецких солдат, исключительно пополненные тоже материалами из романа Гашека (срав. выражение Hanswurst, стр. 312), можно найти в монографии Эугена Риппла (RIPPL, Eugen: Die Soldatensprache der Deutschen im ehemaligen tschecho-slovakischen Heer. Reichenberg-Leipzig: Sudetendeutscher Verlag Franz Kraus, 1943, 569 стр. /Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften in Prag, Band XXVI). Некоторые выражения из старой Австрии и выражения знакомые из гражданской жизни перешли тоже в речь немцев в чехословацкой армии; их использовали солдаты между собой и вне службы,

некоторые чехизировали („menážšálek“ вместо немецкого Menageschale, „wir waren fasovat“ вместо немецкого fassen), некоторые заменяли по привычке чешскими („slamník“ за Strohsack). С некоторыми немцы встретились только во время военной службы, причём иногда их использовали без изменений – „pusák“ за Putzleck, „blboun“ за Knödel, иногда приспасабливали выражения так, что им прицепляли немецкие окончания („Uchane“ nebo „Uchanen“ за Rekruten, „Svobodniks“ или „Svobodnike“ за Gefreite, „Pferdeprohlidek“ за осмотр коней, „Puschenprohlidek“ за осмотр винтовок и др.). Использовались тоже народные выражения приспособленные подобно звучащим немецким словам, то есть „schuren“ за žurovati, смотри „Fußboden waschen im Anschluß an das deutsche Wort ‚scheuern‘“) Эти информации вытекают уже из анкеты опубликованной как целое в предисловии книги написанном, стр. XV-XVIII) Например в связи с выражением «Ухо» (призывник или в чешском сленге тоже „uchál, uchán, uchán, ušoun, ušan, ušák, uchák, uchec, uchem, ušál, ouško“) укрепились в немецкой речи тоже формы как „Uchan, Uchanl, Uchandl, Uchankl, Uchon, Uchetz, Uchal, Uschon, Sau ucho, grünes ucho, grüner ucho, Grünohr“ и т. д. , и т. д. (стр. 537). Выражения из речи чешских солдат – „geldy“ или „peníze“ – стали на немецком языке „Benisse“; исследователь встретился с «макаронским» ответом: „Peníze schon wieder jsou da!“ (стр. 322).

⁴⁷ Так напр. слово „rast“ происходит из немецкого „die Rast“, в переводе отдых, и поэтому его можно в стилизированной устной речи тоже оценивать как сленгизм, но исполнение «раста» «было точно описано в статьях 99 – 101 во втором томе Служебного порядка для ц.и к. войска» (HODÍK, Milan; LANDA, Pavel: Энциклопедия для любителей Швейка с многими изображениями. Том 1. 1998, стр. 199). Можно приводить ряд таких слов, мотивация и в первом ряду значение которых есть скрыты. К тем мало прозрачным принадлежит выражение «супа», срав. «Идеалом его было дослужиться до фельдфебеля». (том 1, это характеристика капрала), и вероятно производное слово «супак», точнее говоря «зупак», срав. словарная статья „Супак“ в Энциклопедии для любителей Швейка с многими изображениями, повторно цитируется, (стр. 222-223; HODÍK, Milan; LANDA, Pavel: Encyklopedie pro milovníky Švejka s mnoha vyobrazeními. Díl 1. Praha: Academia, 1998. ISBN 80-200-0672-9; HODÍK, Milan; LANDA, Pavel: Encyklopedie pro milovníky Švejka s mnoha vyobrazeními. Díl 2. Praha: Academia, 1999. ISBN 80-200-0781-4)

⁴⁸ Нет в силах автора статьи подыскать все интертекстовые параллели и коннотации, намёки и актуализации, хотя очевидно, что автор Швейка инспирировался тоже собственным богатым и очень гетерогенным чтением и при писании проявил – возле способности к импровизации – тоже исключительную память.

⁴⁹ НОВАК, Ян Вацлав и Арне НОВАК. Наглядная история литературы чешской с давних времён по наши дни. 5 издание. Brno: Atlantis, 1995. ISBN 80-7108-105-1., стр. 1487 (NOVÁK, Jan Václav; Arne NOVÁK: Přehledné dějiny literatury české od nejstarších dob až po naše dny. 5. vyd. Brno: Atlantis, 1995. ISBN 80-7108-105-1.)

⁵⁰ Срав. СГАЛЛ, Пётр: Примечание к понятию гиперкорректность. Наша речь, 89 г., 2006, н. 1, стр 21-25. (SGALL, Petr: poznámka k pojmu hyperkorektnost. Naše řeč 89, 2006, č 1, s. 21-21).

⁵¹ Антонин Мещан пишет в цитируемой статье в связи с чешскими неологизмами и каламбурами: „Wir hätten es nicht mit Hašek zu tun, gäbe es im Roman nicht auch tschechische Neologismen und Wortspiele, wie wir sie z.B. aus seinen berühmten mystifizierenden Beiträgen in der Zeitschrift Die Welt der Tiere kennen. So findet man etwa (II.254/572): "Jsi hodule žravá, říkal (Koch Jurajda – A.M.) Balounovi..." im Slovník spisovného Jazyka českého (Wörterbuch der tschechischen Schriftsprache) gibt es das wort hodule nicht. Der Ottův slovník naučný führt dagegen folgendes an: "'Hodule' nennt man in Mähren ein Stück Schlachtvieh (Kalb, Schaf), das gewöhnlich einige Nachbarn gemeinsam zu einem Festessen (tschech. hody) (zur Kirchweih) kaufen und schlachten." (Grete Reiner übersetzt "hodule" als "Berstel").

⁵² ХОДИК Милан; ЛАНДА, Павел: Энциклопедия для любителей Швейка с многими изображениями. Том 1. Прага: Академия, 1998, стр. 94.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bermel, Neil: O tzv. české diglosii v současném světě. In: *Slovo a slovesnost*, č. 1, r. 71, 2010, s. 5 – 30. ISSN 0037-7031.
2. Daneš, František: Příspěvek k poznání jazyka a slohu Haškových „Osudů dobrého vojáka Švejka“. In: *Naše řeč*, r. 37, 1954, č. 3-6, s. 124–139. Dostupné online na <http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?art=4356>

3. Duchêne, Alexandre: *Ideologies across nations: the construction of linguistic minorities at the United Nations*. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 2008, 282 pgs. ISBN 978-3-11-020583-1.
4. Гашек, Ярослав: *Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны*. Части 1,2. Части 3,4. Перевёл Пётр Григорьевич Богатырёв. Москва: Правда, 1958. Доступно онлайн на: <http://militera.lib.ru/prose/foreign/hasek/index.html>
5. Hašek, Jaroslav: *Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války*. 2 sv.,1.-4. Praha: Československý spisovatel, 1987.
6. Hodík, Milan; LANDA, Pavel: *Encyklopedie pro milovníky Švejka s mnoha vyobrazeními*. Díl 1. Praha: Academia, 1998. ISBN 80-200-0672-9.
7. Hodík, Milan; LANDA, Pavel: *Encyklopedie pro milovníky Švejka s mnoha vyobrazeními*. Díl 2. Praha: Academia, 1999. ISBN 80-200-0781-4.
8. Kilias, Jarosław: „Někerej Maďar taky za to nemůže, že je Maďar“ : O sociologickém popisu národní identifikace. In: *Sociologický časopis*, r. 41, 2005, č. 4, s. 675 – 692. ISSN 0038-0288
9. Mědílek, Boris (ed.): *Bibliografie Jaroslava Haška: soupis jeho díla a literatury o něm* Praha: Památník národního písemnictví, 1983. Bez ISBN.
10. MĚŠŤAN, Antonín: Realien und Pseudorealien in Hašek's Švejk. In: Schamschula, Walter (ed.): *Jaroslav Hašek 1883-1983: Proceedings of the International Hašek-Symposium Bamberg, June 24 – 27, 1983* (Westslavische Beiträge / West-Slavic Contributions). Volume 1 / Band 1. Frankfurt an Main – Bern – New York – Paris : Petr Lang, 1988, 552 S. ISBN 978-3820481396. Dostupné online na <http://honsi.org/literature/svejk/dokumenty/mestan/realien.html>
11. Mikulášek, Alexej: Cizojazyčné lexikální elementy a jejich funkce v jazykové výstavbě románu Jaroslava Haška *Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války*. In: Dohnal, Josef (ed.): *Revitalizace hodnot: umění a literatura IV*. Brno: Ústav slavistiky FF MU – Česká asociace slavistů – Tribun EU, 2019. – CD-ROM (716 stran), s. 93 – 109. ISBN 978-80-263-1477-6.
12. Mikulášek, Alexej; GLOSÍKOVÁ, Viera; SCHULZ, A. B.: *Literatura s hvězdou Davidovou*. 2 sv. Praha: Votobia, 1998, 2002. ISBN 80-7220-019-4, 80-7220-082-8.
13. Novák, Jan Václav; Arne NOVÁK: *Přehledné dějiny literatury české od nejstarších dob až po naše dny*. 5. vyd. Brno: Atlantis, 1995. ISBN 80-7108-105-1.
14. Poláček, Karel: *Bylo nás pět*. 13. vyd. Praha: Československý spisovatel 1984.
15. Rippl, Eugen: *Die Soldatensprache der Deutschen im ehemaligen tschecho-slovakischen Heer*. Reichenberg, Leipzig : F. Kraus, 1943. 569 s.
16. Šatava, Leoš: *Jazyk a identita etnických menšin : Možnosti zachování a revitalizace*. 2. vyd. Praha : SLON, 2009, 215 str. ISBN 978-80-86429-83-0.
17. Tölgyesi, Tamás: Germanismy v původní české verzi Haškova románu *Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války* a jejich ekvivalenty v německém, slovinském a maďarském překladu. In: Kiss Szemán, Róbert; Mészáros, Andor (ed.): *Na úprku před sebou samými : Češi a jejich literatura očima současné maďarské bohemistiky*. Praha: Akropolis, 2014, s. 146–163. ISBN 978-80-7304-172-4.
18. Zatovkaňuk, Mikuláš: Haškovy rusismy v *Osudech dobrého vojáka Švejka*. In: *Naše řeč*, r. 64, 1981, č. 3, s. 124 – 132. Dostupné online na <http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?art=6251>

Материал поступил в редакцию 01.08.19

**“THE FATEFUL ADVENTURES OF THE GOOD SOLDIER ŠVEJK
DURING THE WORLD WAR” IN A COMPARATIVE PERSPECTIVE
(NOTES ON THE LANGUAGE AND STYLE OF THE NOVEL NARRATIVE)**

A. Mikulashek, Doctor of Philosophy and Pedagogy
Faculty of Central European Studies
Constantine the Philosopher University in Nitra, Slovakia

***Abstract.** The following study deals with a so called “multilanguage strategy” in Jaroslav Hašek’s world-famous novel *The Good Soldier Svejk and His Fortunes in the World War*. We can discover lots of words and sentences coming from many different foreign languages, for example German, Hungarian, Russian, Polish, Italian, Serbian, Latin, Jewish etc. The narrative strategy imitates different styles and style variations, different kinds of language elements inherent with Czech and its vocabulary (professional slang, terms, tushery words, vulgar words, many idioms etc.). Artistic application of all these elements creates many situations which are full of comicality, absurdity, travesty on “brave soldier”, extravaganza and grotesque, especially from the contemporary point of view. All kinds of these elements, fragments of foreign languages, paroles and declamations interpenetrate each other and we can see a “parody glittering” in places of their confrontation.*

***Keywords:** language and style; Jaroslav Hašek; *The Good Soldier Svejk and His Fortunes in the World War*; narrator; poly-lingualism; different “paroles” and czech lexical units.*

УДК 8

НАЗВАНИЯ РЕЖУЩЕ-КОЛЮЩЕГО ОРУЖИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Т.В. Лосева-Бахтиярова, кандидат филологических наук, доцент

Кафедра тюркской филологии

Институт стран Азии и Африки

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия

Аннотация. В данной статье в сопоставительном плане проводится лексико-семантический, историко-этимологический анализ названий режущее-колющего оружия в тюркских языках. Новизна нашей работы заключается в том, что объект исследования составляют наименования, входящие в указанную подгруппу лексико-семантической группы "вооружение" не в одном, а во всех тюркских языках, лексика которых подвергается сопоставительному анализу. Нами был выявлен материал, относящийся к названиям режущее-колющего оружия в тюркских языках, показано историческое развитие данной лексической подгруппы, установлены хронологические рамки появления и исчезновения наименований или их переход в разряд архаизмов и историзмов. Мы показали отношение лексики древних и средневековых письменных памятников к лексике современных тюркских языков. Выделили общетюркский пласт лексики и пласты заимствований: межтюркских и отдельных тюркских языков; отметили особенности контактирования групп и отдельных тюркских языков с нетюркскими языками. Автором описаны основные способы номинации, проанализированы мотивирующие признаки, которые легли в основу исследуемых наименований, и отмечены наиболее продуктивные из них. Рассмотрена связь военной лексики с развитием экономической, политической, культурной жизнью народов-носителей тюркских языков. Установлена лексика, общая для всех тюркских языков, ареала или группы языков, а также индивидуальная лексика в группах или отдельных тюркских языков.

Ключевые слова: тюркские языки; военная лексика; дифференцирующие и интегрирующие признаки; сравнительная и историческая лексикология; письменные памятники; способы номинации.

Комплекс вооружения тюркского воина включал такие режущее-колющие орудия, как кинжал и нож.

В древнетюркских письменных памятниках названия **кинжала** не отмечены.

В старотюркских (караханидских) письменных памятниках используется слово *bögdä / bögtä / büktä* со значением «кинжал»: *Jaγuṯ taba titrü baγur bükdaṯ bilä oγrap qaly kälsä sä-ä qaršu sülä* «Следи за своим врагом внимательно, точи кинжал, а когда он нападет на тебя, выступи против него с войском» [35, III с.287]. Этимология слова не ясна.

В караханидско-уйгурском и чагатайском языках кинжал, помимо *büktä / bökdä*, определялся целым рядом слов – ар.-перс. заимствований: [*xan±ar*], [*šamšQr*], [*xušt*], [*tQy*], [*katāra*].

Слова [*šamšQr*] и [*tQy*] персидского происхождения, в персидском языке обозначают и меч, саблю, и кинжал, что возможно благодаря сходству конструкции и функции называемых

видов оружия. Перс. [tQy] зафиксировано в «²утадғу билиг», «Тефсире» и «Шейбәнү-наме»: *ĀrkasQ tyrlary janlaryda* «На боку у них (висели) черкесские кинжалы» [43, с. 139]. В современных тюркских языках данные заимствования употребляются в значении «меч, сабля». Исключение составляет киргизский язык – в нем *šamšar* может передавать значение «кинжал, напоминающий по форме саблю» [30, с. 287].

Аналогично, основное значение перс. [katāra] «обоюдоострая сабля», но оно также употреблялось в чагатайском языке и для обозначения кинжала: *Falak bašyūa urdy bir katāra* «В небо ударил кинжал» [3, XI с. 12]. Это слово известно по произведениям А. Навои [44, с. 307], встречается в «Бабур-наме» [15, с. 366].

В современных тюркских языках [katāra], а также [xušt] не употребляются.

Общетюркским наименованием кинжала является [xan±ar]. Оно впервые зафиксировано в хорезмийских памятниках: *Malik farmānlady xan±ar aly-, teb* «Повелитель приказал: возьмите кинжал» [83, с. 10617]. Это слово арабского происхождения, по-видимому, вошедшее в тюркские языки через иранские (перс. [xan±ar] «кинжал, кортик»): тур. *hančer*, туркм. *xan±ar*; аз., уйг. *hän±är*, узб., ктат. *xanžar*; каз., кырг., ккалп. *qanžar*; тат. *xän±är*, башк. *xänjār*; кум. *qynžal*, *xynžal*.

[Xan±ar] в различных фонетических вариантах встречается также за пределами тюркских языков: в грузинском [handzali], румынском [hanžer], итальянском [hanžaro], испанском, португальском [alhande], болгарском, сербском [qan±ar], польском [qandtsar] и других языках. При этом основное значение слова «кинжал» сохраняется.

Слово было заимствовано и русским языком – *kinžal*. Согласно Н.К. Дмитриеву, «русская форма восходит, очевидно, к кумыкскому языку, что согласуется с историей проникновения слова *kinžal* в русскую литературную речь». Дело в том, что «во всех тюркских языках, какие его (слово – авт.) знают..., оно имеет другую фонетику (*xänčär* или *xančär*), более близкую к его персидскому прототипу. И только в тюркских языках Дагестана и Закавказья это слово произносится более или менее так же, как и в русском. Азербайджанцы наряду с литературной формой *xän±är* знают и форму *xančal*; кумыки же всегда говорят и пишут *qynžal*. Отсюда, очевидно, и было заимствовано слово *kinžal*... В XIX в., под пером Пушкина и Лермонтова, *kinžal* прочно входит в русскую классическую поэзию» [24, с. 9, с. 26]. В смежном территориально ногайском языке слово имеет тот же фонетический вариант, что и в кумыкском: *qynžal*.

Впоследствии слово было заимствовано, теперь уже из русского языка, тюркскими языками Сибири: хак., тув. *kinžal*, як. *kynča:l*, а также чувашским: *kinžal*.

В юго-западных, а также тюркских языках Кавказа в значении «кинжал» используется наименование, зафиксированное в словарях В.В. Радлова [49 II, с. 478] и Л.З. Будагова [19 I, с. 236] в форме *qama* < перс. [qamä] «длинный широкий обоюдоострый кинжал». Данный фонетический облик слова сохраняется в кыпчакских языках: в карачаево-балкарском и ногайском. В турецком и гагаузском языках (огузская группа) происходит традиционное опереднение *q > k*: *kama*, а в азербайджанском и туркменском – озвончение *k > g*: аз. *gämä*, туркм. *gama*.

В алтайском языке «кинжал» передаётся словом *üldü*, которое также обозначает и меч, саблю – монг. *ildü* «меч, сабля». Ситуативное объяснение свойств кинжала, видимо, передаёт специализацию значения, которое не сопровождается созданием нового слова.

Другим видом режуще-колющего оружия является **нож**.

В караханидско-уйгурском языке нож обозначался исконно тюркским *bučaq / ručaq / bičäk*: *Bu bögdä bičäk kim eligdä tutar* «Эти кинжал и нож в (моей) руке» [93, с. 35a].

М. Рясянен включает *bučaq* в число производных от глагола *bič-* «кроить, резать» [103, с. 73], образованного с помощью аффикса *-(a)q*.

Однако, глагол *bič-* представляет собой, как писал Э.В. Севортян, по-видимому, производный глагол от существительного *bi:* / *by* «нож, лезвие», образованный с помощью аффикса *-ča-* / *-čy-* / *-ša-* / *-šy-*, который в этом виде встречается при основах с конечным

согласным, при основах же с конечным гласным, – как в данном случае, – он может принимать форму *-č-* [72, с. 159].

Исходя из сказанного, убедительно выглядит этимология А. фон Габэн: *byčaq* < *bi* / *by* «нож» + афф. уменьшительности *-čaq* [101, § 46]. Эта этимология сохраняется также у К. Брокельмана [98, § 26а].

Тюркское *byč-* и производное *byčaq* «нож» Г. Рамстедт с колебаниями сопоставлял с кор. *ččida* «резать», «срезать серпом», *čči-* ‘*či-* – **pči-* [105, с. 32] и с кор. *pitta* (:*pi±e* : *pi±in*) «резать, разрезать ломтями» [105, с. 202].

Byčaq является общетюркским наименованием ножа: тур., гаг. *byčak*, аз. *byčag*, туркм., кар.(к), тат., сюг., шор. *pyčaq*; узб. *pičoq*, уйг. *pičaq*; каз., ног., ккалп. *pyšaq*; кырг., кбалк., кум., ктат., алт. *byčaq*; башк. *bysaq*; хак. *pyčax*, тув. *bižek*, тоф. *pišek*, як. *bysax*.

Из турецкого языка *byčaq* было заимствовано в славянские языки, а также румынский, венгерский, новогреческий [102, №.I, с. 15, с. 27; №.II, с. 86].

В тувинском языке сочетание *bižek* «нож» с *čyda* «копье» передаёт значение «кинжал», дословно «нож-копье», указывая на отличие кинжала от ножа наличием более длинного и узкого клинка. *Čyda* / *žyda*, как указывает Дж. Банзаров [9, с. 3], восходит к монгольскому *žyd* и имеет значение «копье с лезвиями по обеим сторонам пика» [22 III, с. 357]; таким образом, оно может использоваться и как режущее-колющее оружие, т.е. кинжал и нож.

В языках кыпчакской группы: каз., кырг., кбалк., ккалп. диал., также в туркм. (огузская группа) и тув. (уйгурская группа) синонимом к *byčaq* выступает *gezlik*: туркм., ккалп. диал., кбалк. *gezlik*; каз., ккалп. диал. *kezdik*, кырг. *kestik*, тув. *käzlik*.

У *gezlik* зафиксированы значения: в словаре В.В. Радлова – «маленький карманный нож» [49 II, с. 1180], у Л.З. Будагова – «перочинный нож» [19 II, с. 127], И.А. Беляева – «нож для обихода» [14, с. 88], М. Кашгарского – «маленький нож, прикрепляемый к верхней одежде женщин» [35 I, с. 478].

Слово представляет собой производное с афф. *-lik* со значением орудия действия от тюрк. *kez* «зарубка на стреле». *Kez* / *gez* в значении «зарубка, прорезь» распространено во всех группах тюркских языков, кроме карлукской. Из азербайджанского языка слово было заимствовано в персидский язык [100 IV №1712; там же тюрк. *gäz* «вид стрелы») («зарубка на стреле» → «стрела с зарубкой») отделено от перс. [*gez*] «мера длины, аршин»].

Процесс номинации данного вида ножа можно представить следующим образом: «зарубка на стреле» → «нож, которым делают зарубки» → «маленький нож».

В современном туркменском языке данный вид ножа носит название *čaqgy* «перочинный нож», а *gezlik* обозначает большой нож. *Gezlik* традиционно носят на поясе, и поэтому синонимами к этому слову могут выступать названия *ja:n pyčaq* и *bi:l pyčaq* < *ja:n* «бок», *bi:l* «талия, пояс» – мотивация названия по месту ношения.

В турецком языке также встречается слово *gezlik*, но в значении «кривая сабля». Таким образом, в туркменском и турецком языках произошло переосмысление значения *gezlik* «маленький нож» → «большой нож; сабля».

В чувашском языке «нож» передаётся словом *šěšě*. По мнению О. Прицака, чув. *šěšě* восходит к древней форме *šělěš*, происходящей от глагола *šäl-* «дёргать, выдёргивать; косить». Чув. *šäl-* соответствует тюрк. *jüli-*: чаг. *jüli-*, кум. *jülü-* «брить»; балк. *zülgüč*, аз. *ülgüč* «бритва». Чувашское *-ă*, *-ě* в означенном положении соответствует тюркскому *-gu* / *-gü*: чув. *sänă* – тюрк. *sü-ü*, чув. *pallă* – тюрк. *bälgü* и т.д. [26, с. 212].

Как и кинжалы, ножи различались по форме, размеру, цвету составляющих деталей, что находило отражение в их наименовании. Так, в казахском и башкирском языках известно название *büjda pyšaq* / *böjzä bysaq* «большой нож, который обычно носят в голенище сапога». Первым элементом сочетания выступает старотюркское *böktä* / *bögda* «кинжал» (*k* ~ *g* ~ *j*) – мотивация по размеру. В казахском языке слово имеет персидский синоним *sary* < перс. [*säpuxtān*] «протыкать, вонзять».

Двойной нож в башкирском языке обозначается *quš bysaq* < *quš* «сдвоенный, двойной,

парный» – мотивация по форме.

В туркменском языке встречаются наименования, мотивированные по цвету: *a:ksaply* (*ру́саq*) «нож, рукоятка которого сделана из белой кости» и материалу изготовления: $\pm\ddot{o}v\dot{x}er$ *ру́саq* «нож из дамасской стали». $\ddot{o}v\dot{x}er$ имеет также значение «драгоценный камень», что указывает на ценность данного вида кинжала.

Понятие «лезвие ножа, кинжала» в тюркских языках передаётся, в основном, двумя наименованиями, которые делят тюркские языки на два ареала. Первый ареал с наименованиями *jüz* образуют языки юго-западной, северо-западной и юго-восточной групп: туркм., узб., ног. *jüz*; гаг., уйг. *üz*; каз., ккалп. *žüz*; тат. *jöz*, башк. *jöz*. Основное значение *jüz* во всех тюркских языках – «лицо». Специализированное значение «лезвие» развилось в словосочетаниях: название орудия (нож, топор и т.д.) + острая ← передняя сторона [88, с. 259].

Второе наименование лезвия – *biz* охватывает языки центрально-восточной и северо-восточной групп: алт. *pis / mis*, хак. *pis*, тув., тоф. *bis*, як. *bi*. Тот факт, что в указанных языках, в которых лучше, чем в каких-либо других, сохранились остатки более раннего состояния тюркских языков, среди значений *biz* имеется «лезвие», является обоснованием этимологии М. Рясненна: *biz / bigiz* < *bi*: «лезвие, нож» + *jez* «медь, латунь» [106, с. 20].

Возможна и другая этимология, где производящим элементом слова вновь выступает *bi*: «нож»: *bi*: + глаголообразующий аффикс *-qa-* / *-qy-* + аффикс именного словообразования *-(a)z* – **bi*: *-bi-z* > **bi*: *-gi-z* > *bigiz* > *bijiz* > *bi:z* > *biz* [71, с. 238-247].

Biz в значении «лезвие» используется также в языках, находящихся на стыке двух ареалов: уйг. *bis*, кырг. *miz*, выступая в качестве синонима к *jüz*.

Biz известно и в остальных тюркских языках, но в значениях «шило, остриё, острый конец».

В обширном первом ареале следующее наименование лезвия – *aууз* образует подареал, состоящий из огузских языков – тур., туркм., аз. (*aууз*) и тюркских языков Кавказа (кыпчакская группа): кбалк. *au:z*, кум. *avuz*; также у Л.З. Будагова – *aууз* «остриё, клинок» [19 I, с. 62]. Здесь отмечается использование слова не в его общеупотребительном значении, а в качестве входящего в состав военной лексики. Основное значение слова «рот», но в сочетании с названиями, в данном случае режущее-колющее оружие, слово приобретает значение «лезвие кинжала, ножа». В других тюркских языках *aууз* передаёт ситуативное военное значение «дуло, жерло». Такие переносы возможны благодаря тому, что *aууз* обозначает рот как в анатомическом, так и в функциональном аспекте. Другие переносные значения *aууз*: «отверстие», «горлышко сосуда», «вход в ущелье», «устье реки». Из многочисленных значений *aууз* данному близко значение «край, около, у».

В турецком языке лезвие обозначается *jalym*. По мнению В. Банга [97, с. 141], М. Рясненна [103, с. 183а] и Дж. Клосопа [99, с. 928 b], *jalym* «лезвие, остриё» материально и структурно тождественны *jalym I* «скала»: «острый конец ← лезвие = острая вершина ← крутая, отвесная скала».

В туркменском и узбекском языках в значении «лезвие» используется перс. [*tQy*], среди значений которого, помимо «меч, сабля» – «клинок» (основной частью которого и является лезвие).

Действия, производимые с помощью кинжала и ножа, обозначаются глаголами со значениями «резать», «вонзать, втыкать».

Общетюркским глаголом, передающим значение «резать», является *kes-*: тур., туркм., гаг., узб., каз., кырг., ног., ккалп., кар.(г), кбалк., шор. *kes-*; аз., уйг. *käs-*; кум. *ges-*; тат. *kis-*, башк. *kiś-*, чув. *kas-*; алт., тув. *kez-*, хак. *kiz-*, як. *bys-*.

Основными глаголами в значении «вонзать, втыкать» в тюркских языках являются *sanč-* и *qada-*.

В настоящее время слова *byçaq*, *gezlik* воспринимаются скорее как названия предметов бытового обихода и не входят в состав военной лексики. Однако закреплённое за ножом понятие «холодное оружие», несомненно, сохраняется. Нож – одно из основных

средств самозащиты и нападения в ближнем бою. Как оружие используются боевые и охотничьи ножи. В наши дни кинжалы продолжают функционировать в качестве национального оружия ряда народов, в том числе тюркских народов Кавказа.

По результатам нашего исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Наименования режуще-колющего оружия в тюркских языках представлены исконными и заимствованными словами.

2. Кинжал в тюркских языках передаётся рядом заимствованных слов, из них общетюркское распространение получило арабское [*xan±ar*]: ар. → перс. > тюркские языки огузской, карлукской и кыпчакской групп – (тюркские языки Кавказа) → (русский язык) → тюркские языки Сибири.

Слово известно в языках других семей и групп, в частности славянской группы.

В огузских языках и кыпчакских языках Кавказа синонимом к [*xan±ar*] выступает перс. [*qamā*].

Другие ар.-перс. заимствования: [*xušt*], [*katāra*], а также *bükta*, этимология которого не ясна, распространения в тюркских языках не получили (исключение – *bükta* употребляется в сочетании с *buĉaq* в каз. и башк.). Перс. [*šamšQr*] и [*tQy*], одно из значений которых в чагатайском – «кинжал», в современных тюркских языках употребляются в значении «меч, сабля». Исключение – кыргызский язык: *šamšar* – «кинжал, напоминающий по форме саблю».

В алтайском языке «кинжал» обозначается монг. *üldü*.

3. В наименовании ножа в тюркских языках заимствования уступают место исконному *buĉaq*.

Следующим по распространённости является также исконно тюркское *gezlik* – ряд кыпчакских языков (каз., кырг., ккалп., кбалк.), туркм. (огузская группа) и тув. (уйгурская группа) языки.

В тур. языке *gezlik* означает «кривая сабля».

4. Мотивирующими признаками наименования кинжала и ножа в тюркских языках выступают форма, величина, цвет обозначаемых предметов.

5. Два основных наименования лезвия делят тюркские языки на два ареала: 1) *jüz*: юго-западные, северо-западные, юго-восточные языки; 2) *biz*: центрально-восточные и северо-восточные языки.

Подъареал в значении «лезвие» в обширном первом ареале составляют огузские языки: тур., туркм., аз. и тюркские языки Кавказа – наименование *ayuz*.

Слова *jüz* и *ayuz* в значении «лезвие» представляют собой использование общеупотребительных слов в военном значении.

6. При обозначении действий, производимых с помощью кинжала и ножа, используются общетюркские глаголы *kes-* «резать» и *sanĉ-, qada-* «втыкать, вонзять».

7. К заимствованным наименованиям режуще-колющего оружия в тюркских языках относятся: а) персидские: [*šamšQr*], [*qamā*]; б) арабские: [*xan±ar*]; в) монгольские: *ildü*.

8. Нож входит как в состав тематической группы военной лексики, так и в группу названий предметов бытового обихода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азербайджанско-русский словарь. – М., 1965.
2. Алишер Навоий. Муншаот, Асарлар, 15-томлик, т.13. – Тошкент, 1965.
3. Алишер Навоий. Фаріод ва Ширин. – Тошкент, 1961.
4. Алтайская этимология. – Л., 1984.
5. Алтайско-русский словарь. – М., 1991.
6. Багаутдинова, Г.Н. Традиционная военная лексика башкирского языка: дис. ... канд. филол. наук / Г.Н. Багаутдинова. – Уфа, 2001.
7. Багышов Д.Г. Военная терминология азербайджанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д.Г. Багышов. – Баку, 1990.
8. Байжанов, Т.Б. Военная лексика в казахском языке: дис. ... канд. филол. наук /

Т.Б. Байжанов. – Алма-Ата, 1973.

9. Банзаров, Дж. О восточных названиях старинных русских вооружений / Дж. Банзаров. – СПб., 1851.
10. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь / Х.К. Баранов. – М., 1977.
11. Башкирско-русский словарь. – М., 1958.
12. Бейбутова, Р.А. Стратификация кыргызской военной лексики досоветского периода: дис. ... канд. филол. наук. / Р.А. Бейбутова. – М., 1988.
13. Беленицкий, А.М. О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране в XIV–XVI вв. / А.М. Беленицкий // Известия таджикского филиала АН СССР. – 1949. – № 15.
14. Беляев, К.А. Русско-туркменский словарь / К.А. Беляев. – Ашхабад, 1913.
15. «Бобирнома». – Тошкент, 1960.
16. Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. – М., 2001.
17. Большой русско-турецкий словарь. – М., 1998.
18. Бочкарев, П.С. Военный турецко-русский и русско-турецкий словарь / П.С. Бочкарев. – М., 1942.
19. Будагов, Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I–II / Л.З. Будагов. – СПб., 1869–1871.
20. Гагаузско-русско-молдавский словарь. – М., 1973.
21. Гараджаев, Ч. Военная лексика в туркменском языке: дис. ... канд. филол. наук / Ч. Гараджаев. – Ашхабад, 1978.
22. Голстунский, К.Ф. Монгольско-русский словарь, Т. I–III / К.Ф. Голстунский. – СПб., 1893–1901.
23. Горелик, М.В. Оружие древнего Востока / М.В. Горелик. – М., 1993.
24. Дмитриев, Н.К. О тюркских элементах русского словаря / Н.К. Дмитриев // Лексикографический сборник, вып. III. – М., 1958.
25. Древнетюркский словарь. – Л., 1969.
26. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка / В.Г. Егоров. – Чебоксары, 1964.
27. Казахско-русский словарь. – Алма-Ата, 1954.
28. Караимско-русско-польский словарь. – М., 1974.
29. Каракалпакско-русский словарь. – М., 1958.
30. Карасаев, Х.К. Назидание: Сокровища киргизского языка / Х.К. Карасаев. – Ф., 1982.
31. Карачаево-балкарско-русский словарь. – М., 1989.
32. «Келурнома». ЎзФАШИ, ўлэзма, – Ф., № 5052.
33. Краткий военный персидско-русский словарь. – М., 1954.
34. Кумыкско-русский словарь. – М., 1969.
35. Маимуд Кошгарий. Девону Луғот-ит-турк. Т. I–III. – Тошкент, 1960–1961, 1963.
36. Малов, С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы / С.Е. Малов. – М.–Л. 1952.
37. Малов, С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии / С.Е. Малов. – М.–Л., 1959.
38. Малов, С.Е. Памятники древнетюркской письменности / С.Е. Малов. – М.–Л., 1951.
39. Мелиоранского под наблюдением и с предисловием А.Н. Самойловича. – СПб., 1908.
40. Монгольско-русский словарь. – М., 1957.
41. Мусаев, К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении / К.М. Мусаев. – М., 1975.
42. Мусаев, К.М. Лексикология тюркских языков / К.М. Мусаев. – М., 1984.
43. Мухаммед Салих. «Шейбани-наме». Посмертное издание П.М.
44. Навоий асарлари луғати. – Тошкент, 1972.
45. Ногайско-русский словарь. – М., 1963.
46. Оружие. Серия «Популярная энциклопедия». – М., 2000.
47. Пекарский, Э.К. Словарь якутского языка. В 3-х т. / Э.К. Пекарский. – Л., 1909–1929.
48. Персидско-русский словарь. В 2-х т. – М., 1970.
49. Радлов, В.В. Опыт словаря тюркских наречий. В 4-х т. / В.В. Радлов. – СПб., 1893–1911.
50. Росляков, А.А. Военное искусство народов Средней Азии и Казахстана в VI–XV вв. / А.А. Росляков // Учёные записки туркменского гос. университета им. А.М. Горького, вып. XXI. – Ашхабад, 1962.

51. Русско-азербайджанский словарь. В 3-х т. – М., 1982.
52. Русско-алтайский словарь. – М., 1964.
53. Русско-арабский словарь. – М., 1993.
54. Русско-башкирский словарь. – М., 1964.
55. Русско-казахский словарь. – М., 1954.
56. Русско-каракалпакский словарь. – М., 1967.
57. Русско-карачаево-балкарский словарь. – М., 1965.
58. Русско-киргизский словарь. – М., 1957.
59. Русско-кумыкский словарь. – М., 1960.
60. Русско-ногайский словарь. – М., 1956.
61. Русско-персидский словарь. – М., 1986.
62. Русско-татарский словарь. – М., 1997.
63. Русско-тувинский словарь. – М., 1953.
64. Русско-туркменский словарь. – М., 1956.
65. Русско-узбекский словарь. – М., 1954.
66. Русско-уйгурский словарь. – М., 1956.
67. Русско-хакасский словарь. – М., 1961.
68. Русско-чувашский словарь. – М., 1951.
69. Русско-шорский словарь. – М., 1940.
70. Русско-якутский словарь. – М., 1968.
71. Севортян, Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные / Э.В. Севортян. – М., 1974.
72. Севортян, Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б» / Э.В. Севортян. – М., 1978.
73. Севортян, Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы: «В», «Г», «Д» / Э.В. Севортян. – М., 1980.
74. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М., 2001.
75. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. – Л., 1975–1977.
76. Татарско-русский словарь. – М., 1966.
77. Тувинско-русский словарь. – М., 1955.
78. Турецко-русский словарь. – М., 1977.
79. Туркменско-русский словарь. – М., 1968.
80. Узбекско-русский словарь. – М., 1959.
81. Ўзбек тилининг изоли луғати. Т. I-II. – М., 1981.
82. Уйгурско-русский словарь. – М., 1939.
83. Фазылов, Э.И. Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века. Т. I-II / Э.И. Фазылов. – Ташкент, 1966, 1971.
84. Хакасско-русский словарь. – М., 1953.
85. Чувашско-русский словарь. – М., 1985.
86. Шорско-русский словарь. – М., 1993.
87. Щербак, А.М. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков / А.М. Щербак // ВЯ. – 1966. – № 3.
88. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы: «Ж», «Ж», «Й». – М., 1989.
89. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы: «К», «°». – М., 1997.
90. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву: «°». – М., 2000.
91. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы: «Л», «М», «Н», «П», «С». – М., 2003.
92. Юдахин, К.К. Киргизско-русский словарь / К.К. Юдахин. – М., 1965.
93. Юсуф Хос Хожиб. «°утадғу билиг». Транскрипция ва ёзирги ўзбек тилига тафсиф. Нашрга тайёрловчи филология фанлари кандидати °аюм Каримов. – Тошкент, 1971.
94. Ягелло, И.Д. Полный персидско-арабско-русский словарь / И.Д. Ягелло. – Ташкент, 1910.
95. Яковлев, Ю.А. Пути развития и способы образования турецкой военной терминологии:

- дис. ... канд. филол. наук / Ю.А. Яковлев. – М., 1969.
 96. Якутско-русский словарь. – М., 1972.
 97. Bang W. Über die türkischen Namen einiger Grosskatzen // KSz, 1917, XVII.
 98. Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratur-sprachen Mittelasiens. – Leiden, 1954.
 99. Clauson G. The Turkish elements in 14-th century Mongolian // CAJ. 1960. Vol. 5, №4.
 100. Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. T. I-III. – Wiesbaden, 1963-1965, 1967.
 101. Gabian A. Von. Alttürkische Grammatik. 2 Aufl. – Leipzig, 1950.
 102. Mikloschich F. Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen (Griechisch, Albanisch, Rumunisch, Bulgarisch, Serbisch, Kleinrussisch, Grossrussisch, Polonisch). I // Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philos.- hist. Kl. – Wien, 1884. T. XXXIV; II // там же. – Wien, 1885. T. XXXV; Nachtrag. I // там же. – Wien, 1889. T. XXXVII; II // там же. – Wien, 1890. T. XXXVIII.
 103. Räsänen M. Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen. – Helsinki, 1969.
 104. Radloff W. Phonetik der nördlichen Türksprachen // Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen. – Leipzig, – Wiegand, 1922. Bd. 1. XLV. - Phonetik.
 105. Ramstedt G.J. Studies in Korean etymology. – Helsinki, 1949.
 106. Räsänen M. Uralaltaische Forschungen // UAJb, 1953. Bd. XXV, H. 1-2.

Материал поступил в редакцию 01.09.19

NAMES OF CUTTING AND STABBING WEAPONS IN TURKIC LANGUAGES

T.V. Loseva-Bakhtiyarova, Candidate of Philological Sciences
 The Department of Turkic Philology
 The Institute of Asian and African Studies
 Lomonosov Moscow State University, Russia

Abstract. *In this article in the comparative plan the lexical-semantic, historical-etymological analysis of names of the cutting-stabbing weapon in Turkic languages is carried out. The novelty of our work lies in the fact that the object of the study is the names included in the specified subgroup of the lexical-semantic group "armament" not in one, but in all Turkic languages, the vocabulary of which is subjected to comparative analysis. We have identified the material relating to the names of cutting and stabbing weapons in the Turkic languages, the historical development of this lexical subgroup is shown, the chronological framework of the appearance and disappearance of names or their transition to the category of archaisms and historicisms is established. We have shown the relation of the vocabulary of ancient and medieval written monuments to the vocabulary of modern Turkic languages. We have identified the common Turkic layer of vocabulary and layers of borrowings: inter-Turkic and individual Turkic languages; noted the peculiarities of contacting groups and individual Turkic languages with non-Turkic languages. The author describes the main methods of nomination, analyzes the motivating features that formed the basis of the studied names, and highlights the most productive of them. The connection of military vocabulary with the development of economic, political and cultural life of the peoples-speakers of Turkic languages is considered. Vocabulary common to all Turkic languages, area or group of languages, as well as individual vocabulary in groups or individual Turkic languages is established.*

Keywords: *Turkic languages, military vocabulary, differentiating and integrating features, comparative and historical lexicology, written monuments, methods of nomination.*

УДК 811.161.1

**ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА СОЧЕТАНИЙ
«В ЗАВИСИМОСТИ ОТ» И «ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ»
В СИСТЕМЕ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ**

Е.Н. Агашина, старший преподаватель
Кафедра русского языка и литературы
Дальневосточный федеральный университет (Владивосток), Россия

***Аннотация.** Объектом исследования являются предложные сочетания 'в зависимости от' и 'вне зависимости от'. В статье рассматривается функционирование названных единиц в контекстах, показывающих незавершённую стадию их грамматикализации. Устанавливается, что данные сочетания, в определённых контекстах обнаруживая признаки служебных слов, в некоторых случаях продолжают функционировать как знаменательные слова.*

***Ключевые слова:** грамматикализация, знаменательное слово, служебное слово, конструкция.*

В современном русском языке весьма активно идёт процесс развития служебных функций у знаменательных слов с последующим переходом такого слова в разряд служебных. Так, ещё в 1947 г. В.В. Виноградовым было отмечено, что «категория предлогов в русском языке быстро растёт за счёт главным образом наречий, имён существительных и деепричастий <...>» [3, 1972, С. 533].

Для того чтобы проследить процесс перехода самостоятельных частей речи в категорию служебных, необходимо установить индивидуальные признаки каждой языковой единицы, демонстрирующие совершившийся или ещё не закончившийся процесс перехода данной единицы в другой класс, а также определить общие принципы такого перехода. Определённые результаты подобного исследования были представлены нами в [11, 2014, С. 258-262] на примере омонимичных единиц: наречия НЕЗАВИСИМО в сочетании с простым предлогом ОТ и предлога НЕЗАВИСИМО ОТ.

В настоящей работе объектом исследования являются предложные единицы В ЗАВИСИМОСТИ ОТ и ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ. Они зафиксированы как предлоги в словарях Р.П. Рогожниковой [10, 1991, С. 39, 46], Т.Ф. Ефремовой [7, 2001, с. 91, 100]. В словаре Р.П. Рогожниковой эти служебные слова даны в качестве антонимов. В Объяснительном словаре русского языка под редакцией В.В. Морковкина [8, 2002, С. 54] как предлог представлено только сочетание В ЗАВИСИМОСТИ ОТ. Таким образом, вопрос о месте сочетаний В ЗАВИСИМОСТИ ОТ и ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ в системе служебных слов остаётся открытым.

Признаки, свидетельствующие о начавшейся грамматикализации указанных антонимических единиц, описаны нами в [2, 2017, С. 15-19].

Цель настоящей работы – представить функционирование названных единиц в контекстах, показывающих незавершённую стадию их грамматикализации.

Материал исследования собран с помощью Национального корпуса русского языка и поисковой системы Яндекс.

В статье, посвящённой условиям функционирования служебной единицы В ЗАВИСИМОСТИ ОТ [1, 2015, С. 15-19], рассматриваются структуры, в которых данное сочетание строит конструкции в качестве служебного слова – отымённого релятива. В то же время в ходе нашего исследования было установлено, что это сочетание в определённых случаях продолжает функционировать и как знаменательное слово.

З.Д. Попова, выделяя несколько ступеней перехода косвенных форм в служебные (граммемы), одним из признаков, свидетельствующих о незавершённой стадии грамматикализации, считает совпадение лексического значения слова с номинацией синтаксического отношения, которое эта предложно-падежная форма выражает [9, 2014, С. 216]. К ним относятся существительные *сравнение, помощь, отличие* и др. В этот ряд мы должны включить и существительное *зависимость*.

Однако, кроме названного совпадения лексического значения и номинации синтаксического отношения, есть и другие признаки, указывающие на незавершённость процесса грамматикализации служебной единицы В ЗАВИСИМОСТИ ОТ.

По нашим наблюдениям, это происходит в следующих случаях:

1. В сочетании предложно-падежной формы В ЗАВИСИМОСТИ ОТ с глаголами *находиться, оказаться, очутиться, пребывать*. М.В. Всеволодова относит глаголы *находиться, пребывать* к группе глаголов-экспликаторов, выражающих состояние [6, 2017, С.85]. Приведём ряд примеров: *Многие исследователи отмечают, что в XVI в. мансийские и хантыйские княжества находились в зависимости от Сибирского ханства.* (Н.Г. Хайруллина, А.Р. Салихова. Динамика социокультурной ситуации на юге Тюменской области (2004)); *Западная Европа и США окажутся в зависимости от поставок нефти с Ближнего Востока* (Е. Анисимов. Независимый политэкономист Андрей Паршев: Почему Америка прет напролом? // Комсомольская правда, 2003.04.0); *Трагедия Гоголя в том, что державинская концепция с пушкинской в нем постепенно слились, и тогда весь смысл его собственной жизни очутился в зависимости от результата наблюдений* (В. Ф. Ходасевич. Памяти Гоголя (1934)); *Спорт в Японии долгие годы пребывал в зависимости от крупнейших корпораций, содержавших клубные команды.* (А. Кобеляцкий. Стартап Страны восходящего солнца // «Русский репортёр», 2012).

2. При включении в состав сочетания В ЗАВИСИМОСТИ ОТ согласованных прилагательных. Наличие таких структур говорит о том, что слово «зависимость» сохраняет не только семантику, но и функции существительного.

Включение согласованных прилагательных в данное предложно-падежное сочетание происходит при управляющем компоненте – глаголах состояния.

В конструкциях с глаголом *находиться* наиболее часто используются следующие прилагательные: *прямой* (из 76 фактов – 34 приходится на данное прилагательное) и *полный* (15 фактов): *Скорость распространения огня при степном пожаре находится в прямой зависимости от силы и скорости ветра* (Лесопирологическая характеристика Казахстана (2004) // «Лесное хозяйство», 2004.02.17); *Строители по-прежнему находятся в полной зависимости от поставщиков* (Владимир Кузнецов. Мелодия без труб и барабанов. Взгляд за бамовскую колею // «Огонек», 1989).

В этой позиции возможны и другие прилагательные (*большой, обратный, определённый, периодический* и др.): *Цвет кефали находится в большой зависимости от цвета дна* (В. А. Быстрых. Подводная охота на побережье Абхазии // «Спортсмен-подводник», 1969); *XX век знал не одну такую мобилизацию целого народа, полнота и быстрота которой находились в обратной зависимости от разумной осознанности.* (В.В. Биbihин. Язык философии (1993)); *Появление его в тканях растений находится в определенной зависимости от внешних условий* (Л. Азарова. Листопад // «Химия и жизнь», 1967).

В конструкциях с глаголом *оказаться* наиболее часто употребляется прилагательное

полный, но возможны и другие адъективы: *Люди окажутся в **полной** зависимости от приборов и специалистов, которые их обслуживают (Детектор лжи при приёме на работу: за и против // РИА Новости, 2007.02.21); Эффективность методик тоже оказалась в **прямой** зависимости от методологии, реализуемой при их разработке (В.Я. Ельмеев, В.Г. Овсянников. Прикладная социология. Очерки методологии (1999)); Они оказались в **большой** зависимости от федерального Центра (Кремль вновь заигрывает с губернаторами // Новый регион 2, 2005.09.23.*

Данное явление отмечается и для других предложных единиц подобного типа и по-разному квалифицируется исследователями: такие прилагательные рассматриваются или как конкретизаторы-авторизаторы [5, 2014, С. 172], или как прилагательные-модификаторы [4, 2016, С. 32].

Аналогичные признаки, свидетельствующие о незавершённости процесса перехода в класс служебной лексики, наблюдаются и в случаях с сочетанием ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ:

1. При употреблении сочетания ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ с глаголами *находиться, оказаться, очутиться, пребывать, существовать* компонент **зависимость** функционирует в качестве существительного: *При этом, подчеркнул президент, эта цена теперь **находится вне зависимости от** воли российского правительства и является исключительно рыночной. (Итоги большой пресс-конференции Путина // Новый регион 2, 2006.01.3); Но подчеркну, что в команде Тимошенко я оказался **вне зависимости от** него; Дело может быть сделано и, сделанное, оно **пребывает вне зависимости от** человека, т. е. независимо от того, есть у него душа или нет; Творец **существует вне зависимости от** нашего знания о Нём (поисковая система Яндекс)*

2. В структуру с сочетанием ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ также допустима вставка прилагательных, притом в конструкциях и с указанными выше глаголами, и без них: *Важным достижением «Чёрного передела» было формирование осознанного вывода, что момент осуществления народных идеалов путем народной революции находится вне **прямой** зависимости от желаний партии; Частичное возмещение затрат ключевых руководителей на участие даст им возможность выполнять свои обязанности вне **полной** зависимости от их организаций и личных расходов.; Вода имеет способность испаряться из твёрдого (замороженного) состояния вне **большой** зависимости от температуры (поисковая система Яндекс).*

Интересен тот факт, что в состав предложно-падежного сочетания ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ могут входить кванторные прилагательные *всякий, какой-либо, какой бы то ни было*, которые в сочетании с отрицанием приобретают синонимический характер: *Я не верю в судьбу, но она **настигает** меня вне **всякой** зависимости от моей веры; И потом, развитая цивилизация находится вне **какой-либо** зависимости от культуры; И всё это происходит вне **какой бы то ни было** зависимости от возраста человека, его пола, национальности, расы или мировоззрения (поисковая система Яндекс).*

В таких сочетаниях кванторные прилагательные имеют значение «всеобщности». Специфика заключается в том, что эти же кванторы типичны для конструкций с ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ и НЕЗАВИСИМО ОТ и в том случае, когда эти единицы проявляют признаки предлога [2, 2017; 11, 2014]. В такого рода структурах кванторные слова занимают позицию одного из компонентов конструкции, например: *На странные догадки может наводить и параноя консульских работников США, искренно убеждённых, что **всякий** неамериканец, независимо от звания и состояния, только и мечтает, как бы бросить всё и любой ценой зацепиться в Америке (М. Соколов. Меня уже никто не любит. Колонка обозревателя (2002) // «Известия», 2002.09.25); Особенно важно, чтобы результаты проводимой социальной политики были видны **каждому** сотруднику вне зависимости от его должности (Незаметная работа незаметных людей (2004) // «Управление персоналом», 2004.11.15)* Следовательно, можно говорить об определённой семантической связи между кванторами «всеобщности» и сочетаниями ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ и НЕЗАВИСИМО ОТ. Идея всеобщности, всеохватности, заключённая в указанных кванторных словах, коррелирует с отрицанием в составе

сочетаний, обуславливая эффект семантического согласования.

Итак, анализ исследуемого материала показал, что сочетания В ЗАВИСИМОСТИ ОТ и ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ, проявляя явные признаки служебности, находятся всё ещё на незавершённой стадии грамматикализации. Об этом свидетельствует сочетаемость данных единиц с глаголами бытийности, состояния, положения и их способность впускать в свой состав согласованные определения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агашина, Е.Н. Условия функционирования отымённого релятива 'в зависимости от' / Е.Н. Агашина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2015. – № 4 (46); в 2-х ч. – Ч. 1. – С. 15–19.
2. Агашина, Е.Н. Производные предлоги 'в зависимости от' и 'вне зависимости от': сходство и различие / Е.Н. Агашина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2017. – № 9 (75); в 2-х ч. – Ч. 2. – С. 76–78.
3. Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 615 с.
4. Виноградова, Е.Н. Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на материале соматизмов) / Е.Н. Виноградова // Вопросы языкознания. – 2016. – № 1. – С. 25–50.
5. Всеволодова, М.В. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц / Под общ. ред. М.В. Всеволодовой / М.В. Всеволодова, О.В. Кукушкина, А.А. Поликарпов. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 304 с.
6. Всеволодова, М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка / М.В. Всеволодова. – М.: URSS, 2017. – 656 с.
7. Ефремова, Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка / Т.Ф. Ефремова. – М.: Рус. яз., 2001. – 863 с.
8. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / Под ред. В.В. Морковкина. 2-е изд., испр. – М.: ООО "Изд-во Астрель": ООО "Изд-во АСТ", 2002. – 432 с.
9. Попова, З.Д. Предложно-падежные формы и обороты с производными предлогами в русских высказываниях (синтаксические отношения и функции) / З.Д. Попова. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. – 232 с.
10. Рогожникова, Р.П. Словарь эквивалентов слова: наречные, служебные, модальные единства / Р.П. Рогожникова. – М.: Рус. яз., 1991. – 256 с.
11. Шереметьева, Е.С. Независимо от: наречие и предлог (к вопросу о переходе полнозначных слов в служебные) / Е.С. Шереметьева, Е.Н. Агашина // Европейский журнал социальных наук. – 2014. – № 8. – Т. 2. – С. 258–262.
12. Национальный корпус русского языка 2003 – 2019 (НКРЯ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. (Дата обращения 31.07.2019).

Материал поступил в редакцию 01.09.19

**THE PROBLEM OF STATUS DETERMINATION OF COMBINATIONS
«В ЗАВИСИМОСТИ ОТ» AND «ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ»
IN THE SYSTEM OF FUNCTION WORDS**

Ye.N. Agashina, Senior Lecturer
Department of Russian Language and Literature
Far Eastern Federal University (Vladivostok), Russia

***Abstract.** The object of the study are prepositional combinations “в зависимости от” and “вне зависимости от”. The article deals with the functioning of these units in contexts showing the incomplete stage of their grammaticalization. It is established that these combinations, in certain contexts, revealing signs of function words, in some cases continue to function as significant words.*

***Keywords:** grammaticalization, significant word, function word, construction.*

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал

№ 5 (23), сентябрь / 2019

Адрес редакции:
Россия, 400081, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г», оф. 312.
E-mail: sciphilology@mail.ru
<http://sciphilology.ru/>

Изготовлено в типографии ООО «Сфера»
Адрес типографии:
Россия, 400105, г. Волгоград, ул. Богунская, 8, оф. 528.

Учредитель: ООО Издательство «Научное обозрение»
Адрес: Россия, 400081, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г», оф. 312.

ISSN 2414-4452

Редакционная коллегия:
Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Малышева Жанна Александровна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук
Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук
Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук

Подписано в печать 18.09.2019 г. Дата выхода в свет: 25.09.2019 г.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Заказ № 38. Свободная цена. Тираж 100.